Министерство образования и науки
Российской Федерации

Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет

SOCIOLOGY OF CITY

2016 no 2

Scientific-and-theoretical journal

4 issues per year

Year of foundation — 2007
1st issue was published in 2008

Russian Federation, Volgograd

Founders:
Volgograd State University
of Architecture and Civil Engineering
(VSUACE)

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

Sotsiologiya Goroda

2016 № 2

Научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Учрежден в 2007 г.
1-й номер вышел в 2008 г.

г. Волгоград

Учредитель:
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. выдано Федеральной службой
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране
культурного наследия

Журнал входит в утвержденный ВАК Минобрнауки России Перечень
ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора
и кандидата наук

The journal is included in Russian Science
Citation Index (RSCI)
(http://www.elibrary.ru),
Ulrich's Periodicals Directory
(http://serialssolutions.com),
DOAJ (http://www.doaj.org),
EBSCO (http://www.ebsco.com)

Журнал включен в базы данных:
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ), http://www.elibrary.ru,
Ulrich's Periodicals Directory, http://www.serialssolutions.com,
Directory of Open Access Journals (DOAJ), http://www.doaj.org
EBSCO, http://www.ebsco.com

ISSN 1994-3520. Социология города. 2016. № 2

Редакционный совет:

председатель — д-р техн. наук, проф. ***С.Ю. Калашников*** (ВолгГАСУ, Волгоград)

зам. председателя — канд. техн. наук, доц. ***В.И. Воробьев*** (ВолгГАСУ, Волгоград)

д-р техн. наук, проф. ***А.Н. Богомолов*** (ВолгГАСУ, Волгоград)

канд. архит., проф. ***А.В. Антюфеев*** (ВолгГАСУ, Волгоград)

д-р экон. наук, проф. ***О.В. Максимчук*** (ВолгГАСУ, Волгоград)

д-р техн. наук, проф. ***Л.В. Примак*** (РАНХиГС, Москва)

д-р техн. наук, проф. ***В.М. Шумячер*** (ВИСТех, г. Волжский)

Главный редактор журнала:

д-р филос. наук, проф. ***Б.А. Навроцкий*** (ВолгГАСУ, Волгоград)

Зам. главного редактора

д-р экон. наук, проф. ***В.Н. Казаков*** (МГУ, Москва)

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, проф. ***В.И. Добреньков*** (МГУ, Москва)

д-р техн. наук, проф. ***В.Н. Азаров*** (ВолгГАСУ, Волгоград)

д-р социол. наук, проф. ***В.В. Деларю*** (ВолгГМУ, Волгоград)

д-р социол. наук ***Г.Н. Ильина*** (МГИМО, Москва)

д-р экон. наук ***Г. А. Медиева*** (Национальная инженерная академия Республики Казахстан, Алматы)

д-р архит., проф. ***Г.А. Птичникова*** (Волгоградское представительство НИИТИАГ РААСН)

д-р филос. наук, д-р юрид. наук, проф. ***Н.Н. Седова*** (ВолгГМУ, Волгоград)

доктор философии, председатель фонда им. Гензельманна (Берлин, Германия) ***Т. Флирль***

д-р искусствоведения ***Ояр Спаритис*** (Латвийская академия наук)

Адрес редакции:
400074, Волгоград, ул. Академическая, 1
Тел. (8442)96-99-25, (8442)96-98-28

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет», 2016

Editorial council:

Chairman — Doctor of Engineering Science, Professor *S.Yu. Kalashnikov* (VSUACE, Volgograd)

Deputy Chairman — Candidate of Engineering Science, Docent *V.I. Vorob'ev* (VSUACE, Volgograd)

Doctor of Engineering Science, Professor *A.N. Bogomolov* (VSUACE, Volgograd)

Candidate of Architecture, Professor *A.V. Antyufeev* (VSUACE, Volgograd)

Doctor of Economics, Professor *O.V. Maksimchuk* (VSUACE, Volgograd)

Doctor of Engineering Science, Professor *L.V. Primak* (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)

Doctor of Engineering Science, Professor *V.M. Shumyacher* (Volzhskii Institute of Civil Engineering and Technology, Volzhskii)

Chief Edltor:

Doctor of Philosophy, Professor *B.A. Navrotskii* (VSUACE, Volgograd)

Deputy chlef edltor

Doctor of Economics, Professor *V.N. Kazakov* (Moscow State University*, Moscow)*

Editorial team:

Doctor of Philosophy, Professor *V.I. Dobren'kov* (Moscow State University, Moscow)

Doctor of Engineering Science, Professor *V.N. Azarov* (VSUACE, Volgograd)

Doctor of Social Sciences, Professor *V.V. Delaryu* (Volgograd State Medical University, Volgograd)

Doctor of Social Sciences *G.N. Il'ina* (Moscow State Institute of International Relations, Moscow)

Doctor of Economics *G.A. Medieva* (National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan, Kazakhstan, Almaty)

Doctor of Architecture, Professor *G.A. Ptichnikova* (Volgograd branch of The Research Institute of the Theory and History of Architecture and Town Planning of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences)

Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor *N.N. Sedova* (Volgograd State Medical University, Volgograd)

HIstorician of Architecture, Specialist in Culture, PhD *T. Flierl* (Institute of History and Theory of Architecture and Planning) University Bauhaus, Germany

Doctor habil. Art. *Ojars Sparitis* (Latvian Academy of Sciences)

Address:
Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering (VSUACE).
1, Akademicheskaya St., Volgograd, 400074, Russian Federation,
info@vgasu.ru, www.vgasu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Монастырская М. Е. **Современные тенденции философского осмысления феномена глобализации в урбанистическом контексте ... 5**

Благова М. В. **Градостроительные аспекты социально-функционального моделирования коммерческого жилища в современном городе ... 22**

Данилова А. В. **Использование геолокационных данных в исследовании повседневной мобильности горожан: опыт эмпирического исследования ... 34**

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ

Смирнова И. Н. **Культурно-досуговые практики населения малого города как характеристики образа жизни ... 45**

Филипова А. Г., Ракитина Н. Э. **Дети и город: проблема воспроизводства социального неравенства ... 58**

Кожевников А. А., Пилипенко В. А. **Функциональный анализ здоровья городского населения ... 72**

Чернявская О. А., Басов А. В. **Интернет-ресурсы как источник информации городского населения по теме ВИЧ/СПИД ... 81**

Губанова Е. И., Севастьянова Н. В., Глухова Т. А. **Парадигма физической активности современной городской женщины ... 94**

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ И ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ

Максимчук О. В., Першина Т. А. **Конкурентоспособность современных городов (на примере крупных городов ЮФО) ... 104**

АВТОРАМ

Условия приема статей в редакцию и требования к авторским оригиналам ... 123

CONTENT

ARCHITECTURAL SPACE AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

Monastyrskaya M. E. **Modern trends in philosophical understanding of the phenomenon of globalization in the urban context ... 5**

Blagova M. V. **Town-planning aspects of social and functional modeling of the commercial dwelling in the modern city ... 22**

Danilova A. V. **Use of location based data in the research of citizens' daily mobility: empirical study experience ... 34**

MAN IN CONTEMPORARY CITY

Smirnova I. M. **Cultural and leisure practices of the population of a small town as lifestyle characteristics ... 45**

Filipova A. G., Rakitina N. E. **Children and city: problem of reproduction of social inequality ... 58**

Kozhevnikov A. A., Pilipenko V. A. **Functional analysis of health of the population ... 72**

Chernyavskaya O. A., Basov A. V. **Internet resources as a source of information on HIV/AIDS for the urban population ...81**

Gubanova E. I., Sevast'yanova N. V., Glukhova T. A. **Evaluation of physical activity-related concepts of modern urban women ... 94**

MANAGEMENT OF SOCIAL AND ECONOMIC SYSTEMS

Maksimchuk O. V., Pershina T. A. **Competitiveness of modern cities (by the example of large cities in the Southern federal district) ... 104**

INFORMATION FOR AUTHORS

Admission articles to the editors and the requirements for copyright originals **... 123**

Вниманию авторов и читателей!
Подписку на журнал можно оформить в отделениях Почты России по каталогу «Пресса России», подписной индекс 29507, и электронному каталогу агентства «Книга-Сервис» (www.akc.ru), подписной индекс E 29507.
По вопросам приобретения выпусков журнала 2008–2016 гг. обращаться в редакцию по тел. (8442) 96-99-25

Домашняя страничка журнала ISSN 2077-9402 (Online) на сайте ВолгГАСУ www.vgasu.ru (http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology)

УДК 711.4.03:72.01

М. Е. Монастырская

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ГЛОБАЛИЗАЦИИ В УРБАНИСТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Освещены основные направления и проанализированы современные тенденции изучения феномена глобализации в философском дискурсе. Рассмотрены и оценены с позиций градоведения и градостроительной деятельности индивидуальные творческие установки и предпочтения в изучении урбанистических проявлений процесса глобализации, сформированные и реализованные крупными российскими учеными: философами, культурологами, теоретиками искусства. Обозначена проблема совмещения и/или интеграции «сетевого» (глобализационного) и традиционно-контекстуального (цивилизационного) подходов к градообразованию.

Ключевые слова: глобализация, философский дискурс, методологические проблемы, теория архитектуры, градостроительная наука, пространство, время, урбанизированные территории, городской и/или сельский ландшафт, профессиональная градостроительная идентичность, концепции,

Целью данной статьи является исследование философских и культурологических подходов к анализу и оценке морфологических, образных и феноменологических трансформаций урбанизированных и городских ландшафтов, происходящих в силу «разрастания» и углубления процесса глобализации.

Архитектурная теория и градостроительная наука новейшего времени, изучая и оценивая современные технологии градообразования, вызванные к жизни «информационно-знаниевой революцией» и глобализацией[1] — быстро разворачивающимися по планете интеграционными процессами, наблюдаемыми «как в экономике, так и в других сферах жизни» [2], а также анализируя результаты их предметно-материального (морфологического) и символического (образного) воплощения, вынуждены признать, что без расширения «когнитивных границ, используемых для описания отношений архитектуры с человеком и обществом» [3, с. 8], сегодня невозможно разрешить ряд серьезнейших дисциплинарно-методологических проблем. Кристаллизация последних в начале XXI века обусловлена тем, что информационная эпоха, «созревавшая в недрах культуры примерно с 1930-х и вошедшая в силу к концу XX века, реконфигурирует социальное пространство» [3, с. 7], что, в свою очередь, требует от архитектуры и градостроительства утверждения и репрезентации нового паттерна социальных сил в ответ на ускоренный ритм [3, с. 7] свершающихся на наших глазах миросистемных трансформаций. Глобализация[2] как «всеохватный фактор нашего времени» [5, с. 6] является на сегодняшний день одним из «необходимых» в прямом смысле этого

[1] Термин «глобализация» стал популярным после опубликования американским экономистом Т. Левитом в 1983 г. в журнале «Harvard Business Review» («Гарвард бизнес ревью») статьи «Globalization of Markets» («Глобализация рынков»), в которой глобализация «обозначалась как феномен слияния рынков отдельных продуктов, производимых крупными многонациональными корпорациями» [1].

[2] В 1990 г. британский социолог Э. Гидденс, полагая, что современности (modernity) внутренне присуща глобализация, трактовал это явление как интенсификацию «распространяющихся на весь мир (worldwide) социальных отношений, которые связывают удаленные места (localities) таким образом, что локальные события формируются событиями, происходящими за много миль от них, и наоборот» [4, p. 64].

алгоритмы и инструменты градостроительной деятельности, глобальные технологии, контекстуальный подход.

M. E. Monastyrskaya

MODERN TRENDS IN PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE PHENOMENON OF GLOBALIZATION IN THE URBAN CONTEXT

The main trends in the study of the phenomenon of globalization in philosophical discourse are covered and analyzed in the article. Individual creative attitudes and preferences in the study of urban manifestations of globalization process, generated and implemented by major Russian scientists: philosophers, culture experts, theorists of art, – are reviewed and evaluated from the standpoint of urban study and urban development. The issue of combining and/or integrating of the "network" (globalization) and traditional-contextual (civilizational) approaches to urban planning is stated.

Keywords:
globalization,
philosophical discourse,
methodological issues,
theory of architecture,
urban science,
space,
time,
urban areas,
urban and/or rural landscape,
professional urban identity,
concepts,
algorithms and tools of urban planning,
global technologies,
contextual approach.

слова условий урбанизации: «поскольку революционное наступление новой эры — свершившийся факт, не принимать» его было бы нелепостью [6, с. 226]. Ученый и публицист О. В. Чепелик (архитектор, художник, режиссер, сценарист, оператор, философ) в популярной статье «Утопические аспекты современного урбанизма» дает «полипрофессиональное» определение понятию «глобализация»: «Это процесс, в котором возможность всемирных связей простирается по всему полю социальных отношений. В ходе этого процесса мы видим не только экспансию экономических, политических и военных образований. Мир превращается в многослойное социальное пространство, для которого еще должны быть разработаны новые культурные концепции, обеспечивающие возможность групп и индивидов действовать. Мобильные коммуникации, телеуправление, всемирные системы сотрудничества и глобальные политические альянсы создают новый культурный пейзаж, правила формирования которого должны быть изучены и понятны» [7].

Во все времена, характеризующиеся наступлением естественно необходимых «эпохальных» кризисов в развитии градостроительных объектов разной типологической принадлежности, урбанизированных ландшафтов и систем расселения различных уровней территориально-пространственной организации и, как следствие, кризисов «профессиональной градостроительной идентичности» [8, с. 43], концептуальные, методологические и «производственные» прорывы в сферах градостроительной науки и деятельности совершались с опорой на «кооперативные эффекты» в становлении и развитии многих дисциплин (антропологии, географии, геоэкономики и экономики, искусствознания, культурологии, политологии, социологии, философии и пр.). Доктор архитектуры, профессор

[3] «Причина состоит в том, что это единственная форма существования языка, которая не была съедена визуальной культурой. Философский дискурс нельзя экранизировать или положить на музыку. В результате создался феномен поп-философии, в который интегрировались» [11] не только представители различных культур, религий, социальных слоев и институтов, но и самых разнообразных профессий и квалификаций, претендующих на осмысление и оценку нетривиальных проблем современного градообразования в контексте возникновения и саморазвития его новых типов.

Об авторе:
Монастырская *Марина Евгеньевна — кандидат архитектуры, доцент, Почетный архитектор России, Член Союза архитекторов России, доцент кафедры архитектурного проектирования, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет (СПбГАСУ). Российская Федерация, 190006, г. Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., 4, gradoved@gmail.com*

Monastyrskaya *Marina Evgen'evna — Candidate of Architecture, Docent, Russian Architect of Honour, Member of the Russian Union of Architects, Docent of Architectural Design Department, Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering (SPBGASU). 4, Vtoraya Krasnoarmeiskaya st., 190006, Saint-Petersburg, Russian Federation, gradoved@gmail.com*

Г. А. Птичникова утверждает, что из всех видов искусств архитектура наиболее близка философии [9]; эту точку зрения активно поддерживает доктор архитектуры, профессор И. А. Добрицына: ближе «всего к архитектуре была философия» [3, с. 8]. А. Г. Раппапорт, доктор искусствоведения, профессор, в своей фундаментальной статье «Пять проблем теории архитектуры XXI века» еще более убедителен в своей приверженности философскому осмыслению архитектурных начинаний: «Без философской рефлексии теория архитектуры рискует превратиться в скучный фарс» [10]. Поскольку, как отмечает Б. Е. Гройс — философ и теоретик искусства, — единственной из традиционных социокультурных форм, которая глобализовалась достаточно успешно, является «философский дискурс»[3] [11], постольку мы считаем необходимым познакомиться с тем, как воспринимают урбанистические проявления глобализации представители российской научной школы философии.

Совокупный «философский портрет» глобализации представлен в диссертационной работе Н. В. Падалка «Глобализация как феномен современной культуры (Философско-антропологический аспект)» [12]. Автор работы отмечает, что в отечественной и зарубежной научной литературе наличествуют существенно разнящиеся подходы к определению понятия «глобализация». Так, «М. В. Ильин определяет глобализацию как “становление единого мира — целостного и по своим общим контурам, и по внутренней взаимосвязанности своих взаимопроникающих компонентов”… В. Л. Иноземцев дает такое понимание глобализации: “Современная глобализация представляется мне процессом преобразования региональных социально-экономических систем, уже достигших высокой степени взаимозависимости, в единую всемирную систему, развивающуюся на базе относительно унифицированных закономерностей”». И далее: «глобализация представляет собой превращение ряда обособленных мирохозяйств в мировую экономику»…

У. Т. Андерсон считает, что глобализация представляет собой «поток конвергирующих сил, который создает подлинно единый мир…». Н. В. Загладин под глобализацией понимает «новый этап мирового развития, характеризующийся резким ускорением темпов интернационализации всех сфер общественной жизни (экономической, социальной, политической, духовной)...». М. Г. Делягин считает, что глобализация — это «процесс формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий...». А. П. Федотов считает, что «термин глобализация в самом общем смысле означает происходящий в настоящее время процесс планетарного объединения всех сфер человеческой деятельности, охватывающий производство, технологию, торговлю, культуру, политические и государственные институты…». По мнению А. П. Бутенко, это — «такая ступень интернационализации общественного производства, когда главным источником общественного богатства становится уже не труд в своей непосредственной форме, а наука как непосредственная производительная сила...» [12]. Сознавая, что настоящий «этап развития характерен устремленностью к созданию целостного планетарного мира людей», философ Н. В. Падалка высказывает предположение о том, что глобализация как главный вызов нашего времени «вселяет народам чувство надежды и страха. Она может стать для человечества общепланетарным добром, открыть путь устойчивого развития на основе справедливости, свободы, гармонии и гуманизма. Но может обернуться и вселенской бедой, втянуть род людской во всеобщую вражду, поставить его на грань различных катастроф. Точнее, не сама по себе глобализация, а способ ее проведения, политика использования ее достижений и возможностей» [12]. Приведенное высказывание по-своему развивает жесткую и, в то же время, идеологически «просторную» трактовку явления «глобализация», которое еще в 1980-х гг. сформулировал российский философ и социолог А. А. Зиновьев: это «грандиозный процесс, который охватил все человечество. В нем на карту поставлена именно судьба человечества как целого, вся его последующая социальная эволюция. Естественно, стремление осмыслить его уже породило и будет порождать впредь во все возрастающих масштабах множество разнообразных суждений и оценок. В него вовлечены огромные массы людей, причем — одни в качестве конкистадоров, другие — в качестве покоряемых, одни — в качестве выгадывающих, другие — в качестве теряющих. Рассчитывать на некое академическое и морализаторское единодушие в понимании этого процесса было бы наивно» [1].

К началу XXI века в мировом научном сообществе утвердилась «концепция глобального общества» (global society), с точки зрения которой все люди Земли являются гражданами единого глобального общества[4], состоящего из великого

[4] Глобализация [Электронный ресурс] // Википедия — свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BB%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F (дата обращения 05.11.15).

множества локальных сообществ, функционирующих в различных странах мира. Эта концепция предельно упростила методологию изучения процессов глобализации, которые в подобном ракурсе рассматриваются как рядовые социальные преобразования, происходящие в рамках глобального общества. Механистичный и, по большому счету, весьма наивный методологический подход к объяснению сложноорганизованного и внутренне противоречивого явления убедительно прокомментирован Б. Е. Гройсом: «Я всегда скептически относился к проекту глобализации и никогда не верил в него, вопреки возникшей в конце 1980-х всеобщей эйфории. Дело в том, что глобализация оперировала крайне схематичной оппозицией — оппозицией “подключения/исключения” — как в случае входа в Интернет. Эта идеология предполагала, что существует только один проект глобализации — на базе коммерческой массовой культуры, международного медиального рынка, современных систем коммуникации, в конечном счете — экономики глобального капитализма. Было представление о том, что произошла тотальная деидеологизация и мы оказались в мире, где единственной оставшейся утопией была утопия тотальной подключенности. Но уже тогда было ясно,… что единого проекта глобализации быть не может. И это довольно быстро стало всем понятно: существует американский проект глобализации, исламский проект глобализации, европейский и наверняка есть и другие проекты. Оказалось, что разные страны понимают под глобализацией разные вещи… Таким образом, мы получили нечто совершенно отличное от того, что все ожидали» [11]. Наиболее компактно, эффектно и убедительно философско-культурологический взгляд на современные тенденции градообразования изложен О. В. Чепелик в уже упоминавшейся нами статье «Утопические аспекты современного урбанизма»: «Для урбанистического пространства современности характерна последовательная фрагментация, протяженность периферии — и это лишь некоторые феномены большой трансформации. Появление автомобиля, поезда, телевидения в прошлом трансформировало урбанистическую модель города из пространственной и однородной общности во временную, гетерогенную. Если современный транспорт действительно трансформировал город, прерывая логическое единство времени и технологии, новые коммуникационные технологии радикально трансформировали его и в отношении ко времени. Феномен последнего времени — глобальная экономика — доказывает, что интерактивность и мобильность являются проявлением урбанизма будущего в рамках нынешней модели. Мутация количественного фактора пространства в качественный фактор коммуникации радикально преобразует город. Исчезновение концепта “территориальности” ведет к потере экономической, пластической и сакральной значимости пространства в пользу новых локально-пространственных, информационно-соотносимых идентичностей» [7]. «Исчезновение концепта «территориальности» прогнозирует также российский философ А. В. Миронов, трактующий “глобализацию” как сложный и многомерный процесс, проявляющийся в экономической, политической, культурной и информационной универсалиях, когда территориальность исчезает, как организующий принцип социальной и культурной жизни…» [12]. Признавая, что сегодня на «место устойчивого пространства бытия приходит идея бытия необратимо из-

меняющегося» и что «время становится наряду с пространством генеративным архитектурным фактором» [10], мы понимаем, что, опираясь на уже исторически апробированные градостроительные технологии — достаточно специфичные и, в какой-то мере, избыточно ригидные, — сложно решить проблему интеграции «сетевого» и традиционно-контекстуального методов градообразования без своеобразных «парадигмальных прививок» (термин В. С. Степина) знания из других областей науки [3, с. 8].

Дабы обозначить эмоционально-когнитивный вектор философско-культурологических предпочтений междисциплинарного дискурса, в рамках которого наблюдается разнообразие оценок, трактовок и дефиниций сложноорганизованного явления «урбанистика в контексте глобализации», мы должны признать, что американский мыслитель «Иммануил Валлерстайн считает, что идея глобализации как универсального этапа мирового развития есть “громадная ошибка современной действительности, обман, навязанный нам властными группировками и нами же самими, часто в отчаянии”» [13, с. 250]. Пессимистичный вывод «отца исторической глобалистики» не разделяет, однако, Б. Е. Гройс, который, как уже отмечалось выше, изначально не верил в проект глобализации и потому, вероятно, не обманулся в своих ожиданиях относительно результатов его воплощения во времени и пространстве [11]. В своей фундаментальной работе «Город в эпоху его туристической воспроизводимости» [14] доказывая, что мобильность «между городами — во всех формах туризма или миграции — принципиально изменила как наше отношение к городу, так и сами наши города», Б. Е. Гройс подчеркивает, что возникновение глобальных сетей и планетарная мобильность принципиально вписали городской у-топос (место расположения города) в «топографию глобализированного пространства» и что в связи со всеобъемлющей информационной коммутацией уже сегодня имеет смысл говорить «не о мировом городе, а о мировой деревне. Для туриста, как и для мигранта, главной темой становится земля, на которой стоит город» [14]. Это замечание Б. Гройса, которое, как покажет дальнейший анализ его работы, самому автору не представляется значимым, для нас, напротив, весьма перспективно в силу его отчетливой коррелируемости с цивилизационными постулатами Э. Тоффлера [8, с. 45] и в силу его явной «территориальной привязки», любезной каждому практикующему градостроителю. К этой концептуальной «оплошности» Бориса Гройса мы еще не раз вернемся.

В отношении же Б. Е. Гройса к происходящим в глобализированном планетарном пространстве внутригородским и межгородским трансформациям можно выделить ряд тем, которые сегодня уже являются каноническими для рассмотрения в междисциплинарных дискурсах. К ним относятся: теоретическое осмысление историко-эволюционных предпосылок преобразования городской среды; истоки и существо явления глокализации[5] (Р. Робертсон); проблемы го-

[5] Глокализация — «модель общественного развития, в которой заключается единство противоположных тенденций (глобализации и локализации), формирующее целостное экономическое пространство, которое не отрицает глобальную интеграцию, но ориентирует воспроизводственные процессы на удовлетворение внутренних интересов регионов

могенности и универсальности урбанизированных ландшафтов, мотивации и тенденции современного пространствообразования и др. Если в наших городах и есть хоть что-то постоянное, утверждает Борис Гройс, то только «постоянная подготовка к созданию чего-либо постоянного, постоянное отодвигание окончательного решения, постоянные перестройка, долговременный ремонт и фрагментарное приспособление к новым потребностям» [14], что обусловлено присущим городу «имманентным утопическим измерением»: утопичная «мечта о полной разумности, ясности и подконтрольности городской среды приводит... к развертыванию исторической динамики, которая проявляется в постоянной перестройке всех областей городской жизни. Стремление к утопии принуждает город к постоянным самопреодолению и саморазрушению» [14]. В городе, ставшем местом революций, постоянных новых начинаний, приютом мимолетной моды, калейдоскопически меняющихся стилей жизни, «вновь и вновь предпринимаются попытки расчистить место для грядущего, для будущего — но приход будущего без конца отменяется и отодвигается, поскольку обломки уже построенного оказывается невозможно полностью удалить и текущая подготовительная фаза никогда не может прийти к завершению» [14]. Утопический импульс — «стремление Нового времени к идеальному городу со временем становится все слабее и слабее — и постепенно заменяется очарованием туризма»[6] [14] с последовавшим за этим изменением направления утопических устремлений: сегодня «признания ищут не во времени, а в пространстве. Глобализация сменила будущее в качестве местоположения утопии. Вместо авангардистской политики будущего сегодня практикуют политику путешествия, странствования, кочевничества [14]. Борис Гройс доказательно констатирует, что на арену мирового общественного развития вышел новый, весьма значимый и эффектный в экономическом плане актор — город-турист, глобально циркулирующий и воспроизводящийся по всему миру со скоростью, явно превышающей скорость передвижения индивидуальных туристов [17, с. 14]. «Этот факт вызывает широко распространенную сегодня жалобу на то, что все города все больше становятся похожи друг на друга, что они гомогенизируются, что когда приезжаешь в новый город в качестве туриста, то видишь там то же самое, что уже видел во всех других городах. Этот опыт схожести всех сегодняшних городов часто приводит наблюдателя к неправильному выводу, что локальные культурные особенности, идентичности и различия исчезли в процессе глобализации. В действительности они не исчезли, а, в свою очередь, отправились в путешествие — и начали воспроизводиться и распространяться по всему миру» [14].

мира» [15]. «В социологии данный термин выражает идею напряженности между локальными и глобальной культурами. Глокализация как процесс представляет собой глобализацию локального и локализацию глобального» [16].

[6] «Если мы сегодня недовольны тем, что может предложить нам жизнь в нашем собственном городе, то мы не пытаемся изменить этот город, революционизировать или перестроить его, а просто едем в другой город — ненадолго или навсегда, — чтобы там найти то, чего нам не хватало в нашем городе [14].

Таким образом, проблему соотношения глобального и локального в урбанизированных ландшафтах современных городов Б. Е. Гройс разрешает достаточно радикально. Он утверждает, что локальное «не исчезает, а становится глобальным. Различия между городами становятся внутригородскими различиями. Возникает глобальный мегаполис, который заменяет глобальную деревню. Мегаполис выступает как машина воспроизводства, которая относительно быстро воспроизводит все локальное, что возникает в определенном городе, во всех других городах мира. Так, различные города становятся все больше и больше похожими друг на друга, хотя при этом ни один город не служит моделью для всех остальных городов» [14]. Глокализация как повсеместное «биполярное» явление, еще требующее взвешенной высокопрофессиональной оценки и осмысления [17, с. 14], способствует гомогенизации городской среды: «современный мегаполис гомогенен, не будучи универсальным», в силу замены универсальностью мультимедийного распространения каждой локальной идеи универсальности мышления, а также замещения глобальным воспроизводством каждой локальной формы универсальности художественной и/или культурной формы [14]. Именно в этом, по Гройсу, состоит причина возникновения гомогенности урбанизированных ландшафтов без их исторически обусловленной, традиционно ожидаемой универсальности. Такой результат глобализации, по сути, деструктуралистский, Борис Гройс оценивает как «действительно новое, подлинно современное развитие. Утопия постоянного глобального движения пришла на смену утопии вечного универсального порядка» [14].

Несмотря на внутреннюю противоречивость и нарочитую эпатажность урбанистической позиции Б. Е. Гройса, обусловленную, по нашему убеждению, избыточной социальной кодированностью его научного мышления и, естественно, внепрофессиональным отношением к проблемам градообразования, она имеет право на существование, хотя бы в силу того, что служит, в определенной мере, точкой отсчета для сопоставления с иными аналитико-оценочными подходами и исследовательскими установками.

К последним, бесспорно, относятся философско обусловленные попытки В. И. Аршинова и Я. И. Свирского оценить «архитектурно-градостроительные проблемы современности» [3, с. 14], вызванные к жизни глобализационными процессами и кризисом традиционных социокультурных парадигм, которые нацелены на классификацию проблемных ситуаций в градостроительной науке и практике, их интерпретацию с позиций архитектуры, философии и естествознания и, таким образом, осмысление инновационного смыслообразования в архитектуре и градостроительстве, предстающего «как знак сложного и не всегда безболезненного перехода к новым моделям мышления, ставшим характерным для описания сверхсложных объектов, с какими имеет дело современная наука и философия» [18, с. 48]. Авторы [18] обоснованно полагают, что «современное градостроительство ставит перед теми, кто пытается понять и осмыслить его, целую совокупность проблем, связанных именно с тем, как возникают и организуются города, особенно в связи с процессами, свойственными как современной культуре в целом, так и ее философско-мировоззренческим трансформациям в

частности» [18, с. 47]. Известные философы считают, что «города следует относить к сверхсложным, становящимся, человекомерным объектам, к коим приложимы методы и стратегии описания, предлагаемые теорией самоорганизации (синергетикой)» [18, с. 48]. При этом под самоорганизацией они понимают «то обстоятельство, что внутренняя структура той или иной системы возникает далеко не только в силу неких внешних причин, но и благодаря присущей ей внутренней динамике. Такие системы демонстрируют явления нелинейности, неустойчивости, фрактальности, хаотичности, тесно связанные с общим экзистенциальным ощущением жизни и урбанизации в конце XX столетия» [18, с. 49]. В. И. Аршинов и Я. И. Свирский предложили следующую классификацию проблемных «состояний» в градоведении: 1) необходимость историко-теоретического осмысления хода и результатов градостроительного творчества; 2) желательность поиска «философско-методологических оснований, не только способствующих осмыслению того, что несет с собой урбанизация, но и позволяющих расширить горизонт восприятия результатов архитектурной деятельности»; 3) обязательность соотнесения «градостроительных технологий и современных постнеклассических (междисциплинарных и трансдисциплинарных) исследований в естествознании (синергетике, нелинейной математике)» [18, с. 47].

Философы оценивают ландшафт современных глобальных и глобализирующихся городов (диссипативных, синергетических, хаотических городов, городов типа клеточных автоматов, типа груды песка и т. д.) культурологически традиционно: как мозаику «из древних, старых и новых зданий, улиц, дорог, кварталов, названий улиц, стилей, каждый из которых — след памяти, участвующий в создании наличного ландшафта города» и настаивают на том, что современный «город можно рассматривать как древний язык: лабиринт из произнесенных слов и выражений, старых и новых понятий, понятий с пристройками из разных эпох; и все это окружено множеством новых диалектов с особыми регулярными словами — стандартными схемами» [18, с. 57—58]. Это, в свою очередь, позволяет применять к самоорганизации городских систем понятия «фуркативное» и «герменевтическое изменение» [18, с. 57], в определенном смысле обеспечивающие взаимообусловленность и саморегуляцию протекающих в городе социально-пространственных, информационных и экономических процессов. Весьма обобщенно, воистину философски отмечая лишь некоторые проявления глобализации в современном градообразовании, включая отношения между глобальным и локальным: «между локальной и глобальной информацией, между локальными свойствами индивидуального элементарного единства и глобальными свойствами “системы” (то есть самого города), между локальным поведением человека и глобальным “поведением” города, между свойствами локального соседства и глобального города» [18, с. 56], ученые осознают необходимость выявления тенденций «резонанса» между профессиональным градоурегулированием городов, философией и естествознанием, обязательность формирования взаимосвязей между градостроительной методологией и иными формами и типами мышления, что, по их убеждению, будет способствовать «возникновению новых смыслов, какие появляются в результате конструктивно-

го диалога между архитектурой, философией и естествознанием» [18, с. 47—48], созданию инновационных стратегий градоустройства в русле синергетической парадигмы. Поскольку, утверждают В. И. Аршинов и Я. И. Свирский, «современный (или даже постсовременный) самоорганизующийся город по существу динамичен, пребывает в состоянии, далеком от равновесия, и соткан из взаимодействующих между собой “единств” — людей, семей, домашних хозяйств, кои сами являются сложными и самоорганизующимися объектами, обладающими к тому же субъективной индивидуальностью и относительной независимостью» [18, с. 54], постольку неизбежно сопряжение «стратегий, достаточно далеких друг от друга, как по питающим их традициям и идейным истокам, так и, пожалуй, по движущим мотивам» [18, с. 47]. Подобная позиция, доказательно изложенная в [18], представляется нам перспективной в аспекте поиска путей оптимизации процесса градоформирования с учетом проблем и издержек, вызванных к жизни процессом глобализации, разработки и продвижения современных концепций, алгоритмов и инструментов градостроительной деятельности. Таким образом, согласно Б. А. Навроцкому и Г. А. Птичниковой, неизбежно возникает и институализируется «определенная цепочка-связь между социально-философскими идеями на одном полюсе и архитектурным творчеством на другом» [19, с. 4].

Значимой для нас является оценка феномена глобализации в его урбанистическом контексте, предпринятая создателем научной школы гуманитарной географии[7] — «гуманитарную географию можно считать особой российской школой культурной географии, сформировавшейся в 1990—2000-е» годы [21, с. 5] — географом, философом и культурологом Д. Н. Замятиным. Для совершенствования градостроительных технологий и их адаптации к реалиям современного отечественного градоводства, встраивания градоведения (экистика, урбанистика, градостроительная наука, история и география градостроительного искусства, теория градостроительства, социология и экология города, ландшафтный урбанизм и пр.) в иерархическую систему взаимосвязанных научных дисциплин, таких, например, как экономическая, культурная и/или гуманитарная география, краеведение, архитектуроведение и/или искусствоведение, для нас исключительно важно уверенное и, при том, своеобычное оперирование Д. Н. Замятиным междисциплинарными терминами, понятиями и научно-практическими категориями, свойственными как гуманитарной географии, так и градостроительной деятельности: так формируется «внятный» межпрофессиональный язык. Часто употребляемыми ученым терминами и словосочетаниями являются: пространство, территория, среда, культурный ландшафт, географиче-

[7] «Гуманитарная география — междисциплинарное научное направление, изучающее различные способы представления и интерпретации земных пространств в человеческой деятельности, включая мысленную (ментальную) деятельность. Базовые понятия, которыми оперирует гуманитарная география, — это культурный ландшафт (также этнокультурный ландшафт), географический образ, региональная (пространственная) идентичность, пространственный или локальный миф (региональная мифология)» [20, с. 26].

ский образ[8], место[9], сопространственность, миф, ансамбль, дом, средовая архитектура, ландшафтная архитектура, урбанистический и сельский ландшафт, «пространственные построения, которые проще назвать сериями прикладных пространственных образов», земной ландшафт, образ территории, территориальные идентичности, «строго расчерченные городские порядки» и т. д. [22, с. 64—72].

Гуманитарная география, утверждает Д. Н. Замятин, «работая с территорией в рамках прикладных проектов, имеет целостный методологический инструментарий, посредством которого выстраиваются последовательности базовых географических образов, локальных мифов, территориальных идентичностей и культурных ландшафтов… По сути дела, пространство оказывается первоначальным полем формирования других специфических пространств, отвечающих интересам различных личностей и сообществ» [22, с. 64], что является, по представлению ученого, предметом деятельности архитектуры. Эта парадигма позволяет соотнести гуманитарно-географический подход к моделированию «пространственности и ее образных репрезентаций» [22, с. 67] с территориальным и/или пространственным и морским планированием, градостроительным планированием и планировкой территорий поселений. Такой обыденно-очевидный для профессионала-градостроителя шаг Д. Н. Замятиным сделан не был, он ограничился концептуальным поиском обретения «сопространственности» архитектурой и гуманитарной географией: «И гуманитарная география, и архитектура, как правило, имеют дело с определенной территорией — если абстрагироваться в данном случае от строго теоретических дискурсов. Это отношение к территории во многом проявляется через образ, непосредственно образ территории... обе дисциплины занимаются творением или сотворением нового пространства» [22, с. 64]. О существовании градостроительной деятельности, в содержательных рамках которой архитектурно-строительное проектирование является лишь одним из методов преобразования естественно-природной или культурно-исторической среды, и об исторически и географически состоявшихся и активно развивающихся сегодня процессах урбанизации как способах и формах обустройства земных пространств Д. Н. Замятин, вероятно, пока прицельно не задумывался. Поэтому в силу наличествующего теоретико-методологического разрыва между иерархически дистанцированными уровнями организации социально-пространственной среды нам тем более интересны точные критические комментарии Д. Н. Замятина по поводу издержек глобализации как фактора градообразования. Сегодня, отмечает ученый, происходит социально-культурная синхронизация (один из элементов нового скрытого цивилизационного кода

[8] «Географический образ — система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко, и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию (место, ландшафт, регион, страну). Географический образ — центральное понятие имажинальной географии» [22, с. 29].

[9] «Место как онтологическая матрица пространственности и есть реальная архитектура географического образа» [22, с. 73].

Э. Тоффлера!!!) в развитии прежде различных по типу пространств: «Причем происходит кардинально — путем технологической перекройки сложившихся ландшафтов» [3, с. 14]. Д. Н. Замятин убежден, что основная «когнитивная проблема проекта глобализации заключается в бессознательном (или подсознательном) стремлении к достижению тех целей проекта модерна, которые в той или иной степени не были достигнуты полностью к началу XX века» [22, с. 66]. «Идеологический проект глобализации, который должен был заменить расшатанные устои мира модерна, оказался к началу XXI века не в состоянии “скрепить”, поддержать или хотя бы сохранить остатки прежде единого, господствующего в большинстве региональных и локальных сообществ дискурсивного пространства — несмотря на развитие таких мощных сопутствующих дискурсов и концепций, как постмодернизм, постколониализм и мультикультурализм. Не помогло и введение в социокультурные дискурсы глобализации понятия глокализации» [22, с. 65—66].

Наиважнейший вывод Д. Н. Замятина, напрямую корреспондирующийся с цивилизационной парадигмой и критично-региональной трактовкой процесса глобализации, данной Б. Е. Гройсом, — имманентная архаичность проекта глобализации, которая «сказывается прежде всего в предположении о возможности социокультурной синхронизации развития совершенно различных пространств, регионов и территорий, которые, однако, конструируют, продуцируют свои, не связанные прямо с другими, образы и представления, распространяющиеся за пределы их собственных физико- и политико-географических границ» [22, с. 66]. Таким образом, несмотря на структуралистские методические огрехи в построении «идеальной», по оценке И. А. Добрицыной, «выточенной теоретической конструкции» [3, с. 14] Д. Н. Замятина, аспекты пространственности, территориальности, региональности и локальности, т. е., в конечном счете, «заземленности» (но не приземленности!) градостроительного обустройства (морфологического, структурного, образного, феноменологического и пр.) социально-экономических процессов, территориальная обусловленность профессиональной деятельности градостроителей, планировщиков и архитекторов непроизвольно сохраняются создателем российской школы гуманитарной географии в качестве базовых компонентов процесса регулирования урбанизации, что имеет принципиальное значение: действительно, главной темой сегодня «становится земля, на которой стоит город» и, несомненно, признания сегодня «ищут не во времени, а в пространстве» [14].

Любопытное развитие тем «пространства» и «пространственности», а также оценки роли архитектуры в их «заполнении» и преобразовании в эпоху глобализации состоялось в докладе «Пространство и философия», сделанном философом В. А. Подорогой на конференции «Архитектура в социальном пространстве», которая состоялась в НИИТИАГ РААСН 10 ноября 2010 г. В. А. Подорога [23] декларирует тезис о том, что архитектура и, вероятно, градостроительство — это «иллюзионистский набор, который позволяет выстроить иллюзорное представление о пространственности. Оно не существует, или существует только в этом человеческом общежитии» [23, с. 119]. Согласно комментариям И. А. До-

брицыной к упомянутому докладу, «Валерий Подорога поясняет понятие первоначального ужаса человека перед неосвоенным пространством» [3, с. 17], вводит в научный оборот понятие «невроз представлений» как состояние, инициирующее и мотивирующее деятельность по освоению пространства: «Невроз представления есть ужас, который человека охватывает перед неоживленным, неживым пространством» [23, с. 117]. В. А. Подорога «считает, что фактически архитектурное дело выстраивается на “неврозе представлений”, который издревле пронизывает человеческое существование как таковое» [3, с. 17]. Он настаивает на том, что исключительно важны обнаруженные им различия «между, допустим, *страхом*, *который позитивен*, и *страхом как некоторой фобией*. То есть... заполнение пространства сопровождается некоторыми эмоционально-психологическими... страстными регуляторами, которые позволяют осваивать пространство через меры безопасности, дистанцирование, установление пустот, заполнение пустот» [23, с. 118].

Социокультурная ситуация на сегодняшний день такова, что пространства, по убеждению В. А. Подороги, «по сути дела, производятся. Они все время делаются, создаются»; пространство без заполнения и наполнения, в конечном счете, «ответвляется — через невроз представления — в ту иллюзию, что мы управляем этой пустотностью» [23, с. 118]. Концептуальные установки В. А. Подороги, являющиеся результатом философского осмысления процесса пространствообразования и нацеленные на актуализацию защитных свойств архитектуры как социальных явления и института, отдаленно корреспондируются с социальными контентами идеи устойчивого (поддерживаемого) развития человеческого общества, формализованной в Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию, Йоханненсбургской декларации по устойчивому развитию, Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: «В свете защиты от первобытного страха такие качества архитектуры, как красота или морализаторство, отступают на второй план… архитектура должна рассматриваться не столько в понятиях “красоты”, сколько в понятиях первобытного страха и одновременно в понятиях символической причастности индивидуума к сообществу» [3, с. 17]. В то же время, «защитно-невротические» основания пространствообразования, отмеченные В. А. Подорогой, явно не согласуются с мотивациями и механизмами обустройства публичных и приватных пространств[10], интуируемыми Б. Е. Гройсом. Сегодня, утверждает философ и теоретик искусства, «мы имеем дело с весьма парадоксальным проектом, который предполагает не только строительство внутри публичного пространства; строительство не в пустом пространстве, но строительство самой пустоты, утопии внутри приватизированных пространств и пространств частных интересов» [24],

[10] Публичное «пространство понимается как своего рода вакуум, открытое и пустое пространство, в котором могут расположиться некие строения, объекты искусства, памятники, коммерческая реклама, политическая пропаганда и много других вещей. Частные пространства, напротив, понимаются как пространства закрытые — выстроенные их владельцами и архитекторами внутри открытых публичных пространств» [24].

что обусловливает и некую парадоксальность роли архитектора в современном градообразовании: «роль архитектора в современном мире, где публичное пространство активно приватизируется, заключается в создании пустоты и разрыва. Именно в этой пустоте и открывается возможность конструирования социального» [24]. Согласно Б. Е. Гройсу, «архитектор должен заниматься строительством вакуума, но строительство чего-либо — и в том числе вакуума — всегда оказывается в конечном счете строительством некоей закрытости. Это означает, что архитектура, которая пытается создать публичное пространство, в то же время должна стать… антиархитектурой» [24], которая, при этом, призвана воплощать и поддерживать в своих пространственных конструкциях и построениях демократические или иные ценности «общества, социальных классов, территориальных и этнических общностей» [25, с. 10].

Широкий диапазон индивидуальных творческих оценок урбанистических проявлений глобализации, оформившийся в результате анализа философско-культурологического дискурса, — от некритично-позитивистского принятия результатов реализации проекта глобализации (Б. Е. Гройс) через нейтрально-конструктивистское отношение к градостроительным концептам и продуктам развития цивилизации и глобальных технологий, исторически состоявшимся и современным (В. И. Аршинов, Я. И. Свирский), к отстраненному, имманентно дискуссионному философствованию (В. А. Подорога) и критично-продуктивной позиции Д. Н. Замятина, — дает мощный когнитивный импульс к профессиональному самоопределению и обеспечивает простор профессиональному воображению, что, в свою очередь, позволяет приступить к исследованию специфики теоретического архитектурно-градостроительного дискурса с целью выявить некие общие подходы к оценке и тенденции осмысления достоинств и издержек глобализации в урбанистическом контексте. Актуальность этого намерения не вызывает сомнений: глобализация «вместе с захватывающими дух возможностями развития архитектурного формообразования несет в себе угрозу гуманистической составляющей архитектурной среды современных городов... Вызовы глобализации ждут ответа» [26, с. 46]. Но об этом — в следующей публикации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Маслов О. Ю.* Глобализация: этапы глобализации, доллар-глобализация, кризис-глобализация или процесс глобализации глазами мыслящих глобально // Еженедельное независимое аналитическое обозрение. 26.09.2009. URL: http://www.polit.nnov.ru/2009/09/26/glob5ethronolog26/

2. *Покровская Н. Н.* Глобализация и регионализация // Личность и культура. 2004. № 1. URL: http://lichnost-kultura.ru/2004/20041/2004109/2004109.htm

3. *Добрицина И. А.* Введение. Архитектура как иммунная система // Архитектура и социальный мир / отв. ред. И. А. Добрицина. М.: Прогресс-Традиция, 2012. С. 6—24.

4. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1990. 188 p.

5. *Дуцев М. В.* Концепция художественной интеграции в новейшей архитектуре. Нижний Новгород: ННГАСУ, 2013. 388 с.

6. *Добрицина И. А.* Два кода архитектуры: репрезентация символической власти глобальной экономики // Архитектура и социальный мир / отв. ред. И. А. Добрицина. М.: Прогресс-Традиция, 2012. С. 213—228.

7. *Чепелик О. В.* Утопические аспекты современного урбанизма // Художественный журнал. 2003. № 51/52. URL: http://xz.gif.ru/numbers/51-52/urbanizm/

8. *Монастырская М. Е.* Закономерности морфотипологической трансформации крупных приморских агломераций Балтии: гипотезы исследования // Вестник гражданских инженеров. 2015. № 1 (48). С. 43—48.

9. *Птичникова Г. А.* Эволюция идей прагматизма в архитектуре Запада (на примере США и Швеции): автореф. дис... д-ра архит. Москва, 2005. 57 с.

10. *Раппапорт А. Г.* Пять проблем теории архитектуры XXI века // Вестник Европы. 2007. № 19-20. URL: http://magazines.russ.ru/vestnik/2007/19/ra32.html

11. Борис Гройс: глобализация и теологизация политики. Беседа Б. Гройса и В. Мизиано // Художественный журнал. 2004. № 4 (56). Режим доступа: http://xz.gif.ru/numbers/56/6/

12. *Падалка Н. В.* Глобализация как феномен современной культуры (Философско-антропологический аспект): дис... канд. филос. наук. СПб, 2004. 162 с.

13. *Птичникова Г. А.* Объекты «глобальной архитектуры» в пространстве российского города: проблема соответствия контексту // Архитектура и социальный мир / отв. ред. И. А. Добрицина. М.: Прогресс-Традиция, 2012. С. 250—264.

14. *Гройс Б. Е.* Город в эпоху его туристической воспроизводимости / Б. Е. Гройс; авторизованный перевод с немецкого С. Шамхаловой // Неприкосновенный запас. 2003. № 4. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2003/4/grois.html).

15. *Мешков С. А., Саяпин А. В.* Глокализация как концептуальная основа доктрины экономической безопасности в сфере земельных отношений // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 11. С. 128—134.

16. Глокализация // Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. М.: Экономика, 2004. 620 с.

17. *Птичникова Г. А.* Архитектура и потребитель: метаморфозы города под влиянием глобального туризма // Социология города. 2010. № 3. С. 10—15.

18. *Аршинов В. И., Свирский Я. И.* Философское осмысление синергетической концепции градостроительства // Архитектура и социальный мир / отв. ред. И. А. Добрицина. М.: Прогресс-Традиция, 2012. С. 47—58.

19. *Навроцкий Б. А., Птичникова Г. А.* От редакции // Социология города. 2010. № 3. С. 3—4.

20. *Замятин Д. Н.* Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 26—50.

21. *Митин И. И.* Гуманитарная география: проблемы терминологии и (само)идентификации в российском и мировом контекстах // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. С. 1—10.

22. *Замятин Д. Н.* Гуманитарная география и архитектура: в поисках со- пространственности // Архитектура и социальный мир / отв. ред. И. А. Добрицина. М.: Прогресс-Традиция, 2012. С. 64—74.

23. *Подорога В. А.* Пространство и философия // Архитектура и социальный мир / отв. ред. И. А. Добрицина. М.: Прогресс-Традиция, 2012. С. 115—118.

24. *Гройс Б. Е.* Публичное пространство: от пустоты к парадоксу // Электронная библиотека RomanBook. URL: http://romanbook.ru/book/9194168/?page=1

25. *Назарова М. П.* Социология архитектуры и ее роль в формировании архитектурного пространства современного города // Социология города. 2011. № 3. С. 10—14.

26. *Птичникова Г. А., Антюфеев А. В.* Антиглобализационные тенденции в современной городской архитектурной среде // Социология города. 2009. № 1(2). С. 39—46.

REFERENCES

1. Maslov O. Yu. [Globalization: stages of globalization, dollar-globalization, crisis-globalization or the process of globalization viewed by those who think globally]. *Ezhenedel'noe nezavisimoe analiticheskoe obozrenie* [The weekly independent analytical review], 26 September, 2009. URL: http://www.polit.nnov.ru/2009/09/26/glob5ethronolog26/

2. Pokrovskaya N. N. [Globalization and regionalization]. *Lichnost' i kul'tura* [Personality and culture], 2004, no. 1. URL: http://lichnost-kultura.ru/2004/20041/2004109/2004109.htm

3. Dobritsina I. A. [Introduction. Architecture as immune system]. Dobritsina I. A. (ed.). *Arkhitektura i sotsial'nyi mir* [Architecture and social world]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2012. Pp. 6—24.

4. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Stanford, Stanford University Press, 1990. 188 p.

5. Dutsev M. V. *Kontseptsiya khudozhestvennoi integratsii v noveishei arkhitekture* [Concept of art integration in the up-to-date architecture]. Nizhnii Novgorod, NNGASU Publ., 2013. 388 p.

6. Dobritsina I. A. [Two codes of architecture: representation of symbolic power of global economy]. Dobritsina I. A. (ed.). *Arkhitektura i sotsial'nyi mir* [Architecture and social world]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2012. Pp. 213—228.

7. Chepelik O. V. [Utopian aspects of modern urbanism]. *Khudozhestvennyi zhurnal* [Moscow Art Magazine], 2003, no. 51/52. URL: http://xz.gif.ru/numbers/51-52/urbanizm/

8. *Monastyrskaya M. E.* [Regularities of morphotypological transformation of large coastal agglomerations at the Baltic Sea: research hypotheses]. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov* [Bulletin of Civil Engineers], 2015, no. 1 (48), pp. 43—48.

9. Ptichnikova G. A. *Evolyutsiya idei pragmatizma v arkhitekture Zapada (na primere SShA i Shvetsii)* [Evolution of ideas of pragmatism in architecture of the West (by the example of the USA and Sweden). Dr. Arch. Diss.]. Moscow, 2005. 57 p.

10. Rappaport A. G. [Five problems of the theory of architecture of the XXI century]. *Vestnik Evropy* [The Herald of Europe], 2007, no. 19-20. URL: http://magazines.russ.ru/vestnik/2007/19/ra32.html

11. [Boris Groys globalization and theologization of policy. Conversation of B. Groys with V. Miziano]. *Khudozhestvennyi zhurnal* [Moscow Art Magazine], 2004, no. 4 (56). URL: http://xz.gif.ru/numbers/56/6/

12. Padalka N. V. *Globalizatsiya kak fenomen sovremennoi kul'tury (Filosofsko-antropologicheskii aspekt)* [Globalization as phenomenon of modern culture (Philosophical and anthropological aspect). Cand. Phil. Sci.Diss.]. Saint Petersburg, 2004. 162 p.

13. Ptichnikova G. A. [Objects of “the global architecture” in space of a Russian city: the problem of correspondence with the context]. Dobritsina I. A. (ed.). *Arkhitektura i sotsial'nyi mir* [Architecture and Social World]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2012, pp. 250—264.

14. Groys B. E. [A city in the era of its tourist reproducibility]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency Reserve], 2003, no. 4. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2003/4/grois.html).

15. Meshkov S. A., Sayapin A. V. [Glocalisation as Conceptual Basis of the Doctrine of Economic Security in the Sphere of Land Relations]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Socio-economic phenomena and processes], 2014, 9(11), pp. 128—134.

16. Abercrombie N., Hill S., Turner B. S. *Sotsiologicheskii slovar'* [Dictionary of Sociology]. Moscow, Ekonomika Publ., 2004. 620 p.

17. Ptichnikova G. A. [Architecture and the consumer: metamorphosises of city under influence of global tourism]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2010, no. 3, pp. 10—15.

18. Arshinov V. I., Svirskii Ya. I. [Philosophical understanding of synergetic concept of town planning]. Dobritsina I. A. (ed.). *Arkhitektura i sotsial'nyi mir* [Architecture and Social World]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2012, pp. 47—58.

19. Navrotskii B. A., Ptichnikova G. A. [Editorial note]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2010, no. 3, pp. 3—4.

20. Zamiatin D. [Humanitarian Geography: Space, Imagination, and Interaction between Contemporary Human Sciences]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 2010, 9(3), pp. 26—50.

21. Mitin I. [GeoHumanities: terminology & (self-)identity problems in Russian & international contexts]. *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya* [Cultural Geography & Geohumanities], 2012, vol. 1, pp. 1—10.

22. Zamyatin D. N. [Humanitarian Geography and Architecture: in search of co-spatiality]. Dobritsina I. A. (ed.). *Arkhitektura i sotsial'nyi mir* [Architecture and Social World]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2012, pp. 64—74.

23. Podoroga V. A. [Space and Philosophy]. Dobritsina I. A. (ed.). *Arkhitektura i sotsial'nyi mir* [Architecture and Social World]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., pp. 64—74.

24. *Groys B. E.* [Public space: from emptiness to paradox]. *Elektronnaya biblioteka RomanBook* [Electronic library RomanBook]. URL: http://romanbook.ru/book/9194168/?page=1

25. Nazarova M. P. [Architecture sociology and its role in formation of new city architectural space]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2011, no. 3, pp. 10—14.

26. Ptichnikova G. A., Antyufeev A. V. [Anti-globalization trend within temporary architecture]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2009, no. 1(2), pp. 39—46.

© Монастырская М. Е., 2016

Поступила в редакцию
в мае 2016 г.

Ссылка для цитирования: *Монастырская М. Е.* Современные тенденции философского осмысления феномена глобализации в урбанистическом контексте // Социология города. 2016. № 2. С. 5—21.

For citation: Monastyrskaya M. E. [Modern trends in philosophical understanding of the phenomenon of globalization in the urban context]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 2, pp. 5—21.

УДК 728: 711.6(470-61-25)

М. В. Благова

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ЖИЛИЩА В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ

Одна из важнейших характеристик коммерческого жилища связана с его размещением в городе, что во многом определяет средовые условия проживания потребителя. Социально-функциональное моделирование квартир и домов, рассматриваемое автором как базовый метод архитектурного проектирования коммерческого жилища, позволяет одновременно учитывать потребительские региональные социальные модели и экономические требования застройщика к структуре и составу коммерческого жилища. Разработка градостроительных моделей жилища является завершающим этапом социально-функционального моделирования. Цель статьи – определить принципы размещения коммерческого жилища в планировочной структуре крупнейшего города и разработать рекомендации для Ростова-на-Дону. Анализ мирового отечественного и мирового опыта формирования коммерческого жилища, выборочных архитектурно-социологических обследований предпочтений населения Ростова-на-Дону дал возможность определить принцип его размещения в крупнейшем городе как обеспечение единства типологических характеристик жилища и средовых условий. Этот принцип предполагает выбор архитектурно-пространственной структуры проектируемого жилища в соответствии с типом окружающей жилой застройки. Автором разработаны принципы размещения основных типологических форм коммерческого жилища в планировочной структуре крупнейшего города и даны предложения по размещению коммерческих жилых зданий и комплексов различных классов в центральной, срединной, периферийной, пригородной и загородной планировочных зонах Ростова-на-Дону. Установлено, что размещение коммерческого жилища в планировочной структуре крупнейшего города носит характер матричного распределения, построенного на основе кольцевого и секторного зонирования территории города. Экспериментальное проекти-

Социально-функциональное моделирование квартир и домов позволяет одновременно учитывать потребительские региональные и социальные модели и экономические требования застройщика к структуре и составу коммерческого жилища [1].

Социально-функциональное моделирование жилища [1—3] включает в себя 4 этапа последовательного формирования архитектурно-планировочной структуры жилища на различных пространственных уровнях: 1) составление планировочной модели квартир как социально обоснованной формы; 2) составление пространственной модели жилого дома, обусловливающей характер использования открытых пространств и тип нежилой функции; 3) составление архитектурной модели жилого здания, влияющей на концептуальные, архитектурно-художественные и инженерно-конструктивные параметры жилища; 4) составление градостроительной модели, определяющей планировочные, ансамблевые, средовые характеристики жилища, т. е. требования к размещению в планировочной структуре города.

Планировочная структура крупнейшего города в настоящей работе рассматривается как система городских и пригородных территорий, доступных для размещения коммерческого городского жилища. Эта система состоит из 5 планировочных зон: центральной, срединной, периферийной, пригородной и загородной [1].

Одна из важнейших характеристик коммерческого жилища связана с его размещением в городе, что во многом определяет средовые условия проживания потребителя [4, 5]. Завершающим четвертым этапом социально-функционального моделирования является разработка градостроительных моделей жилища. Градостроительная модель жилища определяет размещение жилых зданий и комплексов в структуре города (поселения), учитывает средовые требования и окружающий контекст [6, 7]. Целью моделирования на этом этапе является поиск мест, соответствующих требованиям установленных ранее архитектурных моделей жилища к окружающему пространству и условиям. С другой стороны, моделирование жилища на уровне города позволяет придать жилищу качества, обусловленные градостроительными усло-

рование и внедрение результатов работы в проектную практику подтвердили возможность реализации предложенных разработок.

Ключевыеслова: градостроительные аспекты, социально-функциональное моделирование, коммерческое жилище, Ростов-на-Дону.

M. V. Blagova

TOWN-PLANNING ASPECTS OF SOCIAL AND FUNCTIONAL MODELING OF THE COMMERCIAL DWELLING IN THE MODERN CITY

One of the most important characteristics of commercial dwelling is connected with its placement in the city that in many respects defines environmental conditions of accommodation of the consumer. The social and functional modeling of apartments and houses considered by the author as the basic method of architectural design of commercial dwelling allows to consider at the same time consumer regional social models and economic requirements of the builder to structure and composition of commercial dwelling. The development of town-planning models of the dwelling is the final stage of social and functional modeling. The aim of the article is to define the principles of placement of commercial dwelling in planning structure of the largest city and to develop recommendations for Rostov-on-Don. The analysis of domestic and international experience of formation of the commercial dwelling, selective architecture and sociological inquiry of preferences of the population of Rostov-on-Don has given the opportunity to define the principle of its placement in the largest city as provision of unity of typological characteristics of the dwelling and environmental conditions. The principle assumes the choice of architectural and spatial structure of the designed dwelling in compliance with the type of the surrounding residential development. The author has developed the principles of placement of the main typological forms of commercial dwelling in planning structure of the largest city and gives offers on placement of commercial residential buildings and complexes of various classes in the

виями [8]. Архитектурное решение в процессе проектирования внедряется в город, в окружающую среду через ее функцию, форму, структуру, эстетику [9]. Социально-функциональные требования определяют планировочные, ансамблевые, средовые характеристики жилища. На уровне жилого района реализуется социально-пространственная организация публичного пространства (пространства жилой застройки). Тип жилой застройки во многом служит результатом размещения в структуре города и соседства с окружающей застройкой [10].

Важнейший фактор распределения жилища на территории города — стоимость земли [11]. На рис. 1 схематично показано распределение жилой застройки по этажности в городах с различной социально-экономической системой. Размещение многоэтажной застройки демонстрирует распределение концентрированных финансовых средств по территории города.

Для крупнейших городов США характерно повышение этажности жилой застройки от периферии к центру и снижение к пригородной зоне вследствие высокой стоимости земли и недвижимости в центре и более низкой на периферии и в пригородах [12].

Для крупнейших городов СССР были характерны малоэтажная и среднеэтажная жилая застройка в центре, повышение этажности в периферийной зоне города и понижение этажности в пригородной зоне.

В крупнейших городах современной России (на примере г. Ростова-на-Дону) в центре находится среднеэтажная жилая застройка, в срединной зоне идет понижение до малоэтажной жилой застройки, в периферийной зоне жилище становится многоэтажным, в пригородной зоне снижается до малоэтажного.

Общее для городов в условиях развитого рынка, плановой и переходной экономик то, что стоимость жилья в центре города самая высокая, на периферии — самая низкая. Отличия касаются размещения многоэтажной жилой застройки, обусловленной различными социальными целями. В американских городах наибольшая концентрация многоэтажной застройки наблюдается в центре. Для советской практики было характерно размещение многоэтажного жилища на перифе-

central, median, peripheral, suburban and country planning zones in Rostov-on-Don. It is established that placement of commercial dwelling in planning structure of the largest city is of matrix distribution developed on the basis of circular and sector zoning of the territory of the city. Experimental design and introduction of the results of the work in design practice have confirmed the possibility of realization of the offered developments.

Key words:
town-planning aspects,
social and functional modeling,
commercial dwelling,
Rostov-on-Don.

Об авторе:
Благова *Марианна Викторовна –*
магистр архитектуры,
ассистент кафедры архитектуры
жилых и общественных зданий,
Южный федеральный университет.
Российская Федерация, 344006,
г. Ростов-на-Дону,
ул. Б. Садовая, 105/42,
Molchanova_Ma@mail.ru

Blagova *Marianna Viktorovna –*
Master of Architecture,
Assistant of Architecture of Residential
and Public Buildings Department,
Southern Federal University,
105/42, Bol'shaya Sadovaya St., 344006,
Rostov-on-Don, Russian fFderation,
Molchanova_Ma@mail.ru

рии города. В современной российской практике наблюдается смешанное распределение многоэтажной застройки, дающее ей волнообразное развитие, как в центре, так и на периферии.

Анализ опыта архитектурного формирования коммерческого жилища в России и за рубежом, а также в Ростове-на-Дону позволил сформулировать один из важнейших принципов формирования его типологической структуры в крупнейшем городе: единство типологических характеристик жилища и средовых условий при размещении [13]. Каждый тип жилого здания как элемент жилой застройки имеет средовой и градостроительный потенциал; в каждом классе коммерческого жилища выдвигаются определенные социальные требования к окружающей среде, которые следует учитывать при размещении в структуре города [14]. Тип квартиры и тип жилого дома в классах коммерческого жилища должен быть пространственно «связан» с территорией города и ее частями (центр, промежуточная зона, периферия, пригороды).

Учитывая общие закономерности размещения в городах жилища различной этажности и планировочной структуры, автором предложены следующие принципы размещения коммерческого жилья различных классов в структуре крупнейшего города (рис. 2).

1. Во всех планировочных зонах, которые находятся в границах города (центральная, срединная и периферийная), рекомендуется размещать в центре дорогое жилище, а дальше от центра более дешевое, т. е. вначале высококачественное, потом комфортабельное и доступное. Это означает, что приоритетом в центре пользуется высококачественное жилище, потом в зоне кольцевой формы следует размещать комфортабельное и далее доступное жилище.

2. Во всех планировочных зонах за границей города (пригородная и загородная) рекомендуется размещать ближе к периферийной зоне города дешевое жилище, а по мере удаления от нее более дорогое. За городом порядок размещения прямо противоположен размещению на территории города: ближе к городу доступное жилище, потом комфортабельное и высококачественное.

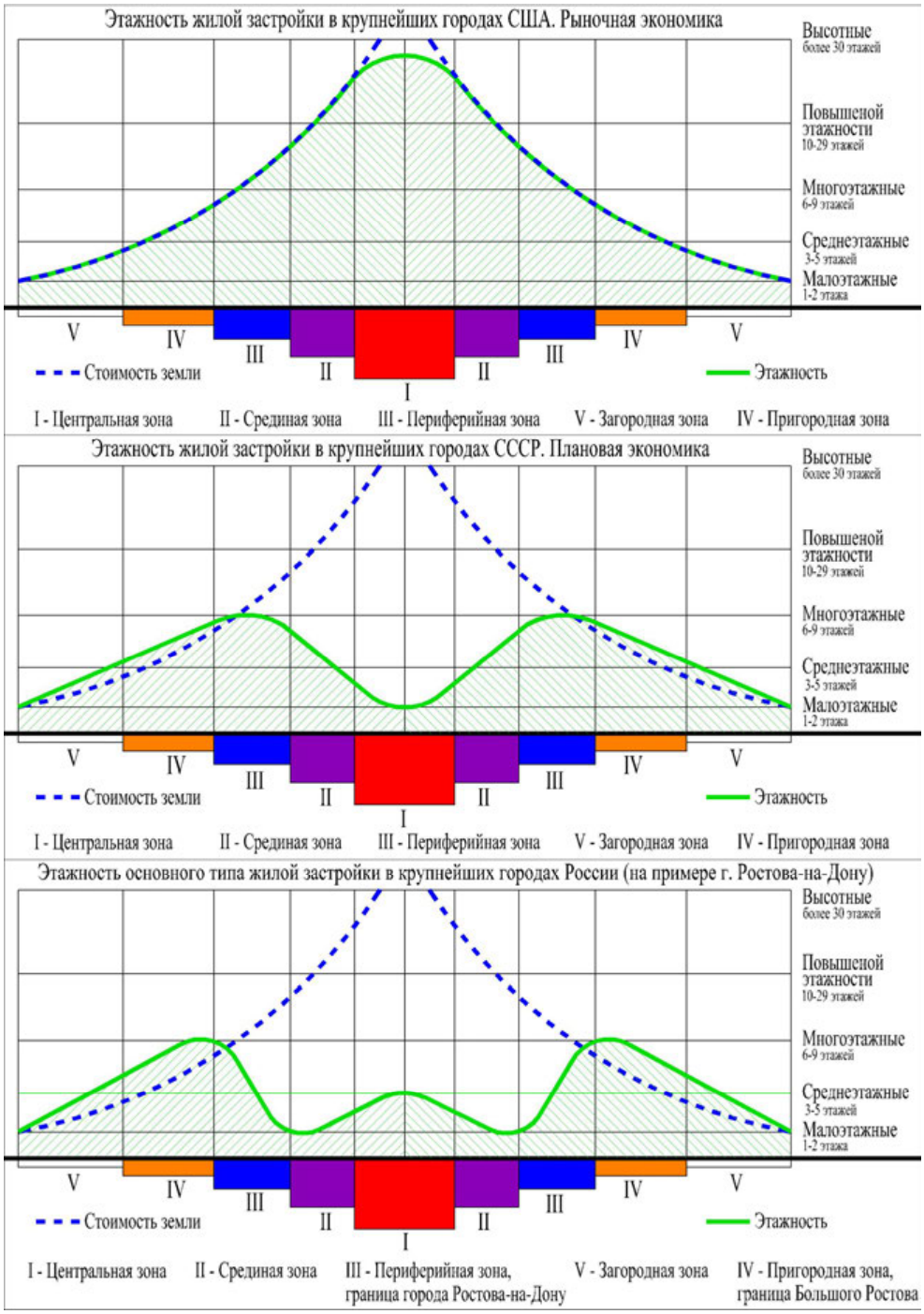


Рис. 1. *Этажность жилой застройки в городах с различной социально-экономической системой*

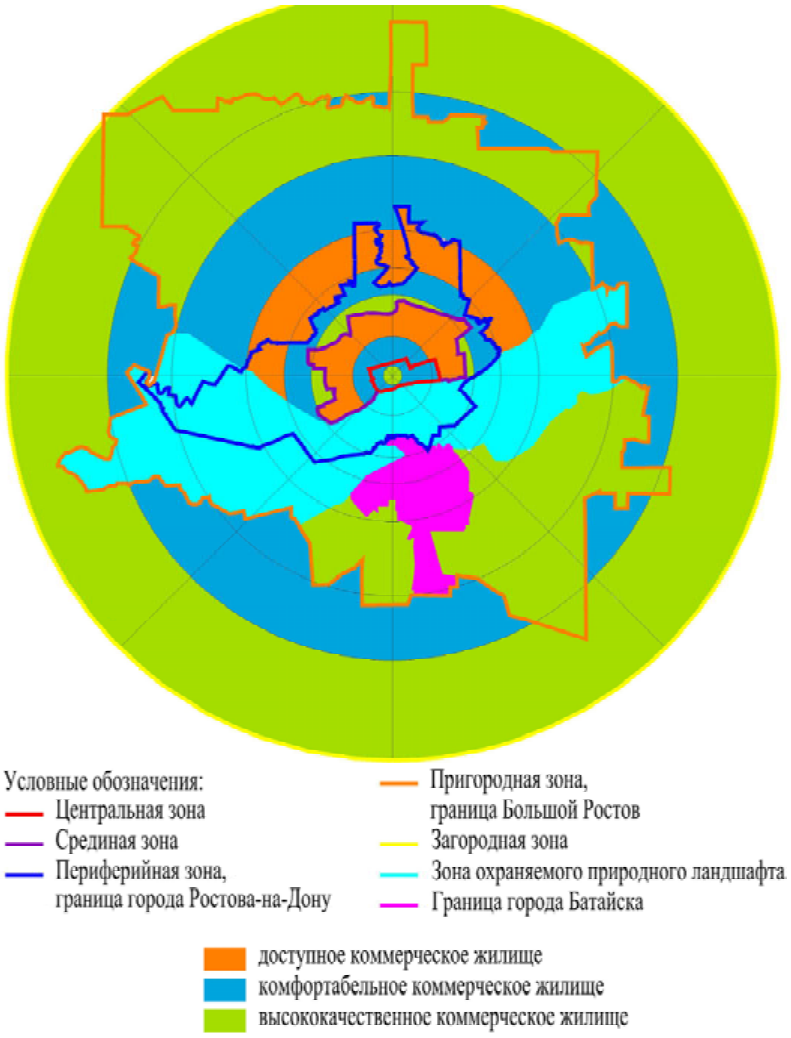


Рис. 2. *Размещение коммерческого жилищного строительства различных классов в структуре крупнейшего города (на примере Ростова-на-Дону)*

Экономически нецелесообразно располагать в загородной и центральной зонах доступное коммерческое жилище из-за большой удаленности от мест труда и досуга, а также размещать высококачественное коммерческое жилище в срединной зоне, имеющей непривлекательные средовые характеристики (чересполосицу, промзоны, плохую экологию).

3. Каждую планировочную зону города вследствие неравномерности распределения качества среды обитания рекомендуется подразделять на части кольцевой формы.

Исходя из установленных принципов разработаны рекомендации по размещению различных классов коммерческого жилища в структуре города.

В **центральной зоне** Ростова-на-Дону выделено две части: в первой части (центр города) рекомендуется размещать высококачественное коммерческое жилище, а во второй части, которая ближе к срединной зоне, — комфортабельное коммерческое жилище.

Срединную зону также целесообразно разделить на две части: ближе к центральной зоне рекомендуется размещать комфортабельное жилище, а во второй части с большим радиусом — доступное жилище.

Периферийную зону рекомендовано делить на три части: в кольце, ближайшем к срединной зоне, необходимо размещать высококачественное жилище; в кольце, которое находится посередине, следует размещать комфортабельное жилище; в кольце, примыкающем к пригородной зоне, — доступное жилище.

В пригородной зоне выделено три части-кольца: в кольце, ближайшем к периферийной зоне, рекомендуется размещать доступное жилище, в кольце посередине — комфортабельное жилище, а в кольце, ближайшем к загородной зоне, — высококачественное жилище.

Загородная зона разделена на две части-кольца, в кольце ближе к пригородной зоне рекомендовано размещать комфортабельное жилище, а во втором кольце — высококачественное.

Принципы размещения основных типологических форм жилых зданий коммерческого жилищного строительства в различных его классах в планировочной структуре крупнейшего города приведены на примере Ростова-на-Дону (рис. 3).

***Рис. 3.** Принципы размещения основных форм коммерческого жилища в планировочной структуре крупнейшего города (на примере Ростова-на-Дону)*

Основную форму доступного коммерческого жилища — многоэтажный дом — рекомендуется размещать, прежде всего, в периферийной зоне, а дополнительную форму — коттедж — в ближайшей пригородной зоне.

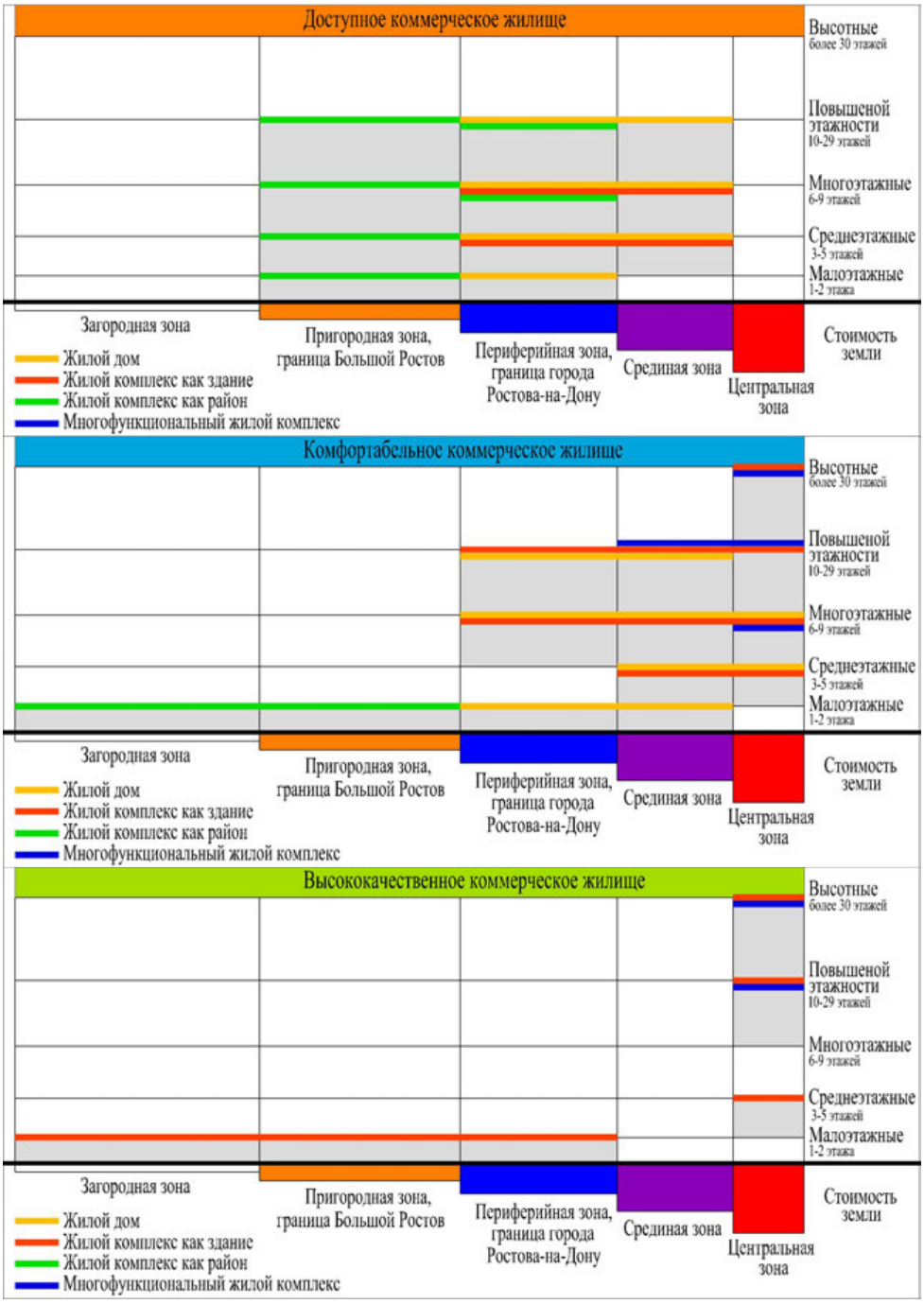


Рис. 4. *Предложения по размещению коммерческого жилища различных классов в планировочной структуре крупнейшего города (на примере Ростова-на-Дону)*

Основную форму комфортабельного коммерческого жилища — блокированное жилище — рекомендуется размещать в окраинной части планировочной срединной зоны города, дополнительные формы — квартиру и индивидуальный жилой дом — в центре и за городом соответственно.

Высококачественное коммерческое жилище состоит из двух неотъемлемых типов жилых ячеек — основного (дом-особняк) и дополнительного (квартира-этаж или пентхауз). Основной тип располагается в пригородной зоне, дополнительный — в центре города [15].

Основываясь на выявленных социальных, градостроительных и типологических тенденциях в формировании коммерческого жилища в Ростове-на-Дону, установленных принципах и подходах, мы разработали предложения по размещению жилых зданий и комплексов различных классов коммерческого жилища в планировочной структуре крупнейшего города (рис. 4) [16].

Автором предложено размещать **доступное коммерческое жилище** в трех планировочных зонах города: срединной, периферийной и пригородной.

В срединной зоне следует размещать среднеэтажные (3—5 этажей) и многоэтажные (6—9 этажей) жилые дома и жилые комплексы (как здание); жилые дома повышенной этажности (10—29 этажей).

В периферийной зоне рекомендовано размещать малоэтажные (1—2 этажа) жилые дома; среднеэтажные (3—5 этажей жилые дома и жилые комплексы (как здание)); многоэтажные (6—9 этажей) жилые дома и жилые комплексы (как здание и как район); повышенной этажности (10—29 этажей) — жилые дома и жилые комплексы (как район).

В пригородной зоне необходимо размещать малоэтажные (1—2 этажа) и среднеэтажные (3—5 этажей), многоэтажные (6—9 этажей) и повышенной этажности (10—29 этажей) жилые комплексы (как район).

В доступном коммерческом жилище отсутствуют многофункциональные жилые комплексы из-за их экономической неэффективности.

Комфортабельное коммерческое жилище рекомендуется размещать в пяти планировочных зонах города: центральной, срединной, периферийной зоне, пригородной и загородной.

В центральной зоне — среднеэтажные (3—5 этажей) жилые дома и жилые комплексы (как здание); многоэтажные (6—9 этажей) жилые дома, жилые комплексы (как здание) и многофункциональные жилые комплексы; повышенной этажности (10—29 этажей) и высотные (более 30 этажей) жилые комплексы (как здание) и многофункциональные жилые комплексы.

В срединной зоне — малоэтажные (1—2 этажа) жилые дома; среднеэтажные (3—5 этажей) и многоэтажные (6—9 этажей) жилые дома и жилые комплексы (как здание); повышенной этажности (10—29 этажей) жилые дома, жилые комплексы (как здание) и многофункциональные жилые комплексы.

В периферийной зоне — малоэтажные (1—2 этажа) жилые дома; многоэтажные (6—9 этажей) и повышенной этажности (10—29 этажей) жилые дома и жилые комплексы (как здание).

В пригородной и загородной зонах — малоэтажные (1—2 этажа) жилые комплексы (как район).

Высококачественное коммерческое жилище рекомендуется размещать в четырех планировочных зонах города: центральной, периферийной, пригородной и загородной.

В центральной зоне — среднеэтажные (3—5 этажей) жилые комплексы (как здание); повышенной этажности (10—29 этажей) жилые комплексы (как здание) и многофункциональные жилые комплексы; высотные (более 30 этажей) жилые комплексы (как здание) и многофункциональные жилые комплексы.

В периферийной, пригородной и загородной зонах — малоэтажные (1—2 этажа) жилые комплексы (как здание) — усадьба.

Вышеописанные предложения по размещению коммерческого жилища в планировочной структуре крупнейшего города (рис. 5) позволили рекомендовать планировочные зоны и районы в структуре Ростова-на-Дону для строительства жилых зданий и комплексов различных классов коммерческого жилища.

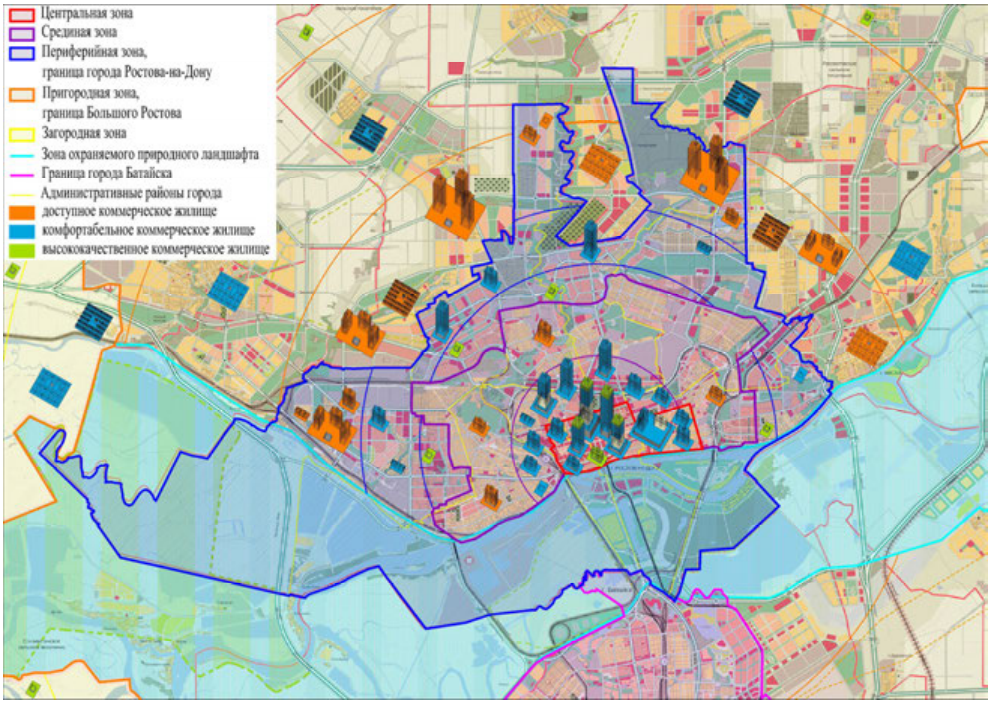


Рис. 5. *Предложения по размещению различных классов коммерческого жилища в планировочной структуре Ростова-на-Дону*

Таким образом, выделение в плане города центральной, срединной, периферийной и загородной частей, характеризующихся определенным типом жилой застройкой со своими показателями плотности населения, жилищного фонда, озеленения, инфраструктуры (благоустройства и системы обслуживания), позволило на основе составления градостроительных моделей разработать рекомендации по размещению различных классов коммерческого жилища в планировочной структуре крупнейшего города и дать предложения по его размещению в Ростове-на-Дону.

Доступное коммерческое жилище рекомендуется размещать в срединной, периферийной и пригородной зонах; комфортабельное жилище рекомендуется во всех планировочных зонах в городе и за его границами; высо-

кокачественное жилище — в центральной части города и на окраинах (в периферийной, пригородной и загородной зонах). Высотное и многоэтажное строительство в центре и в срединной зонах, в периферийной части — малоэтажные дома (отдельно стоящие, блокированные, секционные среднеэтажные (малоквартирные), в периферийной зоне — жилые комплексы — районы, в пригородной зоне и за городом — коттеджные поселки и отдельные усадьбы.

Проведенное автором исследование, включающее изучение и анализ российского и мирового опыта формирования коммерческого жилища, анализ рынка жилищной недвижимости и архитектурно-социологических обследований предпочтений населения в г. Ростове-на-Дону, а также проектно-экспериментальные разработки дали возможность сформулировать следующие **выводы и предложения**.

1. Сформулирован градостроительный принцип формирования типологической структуры коммерческого жилища в крупнейшем городе, который состоит в единстве типологических характеристик жилища и средовых условий при размещении.

2. Разработаны принципы и рекомендации по размещению основных типологических форм жилых зданий коммерческого жилищного строительства в различных его классах в планировочной структуре крупнейшего города (на примере Ростова-на-Дону).

3. Разработаны рекомендации и предложения по размещению жилых зданий и комплексов различных классов коммерческого жилища в центральной, срединной, периферийной, пригородной и загородной планировочных зонах Ростова-на-Дону.

4. Размещение коммерческого жилища в планировочной структуре крупнейшего города носит характер матричного распределения, построенного на основе кольцевого и секторного зонирования территории города.

Экспериментальное проектирование и внедрение результатов работы в проектную практику подтвердили возможность реализации предложенных разработок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Благова М. В.* Архитектурное формирование коммерческого жилища на социально-функциональной основе (на примере г. Ростова-на-Дону): автореф… канд. архит. Нижний Новгород, 2016. 24 с.

2. *Молчанов В. М.* Основы архитектурного проектирования: социально-функциональные аспекты: учебное пособие. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 160 с.

3. *Молчанов В. М.* Социально-функциональное моделирование — основа архитектурного проектирования // Международная научн.-практич. конф. «Проблемы общества и архитектура». Ростов-на-Дону: ИАрхИ ЮФУ, 2010. С. 105—108.

4. *Овсянников В. А.* Жилая среда и социальные проблемы жилища: социальные проблемы жилой среды. М.: ЦНИИЭП жилища, 1990. 142 с.

5. *Wood E.* Housing Design: A Social Theory // Human Identity in the Urban Environment. London: Penguin Books Ltd, 1972. Pp. 327—351.

6. *Антюфеев А. В.* Устойчивое развитие города и социальные аспекты градостроительной политики // Социология города. 2010. № 3. С. 5—9.

7. *Крашенинников А. В.* Градостроительные основы развития жилой застройки в условиях рыночной экономики: автореф… д-ра архит. Москва, 1997. 41 с.

8. *Назарова М. П.* Город как социокультурный феномен // Социология города. 2010. № 4.

С. 3—6.

9. *Knox P.* The Built Environment // The Design Professionals and the Build Environment: An Introduction. John Wiley & Sons, Ltd. 2000. Pp. 3—10.

10. *Птичникова Г. А., Антюфеев А. В.* Новые морфотипы архитектурного пространства современных городов // Социология города. 2014. № 2. С. 5—19.

11. *Кияненко К. В.* Архитектура и социальное моделирование жилища: дис… д-ра архит. Вологда, 2005. 356 с.

12. *Крашенинников А. В.* Градостроительное развитие жилой застройки. Исследование опыта западных стран: учебное пособие. М.: Архитектура-С, 2005. 112 с.

13. Sky high living. Contemporary high-rise apartment and mixed-use buildings. Australia: The Images Publishing Group Pty Ltd, 2002. 256 p.

14. *Wills M.* Sociological Aspects of Urban Structure // Human Identity in the Urban Environment. London: Penguin Books Ltd, 1972. Pp. 262—275.

15. *Поморов С. Б.* Второе жилище горожан или дом на природе. Урбоэкологические аспекты эволюции городского жилища. Новосибирск: НГАХА, 2004. 472 с.

16. *Молчанов В. М., Благова М. В.* Социально-архитектурная типология современного коммерческого жилища в России // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2014. № 1 (42). С. 38—46.

REFERENCES

1. Blagova M. V. *Arkhitekturnoe formirovanie kommercheskogo zhilishcha na sotsial'no-funktsional'noi osnove (na primere g. Rostova-na-Donu)* [Architectural shaping of commercial dwelling on social and functional basis (by the example of Rostov-on-Don). Cand. Arch. Diss.]. Nizhnii Novgorod, 2016. 24 p.

2. Molchanov V. M. *Osnovy arkhitekturnogo proektirovaniya: sotsial'no-funktsional'nye aspekty* [Principles of architectural design: social and functional aspects]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2004. 160 p.

3. Molchanov V. M. [Social and functional modeling — basis of architectural design]. *Mezhdunarodnaya nauchn.-praktich. konf. «Problemy obshchestva i arkhitektura»* [Int. sc.-pract. conf. “Problems of Society and Architecture”]. Rostov-on-Don, RAAI.SFEDU Publ., 2010. Pp. 105—108.

4. Ovsyannikov V. A. *Zhilaya sreda i sotsial'nye problemy zhilishcha: sotsial'nye problemy zhiloi sredy* [Living environment and social problems of dwelling: social problems of living environment]. Moscow, Central R&D and Design Institute of Residential and Public Buildings Publ., 1990, 142 p.

5. Wood E. Housing Design: A Social Theory. *Human Identity in the Urban Environment*. London, Penguin Books Ltd, 1972. Pp. 327—351.

6. Antyufeev A. V. [Sustainable development of city and social aspects of planning urban policy]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2010, no. 3, pp. 5—9.

7. Krasheninnikov A. V. *Gradostroitel'nye osnovy razvitiya zhiloi zastroiki v usloviyakh rynochnoi ekonomiki* [Town-planning principles of residential development in conditions of market economy. Dr. Arch. Diss.]. Moscow, 1997. 41 p.

8. Nazarova M. P. [City as the sociocultural phenomenon]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2010, no. 4, pp. 3—6.

9. Knox P. The Built Environment. *The Design Professionals and the Build Environment: An Introduction*. John Wiley & Sons, Ltd. 2000. Pp. 3—10.

10. Ptichnikova G. A., Antyufeev A. V. [New morphotypes of architectural space of modern cities]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 2, pp. 5—19.

11. Kiyanenko K. V. *Arkhitektura i sotsial'noe modelirovanie zhilishcha* [Architecture and social modeling of dwelling. Dr. Arch. Diss.]. Vologda, 2005. 356 p.

12. Krasheninnikov A. V. *Gradostroitel'noe razvitie zhiloi zastroiki. Issledovanie opyta zapadnykh stran* [Town-planning residential development. Study of the experience of western countries]. Moscow, Arkhitektura-S Publ., 2005. 112 p.

13. *Sky high living. Contemporary high-rise apartment and mixed-use buildings*. Australia, The Images Publishing Group Pty Ltd, 2002. 256 p.

14. Wills M. Sociological Aspects of Urban Structure. *Human Identity in the Urban Environment*. London, Penguin Books Ltd, 1972. Pp. 262—275.

15. Pomorov S. B. *Vtoroe zhilishche gorozhan ili dom na prirode. Urboekologicheskie aspekty evolyutsii gorodskogo zhilishcha* [Second dwelling of citizens or a holiday house. Urban ecological aspects of evolution of city dwelling]. Novosibirsk, Publishing House of NGAHA, 2004. 472 p.

16. Molchanov V. M., Blagova M. V. [Social and architectural typology of modern commercial housing in Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta* **[**Vestnik Tomsk State University of Architecture and Building**],** 2014, no. 1(42), pp. 38—46.

© Благова М. В., 2016

Поступила в редакцию
в мае 2016 г.

Ссылка для цитирования: *Благова М. В.* Градостроительные аспекты социально-функционального моделирования коммерческого жилища в современном городе // Социология города. 2016. № 2. С. 22—33.

For citation: Blagova M. V. [Town-planning aspects of social and functional modeling of the commercial dwelling in the modern city]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 2, pp. 22—33.

УДК 303.4.025

А. В. Данилова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕОЛОКАЦИОННЫХ ДАННЫХ В ИССЛЕДОВАНИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ МОБИЛЬНОСТИ ГОРОЖАН: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализируются возможности и ограничения использования геолокационных данных в исследовании повседневной мобильности горожан. Приводятся теоретико-методологические основания для использования такого рода данных, проводится сравнение с данными, полученными в ходе картографирования и создания ментальных карт. В статье анализируются результаты конкретного эмпирического исследования, проведенного на базе алгоритма кластеризации, описанного в работе Дж. Крэншоу, Р. Шварц, Дж. Хонг, Н. Садей. Автор приходит к выводу, что, несмотря на значительный потенциал геолокационных данных, их использование в исследованиях повседневной мобильности является на настоящий момент не всегда обоснованным.

Ключевые слова: повседневная мобильность, Дж. Урри, геолокационные данные, кластерный анализ, Livehoods.

A. V. Danilova

USE OF LOCATION BASED DATA IN THE RESEARCH OF CITIZENS' DAILY MOBILITY: EMPIRICAL STUDY EXPERIENCE

The author analyses opportunities and limits in the use of location based data in the research of citizens' daily mobility. The article provides theoretical and methodological base for the use of such data, as well as the comparison with the data received during mapping and mental mapping. The results of a certain empirical research carried out on the basis of clustering algorithm described in the work by J. Crenshaw, J. Hong, N. Saday are analysed. The author makes the conclusion that despite significant potential of location based data, the use of it in the research of daily mobility is not always justified nowadays.

Введение. Повседневная мобильность является важным элементом социального пространства города, поскольку позволяет обнаружить социальные связи, организующие это пространство. Вместе с тем, задача обнаружения этих связей не является тривиальной. Повседневная мобильность традиционно наблюдается посредством множества индивидуальных социальных практик, рассматриваемых в масштабах личных биографий. Для решения задач, стоящих перед социологией города, урбанисткой или городским планированием, зачастую необходимы более глобальные обобщения, позволяющие выявить закономерности, значимые в масштабах города. В связи с этим в настоящий момент значительный исследовательский интерес в анализе городских процессов обращен в сторону «больших данных» (Big Data). В статье анализируется опыт использования геолокационных данных в исследовании повседневной мобильности горожан.

Теоретико-методологические основания использования геолокационных данных в исследованиях повседневной мобильности горожан. Геолокационные данные — это данные о местоположении пользователя. Определение географических координат пользователя социальной сети осуществляется устройством: смартфоном, планшетным компьютером и т. п. На сегодняшний день все наиболее популярные социальные сети обладают геолокационными сервисами. При помощи сервисов, основанных на местоположении (located based serves), в социальных сетях пользователи могут узнать, какие места находятся поблизости, кто из их друзей бывал там или находится сейчас, а также получить какие-то советы или увидеть комментарии и фотографии других людей, которые уже в них побывали. Пользователи сами могут контролировать появление информации о своем местоположении и доступ различных групп к этим данным.

Результатом использования геолокационных сервисов становится огромный массив данных [1], визуализированный в форме карты, отражающей набор мест, о которых люди хотят рассказать либо хотят показать, что они в этих местах побывали/бывают (рис. 1).

Особенность геолокационных данных заключается в том, что, судя по существующим ис-

Key words:
daily mobility,
J. Urry,
location based data,
clustering analysis,
Livehoods.

Об авторе:
Данилова *Анна Владимировна – аспирант кафедры теории и истории социологии, Уральский федеральный университет им. первого Президенты России Б.Н. Ельцина. Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, anutadanilova@ya.ru*

Danilova *Anna Vladimirovna – Postgraduate Student of Theory and History of Sociology Department, Ural Federal University named after First Russian President B. Eltsyn. 19, Mira st., 620002, Ekaterinburg, Russian Federation, anutadanilova@ya.ru*

следованиям, практика использования геолокационных сервисов характерна для городских жителей, при этом фальсифицировать данные о своем местоположении практически невозможно.

Для сбора данных, характеризующих местоположение пользователей на определенной территории за определенный период, используется специальное программное обеспечение. В зависимости о того, в какой социальной сети собираются данные, существует возможность получить и социально-демографическую информацию[1].

Использование геолокационных и социально-демографических данных сопряжено с вопросами этики и доступности личной информации. Однако, как правило, данные анализируются в обобщенном виде, поскольку производится их количественный анализ. Анализ геолокационных данных осуществляется при помощи группы методов, которые называют data mining или интеллектуальный анализ данных — одно из направлений прикладной статистики. «Задачи, решаемые data mining, — классификация, кластеризация, регрессия, ассоциация (поиск повторяющихся паттернов, например, поиск устойчивых связей)» [2, с. 77], т. е. анализ геолокационных данных социальных сетей не является специфически социологическим методом, однако может быть использован как метод получения социологической информации.

Исходя из природы данных (геолокация — это определение географического местоположения интернет-пользователя), результатом такого анализа становятся карты, на которые наносятся места, а не люди. Пользователи отмечают свое местоположение на карте: обычно это не только и не столько географические координаты, а указание на место пребывания (магазин, школа, ресторан, больница, аэропорт и т. д.). Специалисты в сфере интеллектуального анализа данных при помощи компьютерных программ собирают данные, анализируют и создают карту, на которой отражаются результаты классификации, кластеризации, регрессии или ассоциации, полу-

[1] Проект журнала «Большой город», предлагающий описание города на основе анализа социальных данных (профилей и чекинов «Вконтакте»). URL: http://bg.ru/pulse/ (дата обращения:17.02.2014).

ченные в процессе поиска повторяющихся паттернов, например, поиска устойчивых связей. Таковы, например, карты естественных городов [3] или городских сообществ [4].

Почему геолокационные данные могут быть использованы для исследования повседневной мобильности горожан? Повседневная мобильность горожан включает в себя различные виды перемещений: телесные, виртуальные и коммуникационные. Дж. Урри указывает на связь телесного и виртуального перемещения: «Чем больше люди перемещаются физически, тем больше они склонны путешествовать и в киберпространстве» [5, с. 114]. Отмечая эту же особенность, Б. Латур считает, что с развитием научно-технических средств у исследователя появляется больше возможностей наблюдать перемещения агентов и, таким образом, обнаруживать устанавливаемые связи [6].

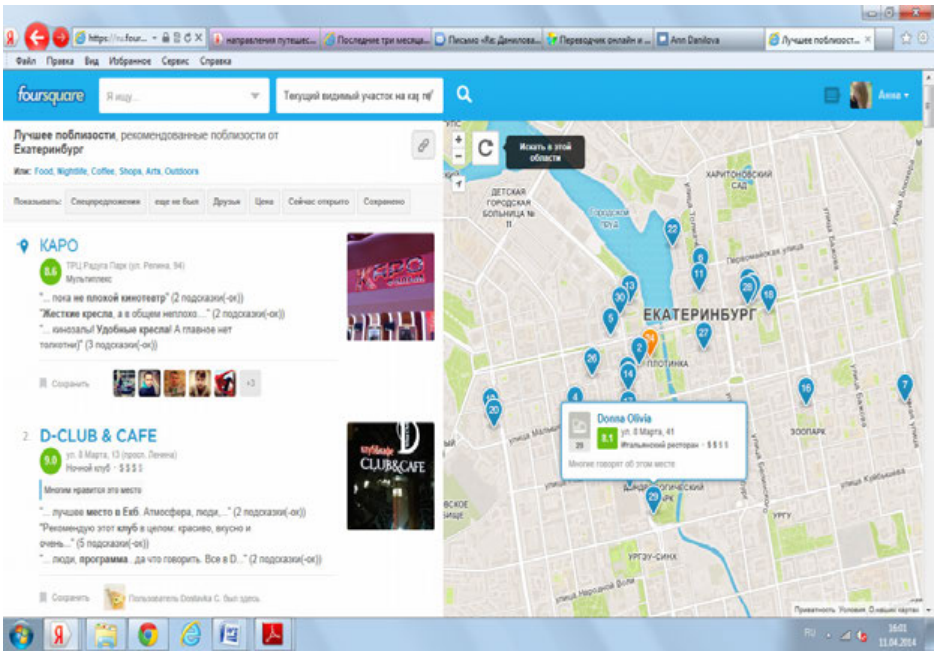


Рис. 1. *Лучшие места поблизости для запроса «Екатеринбург» в социальной сети Foursquare (URL: https://ru.foursquare.com/explore?near=%D0%95%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B3 (дата обращения: 15.03.2014)*

Действительно однозначно отнести то или иное перемещение только к одному виду мобильности не всегда возможно. Как отмечает Дж. Урри, человек, который всегда носит с собой мобильный телефон, является постоянно потенциально доступным для социального взаимодействия. Поэтому социальные взаимодействия, осуществляемые вследствие различных способов перемещения, являются часто не последовательными, а одновременными, прерывающими друг друга. Так, например, «большинство телефонных звонков [т. е. коммуникационное перемещение] кратки и касаются координации личных встреч», эта координация может продолжаться и во время самой встречи [5, с. 326]. Редко когда наши встречи лицом к лицу не прерываются

телефонными звонками. Что еще более характерно для современного мира — это мобильные телефоны с доступом в Интернет и социальные сети. Использование социальных сетей перестает быть практикой, привязанной к стационарному компьютеру. Это становится еще одним способом быть «на связи», вследствие чего встречи прерываются не только телефонными звонками, но и необходимостью ответить на сообщения, полученные в социальных сетях.

Усиливает взаимопроникновение физического пространства и виртуального возникновение системы глобального позиционирования (GPS), которая позволяет определять местоположение мобильного устройства во всемирной системе координат. Распространение этой системы и ее «демократизация» (появление GPS-модулей на массовых мобильных устройствах) стало базой для возникновения социальных сетей, основанных на местоположении (locationbased social network), а впоследствии и для появления сервисов, основанных на местоположении (геолокационные сервисы), во всех популярных социальных сетях Интернета. Теперь у пользователей социальных сетей появляется возможность не только оставаться «на связи» со своими друзьями, но наблюдать за их перемещениями, рассказывать о своих перемещениях и, таким образом, повысить шансы на «незапланированные встречи». Как отмечают Эрик Гордан и Адриана де Суза э Сильва, «мир, в котором мы живем, и Всемирная сеть не могут быть с легкостью разделены» [7, с. 1]. Таким образом, данные о местоположении пользователей, возникающие в социальных сетях, по нашему мнению, представляют собой «следы», которые горожане оставляют в процессе повседневной мобильности, т. е. в процессе поддержания связей.

Представляется, что анализ геолокационных данных может быть использован в исследовании повседневной мобильности горожан по следующим причинам.

Во-первых, информация о местоположении пользователей отражает практики повседневного пространственного поведения индивидов, т. е. взаимодействия индивидов с различными местами в городском пространстве, а также пространственной организации социального взаимодействия внутри города. Минимальная информация, которую мы можем получить об этом взаимодействии, это его наличие и отсутствие. Другими словами, если человек отмечается в определенном месте, мы можем утверждать, что он находится в нем, т. е. взаимодействие осуществляется. Если в каких-то местах отсутствуют отметки о местоположении, то либо отсутствует взаимодействие с ними, либо желание афишировать это взаимодействие. Подобная информация необходима для выявления мест «притяжения» в городском пространстве, концентрации потоков повседневной мобильности.

Во-вторых, пространственное поведение людей можно анализировать с точки зрения групповой принадлежности [8]. Одни люди посещают одни кафе, кинотеатры и магазины, а другие — другие. Проследив связь между местами через людей с использованием инструментов математического анализа данных, мы можем выявить латентные сообщества по их «ареалам обитания» и, следовательно, определить потребности членов этих сообществ в перемещениях.

Далее хотелось бы обратить внимание на познавательные возможности и ограничения подхода и сравнить с другими социологическими инструмента-

ми. В социологии сложилось два родственных по форме классических метода: социальное картографирование и ментальные карты. Обычно данные для социального картографирования [9] собираются при помощи опросных методов и наблюдения, а ментальные карты представляют собой изображение респондентом определенной местности по просьбе исследователя, часто сопровождающееся интервью [10].

В отличие от социального картографирования, при использовании геолокационных данных отсутствуют методы наблюдения и опроса, поэтому требуется значительно меньше человеческих и временных ресурсов (отсутствует необходимость в сети наблюдателей и интервьюеров, нет необходимости в расшифровке транскриптов, а также проблем сопоставимости данных, полученных при помощи качественных методов). В отличие от ментальных карт, отсутствует интенция исследователя при создании карты, в результате полученная карта не содержит влияния социолога на визуализацию результатов (исследователь не задает то, что нужно изобразить).

К особенностям метода можно также отнести и то, что геоотметки возникают по инициативе пользователя. Однако мы не знаем целостного представления отдельного пользователя о местности. Такой анализ, как правило, не проводится. Исследователя интересуют так называемые «большие данные»: в результате анализируются различные латентные взаимосвязи, характеризующие поведение больших групп людей, связанные с их перемещениями в пространстве. Вследствие этого подход в целом можно охарактеризовать как количественный.

Анализ геолокационных данных социальных сетей представляется эвристическим методом исследования повседневной мобильности в социальном пространстве города. Основные ограничения этого метода связываются нами с глубиной проникновения социальных сетей, а также с отсутствием возможности для исследователя включать дополнительные показатели для анализа (только те данные, которые являются доступными). Преодоление первого ограничения связывается нами с ростом интернетизации и вовлеченности населения в социальные сети, в то время как преодоление второго касается, с одной стороны, вопросов этики, а с другой, может привести к трансформации самого метода.

Опыт эмпирического исследования. Для сбора геолокационных данных в работе[2] была использована программа «Foursquare checkins crawler-processor»[3], предоставленная А. Д. Толмачом[4]. Программа собирает данные о чекинах (от англ. check-in — «это географическая отметка пользователя на карте, сообщение пользователя, что в данный момент он находится в определенном месте»[5]) «Foursquare», которые были транслированы пользователями в Twitter: идентификатор пользователя, идентификатор места, время чекина,

[2] Техническую часть проекта помог осуществить А. Ефимов.

[3] Foursquare checkins crawler-processor. URL: http://pastebin.com/Vn3gBYPF (дата обращения 17.02.2014).

[4] Толмач А. Д. — руководитель группы аналитики социальных сетей ФГУП РАМИ «РИА Новости»; младший научный сотрудник ИС РАН, г. Москва.

[5] Новости социальных сетей. Что такое чекин? URL: http://smonews.ru/what-is-chekin (дата обращения: 20.02.2016).

название места, категория места (согласно внутреннему классификатору «Foursquare»). Эти данные хранятся в табличном виде.

Для кластеризации данных впоследствии использовался алгоритм, описанный Дж. Крэншоу, Р. Шварц, Дж. Хонг, Н. Садей в работе «Проект лайфхудс: использование социальных медиа для понимания динамики городов» [11]. Суть этого алгоритма сводится к обнаружению «социальной близости мест». Если в одни и те же места ходят одни и те же люди, то эти места оказываются «социально близкими» и объединяются в один кластер.

Геолокационные данные были собраны за два периода: с 28.12.2013 по 03.01.2014 и с 08.01.2014 по 16.01.2014. Таким образом, отражаются недельные и суточные перемещения горожан, а также оказывается возможным учесть мобильность, связанную с праздничными и будними днями. Всего собрана информация о 7223 метках местоположения (чекинах), сделанных в 1703 местах 1083 пользователями.

В полученной базе данных по чекинам каждому чекину соответствует код пользователя, вследствие чего становится возможным рассчитать, как часто отдельные люди отмечают свое местоположение. Большинство пользователей (73,1 %) за указанный период в целом сделали несколько отметок о своем местоположении, только 26,9 % человек сделали по одной отметке за все 16 дней. Вместе с тем всего 10 % пользователей сделали в среднем больше, чем по одной отметке в день (от 17 до 98 отметок).

Как было обозначено выше, геолокационные данные были собраны за два периода: первая неделя фактически является праздничной, а вторая — рабочей. Полученные данные свидетельствуют о том, что использование сервисов геолокации чаще осуществляется в рабочие, чем в праздничные дни[6]. Кроме того, распределение частот чекинов подтверждает наличие определенного городского ритма жизни, в котором праздничные и выходные дни менее синхронизированы, чем рабочие[7].

Представляется, что зафиксированные отличия в частоте возникновения отметок о местоположении между праздничными и рабочими днями указывают на валидность подхода.

Дальнейший анализ полученных данных связан с исследованием перемещений горожан на основе анализа тех мест, в которых люди «отмечаются».

Вслед за авторами «The Livehoods Project» мы предполагаем, что между местами и пользователями, которые в них «отмечаются», существует статистически значимая связь. В целом это представляется логичным: люди посещают те или иные места города не случайно (в математическом смысле). Од-

[6] Следует отметить, что второй наблюдаемый период оказывается немного продолжительнее первого. Однако если мы уравняем их, исключив 8 и 9 января, как более близкие к праздничным дням, тенденция в целом сохранится (42,8 % чекинов совершено в праздничные дни и 57,2 % — в рабочие).

[7] Рабочий день обладает более четкой структурой. По данным с понедельника по четверг можно обнаружить три ежедневных пика активности: утро (6—7 часов), день (12—14 часов) и вечер (16—18 часов). Такое распределение соответствует распорядку дня офисных работников, чей рабочий день начинается с 9 часов, с 12 до14 часов обычно проходят перерывы на обед, а с 16 до18 часов рабочий день заканчивается. Рабочий день, как правило, начинается раньше (в субботу и воскресенье с 5 до 10 утра отметок значительно меньше), чем выходной.

нако проверка этой гипотезы при помощи корреляционного анализа в «IBM SPSS Statistics» оказалась затруднительной. Как указывалось выше, данные собраны о 7223 наблюдениях, для каждого наблюдения обозначен идентификатор пользователя и места пребывания. Построение таблицы сопряженности и расчет коэффициентов корреляции для такого большого количества данных оказался невозможным.

Вследствие этого для имеющихся наблюдений мы рассчитали простую механическую выборку (с шагом 19), в которую вошло 380 наблюдений. Коэффициент корреляции Крамера был рассчитан уже для выборочной совокупности и составил 0,851 при значимости 0,001. Это означает, что наша гипотеза подтверждается, и существует сильная статистически значимая связь, характеризующая паттерны использования городского пространства; другими словами, определенные группы людей посещают определенные места.

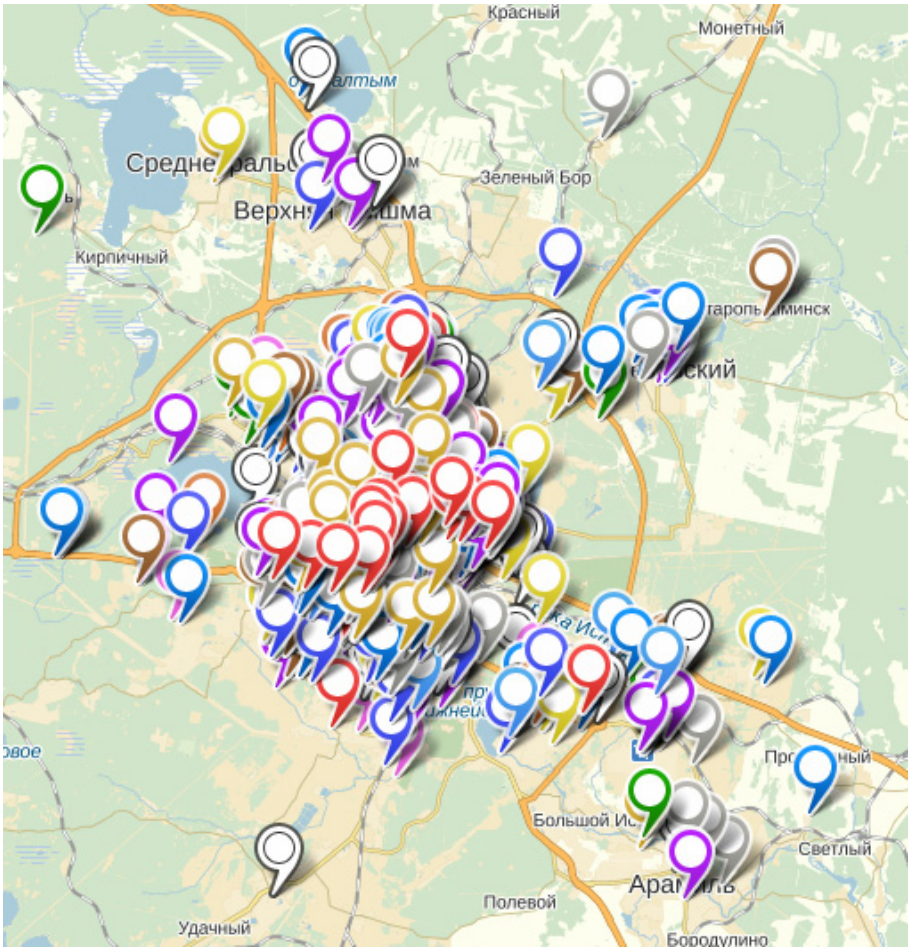


Рис. 2. *Результаты нанесения геолокационных данных*

Напомним, что базовым предположением работы стала идея о том, что геолокационные данные позволяют наблюдать повседневную мобильность горожан, которая, в свою очередь, обнаруживает социальные связи и, как следствие, социальные общности. Таким образом, включенность индивидов в

те или иные социальные общности может быть определена через места посещения, т. е. мобильность.

Общая карта полученных геолокационных данных свидетельствует о том, что границы социального пространства города значительно шире административных. Так, достаточно много отметок оказалось в Верхней Пышме, Среднеуральске, Берёзовском и Арамиле — городах, традиционно относящихся к Екатеринбургской агломерации (см. рис. 2).

При этом если между Екатеринбургом и Верхней Пышмой, Среднеуральском, Берёзовском существуют значительные «пустоты» немаркированного пространства, то в направлении Арамиля наблюдается большее сращивание (во многом благодаря аэропорту и выставочному комплексу ЭКСПО).

В ходе кластерного анализа методом K-means, параметрами для которого стали географическая и социальная близость[8] между местами, было выделено 65 кластеров (принадлежность места к определенному кластеру отображается на рис. 2 цветом маркера).

Анализируя полученные данные, необходимо сопоставить их с данными авторов используемого алгоритма (рис. 3).

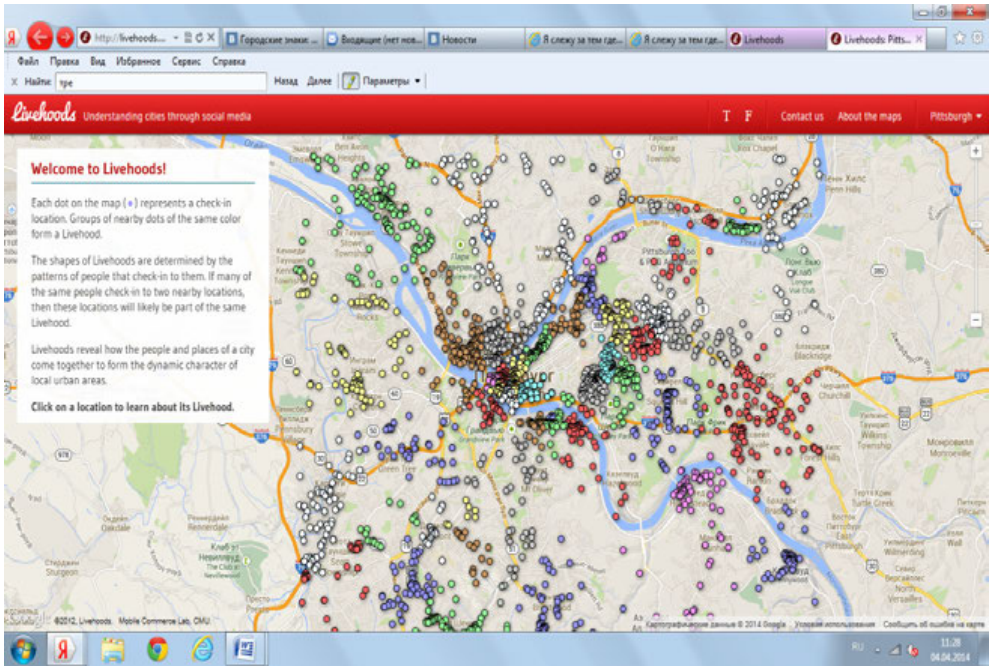


Рис. 3. *Карта кластеров Питтсбурга [4]*

[8] Географическая близость учитывает расстояние между географическими точками, рассчитываемое при помощи координат широты и долготы. Социальная близость определяется при помощи учета пользователей, которые совершают чекины: если в двух местах отмечает свое местоположение один и тот же человек, то эти места рассматриваются как «социально близкие».

Несмотря на разницу изображений, очевидно, что кластеры[9] Питтсбурга более концентрированные, локализованные, имеют более четкие границы, более «насыщены» местами. В случае с Екатеринбургом мы не обнаруживаем таких локально концентрированных сообществ, даже среди людей, активно пользующихся геолокациями в социальных сетях. Места, соединяемые мобильностями и репрезентирующие социальные общности, часто оказываются на значительном расстоянии друг от друга, а сами социальные общности «накладываются» друг на друга.

Для построения карты Питтсбурга было использовано 42 787 чекинов, совершенных 3840 пользователями в 5349 местах. В нашем исследовании была собрана информация о 7223 чекинах, совершенных 1083 пользователями в 1703 местах. Сопоставление этих данных показывает, что в Екатеринбурге число чекинов, приходящихся на одного пользователя, меньше практически в два раза, в то время как число мест, приходящихся на одного пользователя, выше. Соотнеся эти данные с результатами опроса пользователей интернет-сетей с функцией геолокации о мотивах и ситуациях их использования, приходим к следующим выводам:

- практика использования геолокационных сервисов на настоящий момент является недостаточно распространенной для исследования повседневной мобильности горожан;
- практика использования геолокационных сервисов имеет значительную имиджевую мотивацию (на имиджевую мотивацию использования геолокации указывает и Л. А. Преснякова [12]), вследствие чего демонстрируются лишь фрагменты повседневных маршрутов.

Основные выводы. Несмотря на существующие теоретико-методологические предпосылки, на текущий момент использование геолокационных данных, полученных посредством социальных сетей, для анализа повседневной мобильности горожан оказывается недостаточно эффективным, по крайней мере в условиях российского областного центра. Это связано с недостаточной распространенностью практики чекинов. Согласно полученным данным, менее 10 % пользователей отмечают свое местоположение чаще, чем 1 раз в день, это означает, что ежедневный маршрут не фиксируется посредством социальных сетей.

Представляется, что при использовании геолокационных данных в исследованиях повседневной мобильности необходимо отбирать только данные пользователей, регулярно и ежедневно отмечающих свое местоположение. Для этого необходим значительно более длительный период сбора данных, позволяющий не только отобрать наиболее «активных», но также и исключить «временно пребывающих» пользователей — не являющихся постоянными жителями города.

Использование геолокационных данных, с обозначенными условиями, позволит обнаружить существующие в городском пространстве социальные общности и определить их потребности в перемещении. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что для характеристики этих групп или экстраполяции данных о потребностях в перемещении на другие группы горожан (не являющихся активными пользователями социальных сетей) необходимы дополнительные исследования с применением других методов.

[9] В своих работах авторы называют эти кластеры «livehoods».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Geo-located Twitter as the proxy for global mobility patterns / B. Hawelka, I. Sitko, E. Beinat, S. Sobolevsky, P. Kazakopoulos, C. Ratti. URL: http://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1311/1311.0680.pdf.

2. *Орлов А. И.* Статистические пакеты — инструменты исследователя // Заводская лаборатория. Диагностика материалов. 2008. № 5(74). С. 76—78.

3. Bin Jiang, Yufan Miao. The Evolution of Natural Cities from the Perspective of Location-Based Social Media. URL: http://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1401/1401.6756.pdf

4. Livehoods. Understanding cities through social media. URL: http://livehoods.org/maps/pittsburgh

5. *Урри Дж.* Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.

6. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

7. *Gordan E., Silva A. de S. e*. Net Locality: Why Location Matters in a Networked World. Oxford: Blackwell, 2011. 200 p.

8. *Кузнецов А. Г.* Чикагская школа социологии города: к идентичности через границы // Социология города. 2010. № 3. С. 54—59.

9. *Мосиенко Н. Л.* Социально-территориальная структура пространства городской агломерации: автореф… дис. канд. социол. наук. Новосибирск, 2008. 26 с.

10. *Веселкова Н. В*. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: 4М. 2010. № 31. С. 5—29.

11. The Livehoods Project: Utilizing Social Media to Understand the Dynamics of a City / J. Cranshaw, R. Schwartz, J. Hong, N. Sadeh. URL: https://s3.amazonaws.com/livehoods/livehoods_icwsm12.pdf

12. *Преснякова Л. А*. Повседневная мобильность в цифровом городе: стратегии vs тактики // Социология власти. 2015. Т. 27. № 4. С. 93—121.

REFERENCES

1. Hawelka B., Sitko I., Beinat E., Sobolevsky S., Kazakopoulos P., Ratti C. *Geo-located Twitter as the proxy for global mobility patterns*. URL: http://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1311/1311.0680.pdf.

2. Orlov A. I. [Statistics packages — researcher's tools]. *Zavodskaya laboratoriya. Diagnostika materialov* [Industrial laboratory. Materials diagnostics], 2008, no. 5(74), pp. 76—78.

3. Bin Jiang, Yufan Miao. *The Evolution of Natural Cities from the Perspective of Location-Based Social Media*. URL: http://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1401/1401.6756.pdf

4. *Livehoods. Understanding cities through social media*. URL: http://livehoods.org/maps/pittsburgh.

5. Urry J. *Mobil'nosti* [Mobility]. Moscow, Praksis Publ., 2012. 576 p.

6. Latour B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Re-assembly of the social: introduction into actor-network theory]. Moscow, Publishing House of Higher School of Economics, 2014. 384 p.

7. Gordan E., Silva A. de S. e. *Net Locality: Why Location Matters in a Networked World*. Oxford, Blackwell, 2011. 200 p.

8. Kuznetsov A. G. [Chicago school of urban sociology: to the identity across borders]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2010, no. 3, pp. 54—59.

9. Moiseenko N. L. *Sotsial'no-territorial'naya struktura prostranstva gorodskoi aglomeratsi* [Social and territorial structure of the space of a city agglomeration. Cand. Soc. Sci. Diss.]. Novosibirsk, 2008. 26 p.

10. Veselkova N. V. [City Mental Maps: Issues of Methodology and Empirical Experience]. [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling], 2010, no. 31, pp. 5—29.

11. Cranshaw J., Schwartz R., Hong J., Sadeh N. The Livehoods Project: Utilizing Social Media to Understand the Dynamics of a City. URL: https://s3.amazonaws.com/livehoods/livehoods_icwsm12.pdf

12. Presnyakova L. [Strategies and Tactics of Everyday Mobility in Digital City]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2015, 27(4), pp. 93—121.

© Данилова А. В., 2016

Поступила в редакцию
в апреле 2016 г.

Ссылка для цитирования: *Данилова А. В.* Использование геолокационных данных в исследовании повседневной мобильности горожан: опыт эмпирического исследования // Социология города. 2016. № 2. С. 34—44.

For citation: Danilova A. V. [Use of location based data in the research of citizens' daily mobility: empirical study experience]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 2, pp. 34—44.

УДК 316.334.56

И. Н. Смирнова

КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ НАСЕЛЕНИЯ МАЛОГО ГОРОДА КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБРАЗА ЖИЗНИ

В статье предложена модель изучения культурно-досуговых практик населения малого города. На основе исследований, проведенных автором в 2011–2015 гг., анализируются детерминанты личности и детерминанты среды, дифференцирующие социальные практики в культурно-досуговой сфере жизни. На основе корреляционного и регрессионного анализа делается вывод об определяющем влиянии средовых детерминант на характер культурно-досуговых практик населения малого города. Выявлены общие для исследуемых малых городов повседневные практики населения в культурно-досуговой сфере: ориентированность на закрытые способы проведения досуга (дома, с семьей); распространенность простых форм заполнения свободного времени; практики регулярного чтения местных газет; практики употребления алкоголя; практики выездного досуга. Специфические культурно-досуговые практики, дифференцирующие малые города различного типа, проявляются в ориентированности досуговых учреждений малых городов на приезжих туристов, в сращивании системы досуга города-спутника и главного города.

Ключевые слова:
культурно-досуговые практики,
свободное время,
малый город,
образ жизни,
Ивановская область.

I. N. Smirnova

CULTURAL AND LEISURE PRACTICES OF THE POPULATION OF A SMALL TOWN AS LIFESTYLE CHARACTERISTICS

The research model for cultural and leisure practices of the population of a small town is offered in the article. Personal and environmental determinants, differentiating social

Характер свободного времени и досуговых практик человека является важнейшим компонентом образа жизни населения. Это не просто свободное время, остающееся после работы, это фактически время воспроизводства самого человека, его физического, духовного и культурного восстановления.

Вопрос о соотнесении понятий «досуг» и «свободное время» является в современной социологии дискуссионным. Мы придерживаемся точки зрения Г. И. Минца, который отмечает, что «к досугу относятся только те часы, которые используются для отдыха, а время, отдаваемое учебе, общественной работе, детям, не относится к досугу, но является частью свободного времени» [1, с. 4]. Такое разделение понятий важно, поскольку особенности проведения свободного времени и досуга в настоящее время наиболее заметно дифференцируют жизненные стандарты населения России.

Специфика реальных моделей культурно-досуговых практик во многом обусловливает избираемый населением образ жизни. Человек выбирает определенный вид деятельности в качестве отдыха, развития или развлечения в соответствии с имеющимися возможностями, ориентируясь на свои потребности. В этом смысле одна и та же потребность удовлетворяется по-разному, в соответствии с имеющимися средствами.

В городах и сельской местности сложились объективно неравные пространственные, архитектурно-планировочные, демографические, образовательные, рекреационные и другие условия формирования культурно-досуговых практик населения и способов их удовлетворения. Малые города при этом занимают особое положение в территориально-поселенческой структуре страны: многие экономические и социокультурные процессы, происходящие в них, глубже, а зачастую и негативнее отражаются на населении, при этом особый социальный климат, близость к природе, культура местных сообществ во многом способствуют более полному восстановлению жизненных ресурсов человека.

Малый город в данной статье понимается с позиций синтеза количественного и качественного подходов: и как тип городов с численностью населения до 50 тыс. жителей, и как сложная со-

practices in the sphere of culture and leisure, are analyzed using the data of research conducted by the author in 2011–2015. Through the prism of correlation and regression analysis the author comes to the conclusion that the environmental determinants define the nature of cultural and leisure practices of the population of a small town. The author reveals common for the investigated small towns everyday practices in the cultural and leisure sphere – closeness (at home, with family) and unpretentiousness of the leisure time, regular reading of the local newspapers, alcohol consumption, outbound leisure. It is shown that specific cultural and recreation practices differentiating small towns depend on the infrastructure orientation on the visitors, and determine the coalescence of entertainment system of satellite town and the central city.

Key words:
cultural and recreational practices,
free time,
small town,
way of life,
Ivanovo Oblast.

Об авторе:
Смирнова *Инна Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет (ИвГУ). Российская Федерация, 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 37, kodina_inna@mail.ru*

Smirnova *Inna Nikolaevna – Candidate of Sociology, Docent of Sociology and Human Resources Management Department, Ivanovo State University (IvSU). 37, Ermaka St., 153025, Ivanovo, Russian Federation, kodina_inna@mail.ru*

циокультурная система, характеризующаяся наличием минимальных признаков города [2, 3]. Как справедливо отмечают Ю. А. Лаамарти и А. В. Кофанов, «малый город в современной России — это комплекс разноплановых проблем, которые определяют лицо не только российских регионов, но и всего российского общества» [4, с. 3]. Авторы выделяют такие проблемы, как деградация социального пространства, протекающая на фоне разрушения городской инфраструктуры, сворачивания производственной базы, стагнации местного самоуправления, распада городских сообществ. Эти процессы самым негативным образом отражаются на образе жизни населения.

Культурно-досуговые практики наряду с общественно-политическими, социально-экономическими, семейно-бытовыми практиками выступают объективной основой выделения населения малого города в специфическую социально-территориальную общность, закрепляют индивида за непосредственной средой его жизнедеятельности. Цель данной статьи — проанализировать объективные и субъективные детерминанты, а также описать социальные практики населения в культурно-досуговой сфере жизни населения малого российского города, проследить их устойчивые и специфические черты.

Методика исследований. С целью реализации поставленных задач были проведены авторские социологические исследования, которые включали в себя анкетный опрос жителей ряда малых городов Ивановской области, изучение материалов Госкомстата России и региональных статистических данных, а также анализ вторичных данных социологических исследований [5—7].

В ходе анкетных опросов, проведенных в 2011—2015 гг., на основе многоступенчатой квотной выборки было опрошено 800 жителей малых городов Ивановской области. В выборку эмпирического исследования, согласно типологии малых городов С. А. Баканова [8, с. 123], вошли четыре малых города Ивановской области. Кроме критерия размера были также учтены критерии давности образования малого города, особенности его экономического развития,

а также критерий транспортно-коммуникационной удаленности от областного центра. Малые города, отобранные по перечисленным критериям, представлены в табл. 1.

Таблица 1. *Особенности и типы малых городов Ивановской области, вошедших в выборку исследования 2011–2015 гг.*

Город	Год образования	Население, тыс. чел.	Типология С. А. Баканова	Особенности экономического развития
Плёс	1238	2,6	Мельчайший город (до 10 тыс. чел.)	Туристический сектор, народные промыслы, речная пристань
Комсомольск	1950	9,0	Мелкий город (10—20 тыс. чел.)	Тепловая электростанция, предприятия машиностроительной и текстильной промышленности
Кохма	1925	28,5	Непосредственно малый город (20—30 тыс. чел.)	Город-спутник областного центра, предприятия текстильной, пищевой и машиностроительной промышленности
Фурманов	1918 (до 1941 г. — Середа)	37,6	Полусредний малый город (30—50 тыс. чел.)	Предприятия легкой (текстильной, швейной), машиностроительной, пищевой промышленности

Отметим, что исследуемые малые города принадлежат к однородной конфессиональной и этнической среде, являются типичными русскими городами, поэтому конфессиональный и этнический факторы при выявлении культурно-досуговых практик населения учитывались в минимальной степени.

Значимым для формирования инструментария исследования являлся также анкетный опрос населения, проведенный в четырех малых городах Ивановской области (городах Кохма, Юрьевец, Плёс, Фурманов) и в пгт Савино в рамках проекта «Социальное самочувствие жителей малых городов Ивановского региона» [9] (n=500).

Методы анализа данных исследований включали: описательные статистики, составление перекрестных таблиц и диаграмм, а также корреляционный (расчет коэффициентов корреляции Спирмена и Пирсона) и регрессионный анализ (расчет коэффициентов детерминации R^2). Корреляционный и регрессионный виды анализа осуществлялись с целью выявления степени влияния независимых переменных (детерминант среды и личностных детерминант) на распределенные значения зависимых переменных (социальных практик в культурно-досуговой сфере жизни).

Прежде чем описать культурно-досуговые практики населения малых городов, мы в первую очередь проанализируем те детерминанты, которые определяют их специфику.

Детерминанты культурно-досуговых практик населения малых городов. Полагаем, что основными детерминантами культурно-досуговой сферы жизни выступают *детерминанты среды* (естественно-природные, социокультурные и социально-экономические детерминанты). В этой связи представляется важным описать уровень развития и организации культурно-досуговой жизни в малых городах Ивановской области со стороны общественных институтов и государства, а также выявить специфику историко-культурного потенциала малых городов региона.

Фактор организации культурно-досуговой сферы жизни в малых городах Ивановского региона является определяющим. Культурно-досуговая сфера жизни на протяжении последних десяти лет характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, развивается система активного досуга: растет количество спортивных учреждений. С другой стороны, сокращается численность всех остальных учреждений культурно-досугового типа: библиотек, клубов, кинотеатров, остается низкой численность музеев. Чем меньше численность населения малого города, тем меньше культурно-досуговых учреждений в нем, что является объективным и закономерным.

Следует отметить, что статистика не учитывает частные организации, оказывающие туристические и культурно-досуговые услуги. В малых городах региона численность частных организаций заметно превышает количество государственных (в первую очередь это гостиницы, музеи и спортивные учреждения). При этом они отличаются достаточным разнообразием. Однако ориентирована эта система мероприятий и учреждений прежде всего на приезжих туристов, она предполагает достаточно высокий уровень дохода и образования. Таким образом, жители малых городов попадают в ситуацию сравнения, когда видят различия в досуге приезжего населения и своем собственном. Статистические документы, таким образом, фиксируют наличие разнообразных культурно-досуговых учреждений в малых городах региона. Кроме того, их посещаемость достаточно высока: спортивные учреждения посещают 10 % жителей, а в библиотеки записано около половины всего населения малых городов. Это означает, что система активного досуга востребована и реализуется населением.

Однако мы отметили, что оценка субъективных возможностей проведения свободного времени жителями малых городов выявляет противоположные тенденции. По данным исследований, в 2013 г. только 3,4 % опрошенных жителей малых городов отметили «многообразие мест проведения досуга» как одно из преимуществ своего города; 36,4 % жителей сочли, что их возможности проведения досуга неудовлетворительные, почти половина опрошенных респондентов (49 %) высказалась о средних возможностях организации досуга в малом городе. Такая тенденция прослеживалась и в более ранних, и в более поздних опросах. Например, в 2011 г. только 28 % населения малых городов было удовлетворено организацией досуга в своем городе, в 2015 г. этот показатель составил 34 %. При этом была выявлена тенденция: чем меньше малый город, тем негативнее оценки досуговой сферы его жителями.

Среди наиболее неудовлетворенных организацией досуга в малом городе и собственными возможностями его проведения — молодые респонденты, а также «свободные» жители (не состоящие в браке, не имеющие детей, вдовые респонденты). Это объясняется тем, что возможности проведения свободного

времени обусловлены также факторами *уровня жизни* и *удаленности малого города от культурной жизни областного центра*. Те, кто имеют хорошие возможности для проведения свободного времени, как правило, оценивают свой досуг положительно, в то время как те, кто постоянно сталкивался с материальными затруднениями, оценивают досуговые возможности городской среды весьма низко.

Следующим важным фактором формирования образа жизни населения в малом городе выступает его *историко-культурный потенциал*. Мы отмечаем достаточно высокий уровень историко-культурного потенциала в изучаемых малых городах. Особенно многообразны в этом отношении туристические города — Плёс и Юрьевец. Культурная политика реализуется в них через крупные проекты, фестивали, выставки, участниками которых становятся различные направления культуры и искусства. Эти проекты направлены на комплексное развитие материально-технической базы учреждений культуры, создание привлекательного имиджа малого города для туристов и предоставление культурно-досуговых услуг населению. Среди таких мероприятий особо отметим Международный кинофестиваль имени А. Тарковского «Зеркало», просветительский проект «Большое чтение», фестиваль «Яблочный спас», фестиваль моды «Плёс на Волге. Льняная палитра», фестивали «Играй, гармонь», «Лоскутная мозаика России» и многие другие.

В соответствии с приказом Министерства культуры РФ от 29.07.2010 № 418/339 из 41 исторического города на территории Ивановской области находятся три: Кинешма, Шуя, Плёс. Также в малых городах региона значительно развиты народные промыслы: написание лаковых миниатюр (Палех, Холуй), строчевышивание (Палех, Верхний Ландех, Пестяки, Пучеж), ювелирное производство (Приволжск).

Таким образом, фактор историко-культурного наследия не может не влиять на специфику образа жизни населения в культурно-досуговой сфере. Зачастую он способен целиком определять все культурную жизнь малого города.

Оказывают влияние на формирование досуговых практик и *социокультурные детерминанты*. Главным среди них выступают разделяемые большинством населения ценности, а также непосредственная иерархия ценностных ориентаций жителей.

Проведенное эмпирическое исследование позволило выявить соотношение различных ценностей в общей структуре ценностных ориентаций населения малых городов. Так, среди горожан преобладают терминальные ценности: семья (82,2 %), жизнь (61,2 %), работа (52,8 %), благополучие (48,5 %). Инструментальные ценности находятся на второстепенных позициях: независимость (13,9 %), общение (21 %), нравственность (11,2 %).

Выбор предложенных ценностных ориентаций заметно зависит от типа города. Так, чем меньше размер малого города, чем чаще его жители отдают предпочтение традиционным и общечеловеческим ценностям, таким как традиции (8,5 %), семья (88 %), жизнь (65,4 %), благополучие (49,5 %), общение (22 %). Соответственно, чем ближе город располагается к областному центру, тем чаще население отмечает такие инструментальные ценности, как свобода (26 %), авторитет (10,5 %), жертвенность (8,5 %). Выбор ценностных ориентаций определяет и выбор образа жизни: в сознании населения доминируют

традиционные и универсальные ценности, только каждый седьмой респондент демонстрирует черты инновационных ценностных ориентаций.

Таким образом, мы рассмотрели основные детерминанты среды, которые определяют характер культурно-досуговых практик населения малого города. Теперь обратимся непосредственно к содержанию проведения свободного времени жителями малых городов, для чего выявим общие и особенные практики в исследуемых малых городах.

Общие и специфические культурно-досуговые практики населения. Определяющей общей культурно-досуговой практикой во всех изученных малых городах является способ проведения *свободного времени*. Чтобы выявить содержание культурно-досуговых практик у жителей малых городов, мы используем модель направленности использования свободного времени, сформулированную Н. И. Седовой [10, с. 52—53]:

1. Простые формы заполнения свободного времени характеризуются наиболее распространенными и не требующими дополнительных затрат домашними способами проведения свободного времени. Среди них просмотр телевизора, чтение, хозяйственные заботы или просто расслабление и сон. Эта форма проведения свободного времени предполагает отсутствие любых социальных контактов вне дома.

2. Традиционные формы заполнения досуга включают в себя ориентацию на определенные увлечения, в том числе чтение книг, прослушивание музыки, просмотр видео, занятия компьютером, самообразование, различные хобби, более активное общение, направленное на пребывание вне семьи и дома. Такая форма досуговых практик обогащает свободное время, а также несет в себе более выраженный развивающий компонент. Отметим, что особую роль в этой форме свободного времени играет чтение местных газет и журналов, а также просмотр местного ТВ.

3. Активные формы заполнения досуга отражают проявление социального участия вне дома и являются признаком максимальной полноценности и разносторонности досуга. Эти формы проведения свободного времени складываются только при условии расширения спектра досуговых предпочтений за счет внедомашних видов культурной, развлекательной, рекреационной, общественной или иной деятельности. Именно это придает социальной жизни людей наибольшую полноту и влияет на степень удовлетворенности людей указанной сферой жизни.

Исследование показало, что простые формы заполнения досуга наиболее предпочтительны для населения малых городов (рис. 1).

Так, просмотру ТВ уделяют время 82 % жителей, чтению газет и журналов — 38 %. Этот показатель достаточно высок за счет чтения местной прессы, которую выписывают многие жители малых городов. Именно местная пресса и местное телевидение выступают интеграционным ресурсом, поскольку способны настолько проникать в городскую среду, что их читают и смотрят практически в каждой семье.

Традиционные формы заполнения досуга наиболее разнообразны. Их предпочитает каждый четвертый опрошенный респондент. Наиболее распространенными среди них являются чтение книг (32,2 %), общение (31,2 %), поход в гости (23,2 %) и отдых на природе (28,5 %). Для 10 % опрошенных жителей актуальными являются занятия по интересам и самообразование.

Следует отметить, что выбор традиционных форм проведения свободного времени напрямую зависит от давности проживания в малом городе: среди коренных горожан их выбор встречается чаще.

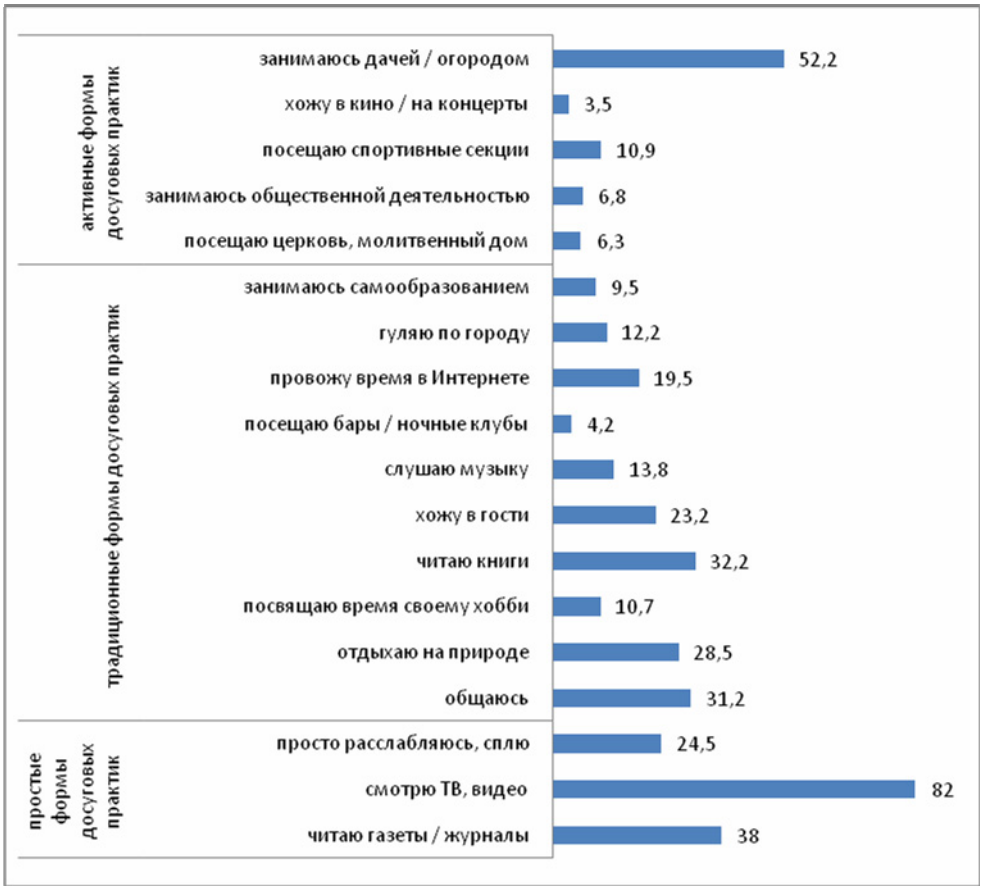


Рис. 1. *Структура досуговых практик жителей малых городов, %, вопрос множественный, 2015 г.*

Активные формы заполнения досуга в основном свойственны каждому десятому жителю исследуемых малых городов. Среди них наиболее популярными являются занятия на личном подсобном хозяйстве (52,2 %) и посещение спортивных секций (10,9 %). Часть респондентов (6,3 %) сообщили, что посещают церковь.

Активные формы досуга характерны в основном для некоренных жителей малых городов, респондентов, имеющих детей, но не состоящих в зарегистрированном браке, людей пенсионного возраста, а также руководителей, предпринимателей, специалистов с высшим образованием. Ключевой фактор выбора этих форм проведения свободного времени — материальное положение и социальный статус. Чем больше источников дохода у опрошенных, тем выше их социальная активность. Именно поэтому данный вид досуговых практик в малых городах к настоящему времени еще не сложился и отличается нерегулярностью.

Всероссийские исследования особенностей соотношения перечисленных досуговых форм демонстрируют преобладание у населения России традиционного типа досуговых практик (он характерен для 47,5 % населения), простые формы свободного времени используют 21,8 % россиян, активный досуг демонстрируют 30,7 %. В малых городах Ивановской области ситуация иная: доминируют простые формы организации досуга (у половины опрошенных), в то время как традиционные и активные формы занимают второстепенные позиции.

Объясняется такое соотношение тем, что простой вид досуга не требует дополнительных затрат, не предполагает общения, в основном осуществляется в рамках домохозяйства. Прежде всего это связано с более низким уровнем благосостояния жителей малых городов.

Следующей общей для всех жителей малых городов практикой является *практика просмотра местного ТВ и чтения местной прессы*. Опросы 2011—2015 гг. подтверждают, что порядка 77 % жителей малых городов регулярно читают местные газеты, 46 % смотрят местное и региональное ТВ. Каждый третий респондент указал на регулярное, а половина опрошенных — на ситуативное чтение местных газет. Эти данные превышают общероссийские показатели.

Среди регулярно читающих местную прессу преобладают люди с высшим и поствысшим уровнем образования, предприниматели, руководители различного уровня, люди, проживающие в городе с самого рождения, а также респонденты предпенсионного и пенсионного возраста. Похожие зависимости обнаружены и при анализе просмотра респондентами ТВ-передач.

Таким образом, потенциальное влияние местных СМИ в малых городах достаточно велико: для большинства жителей, имеющих ограниченный доступ к другим источникам информации (Интернету, кабельному ТВ), они стали единственным источником информации и местных новостей [11, с. 45].

Описывая содержание общих досуговых практик населения малых городов, мы выявили общую для всех малых городов практику повышенной *алкогольной активности населения*. Проблема чрезмерного потребления алкоголя всегда была актуальна для России, однако в малых городах она приобретает катастрофические масштабы. Усугубление ситуации связано не с тем, что возрастает доля выпивающих, а с тем, что выпивка приобретает систематический характер, превращается в повседневную практику, становится чертой образа жизни населения малого города и фиксируется самими его жителями как важная проблема. Для получения объективной картины мы включили в варианты ответов на ряд вопросов высказывания, содержащие подтверждение алкогольной активности населения.

Полученные в 2013 г. данные свидетельствуют о том, что каждый четвертый житель малого города отмечает проблему алкоголизации населения как существенную проблему своего малого города (26 %), не скрывают наличие проблемы пьянства в своей семье 9 % опрошенных, регулярно посещают бары порядка 15 % респондентов. В структуре наиболее часто посещаемых мест досуга в малых городах бары занимают второе место после спортзалов.

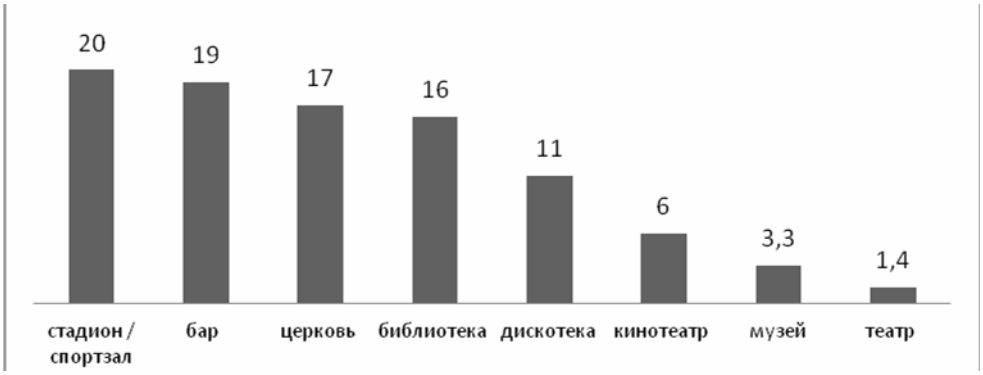


Рис. 2. *Регулярное (раз в неделю и чаще) посещение культурно-развлекательных учреждений населением малых городов, в % (n=664), 2013 г.*

Если сравнивать полученные данные с общероссийскими, то доля выпивающих в среднем по России ниже, чем в малых городах Ивановской области (18,8 против 24 %). Таким образом, мы фиксируем распространение «алкогольного образа жизни» среди современных жителей малых городов, причем он затрагивает не только мужчин, но и женщин, что отрицательно сказывается на семейных отношениях, детях и самым негативным способом отражается на демографической ситуации в малых городах.

Следующим видом общих практик в культурно-досуговой сфере жизни в исследуемых малых городах являются *практики ориентированности на закрытые способы проведения досуга*, на семью и дом. Эта тенденция прослеживается в ответах респондентов на вопрос о том, с кем они предпочитают проводить свой досуг. Жители малых городов свое свободное время проводят, в основном, с членами своей семьи: с супругом (супругой) — 44 %, с детьми и внуками — 51 %, с родителями — 13 %. Каждый третий респондент стремится проводить свое свободное время с друзьями, 15 % — с любимыми людьми. В одиночестве остаются 12,5 % опрошенных. Среди них, в основном, преобладают одинокие люди: те, у кого нет детей, те, кто старше 56 лет, те, кто является вдовцами. До 35 % из них — неверующие и атеисты. Надо отметить, что доминируют среди одиноких жителей женщины. Ориентации на проведение досуга с семьей прослеживаются также и в практиках «выездного досуга».

Практика «выездного досуга» предполагает поездку всей семьей в выходные и праздничные дни в областной центр. Как правило, основными целями таких поездок являются покупки (87 %), а также развлечения и отдых (36 %). Местами для таких поездок становятся крупные торгово-развлекательные центры, где можно совместить и рекреационные, и хозяйственные цели. Такой вид досуга характерен для 71 % опрошенных респондентов и, как правило, различается лишь более интенсивными проявлениями в отдаленных малых городах. Отметим также, что по сравнению с серединой 2000-х гг. практики выездного досуга укрепились.

Таким образом, *общими* для исследуемых малых городов являются следующие *повседневные практики* населения в культурно-досуговой сфере: ориентированность на закрытые способы проведения досуга (дома, с семьей); распространенность простых форм заполнения свободного времени; практи-

ки регулярного чтения местных газет; практики употребления алкоголя; практики выездного досуга.

Сравнение этих исследований с исследованиями более крупных городов показали, что отмеченные практики отличаются от способов проведения свободного времени в больших российских городах, поэтому они отнесены к характерным чертам культурно-досуговой сферы образа жизни населения малых городов.

Исследование позволило выявить также и *специфические* культурно-досуговые практики населения малых городов. К ним мы относим:

- специфические формы проведения свободного времени в городах разного типа размера (например, в центрах народных ремесел и художественных промыслов в г. Плёсе и г. Юрьевце);

- ориентированность досуговых учреждений малых городов на приезжих туристов (иллюстрируется данными статистики и возрастает в туристических городах);

- сращивание системы досуга города-спутника и главного города (г. Иваново и г. Кохма).

Исследование также показало, что чем больше размер малого города, тем выше в нем доля одиноких горожан. Так, если в Плёсе о своем одиночестве заявили лишь 6,5 %, то в Кохме и Фурманове их число увеличилось до 22,5 и 18 % соответственно. В то же время чем меньше размер города, тем сильнее среди его жителей ориентации на семью: в Плёсе они характерны для 86 % опрошенных. Также тип малого города определяет выбор досуговых практик: чем меньше населенный пункт, тем чаще его жители осуществляют выбор традиционных и простых форм проведения свободного времени.

Исследование позволило выявить следующие противоречия. Значимым является противоречие между ростом числа культурно-досуговых учреждений в исследуемых малых городах и негативными оценками жителями возможностей проведения досуга в малом городе. Существенным также является противоречие между высоким уровнем притязаний населения в сфере организации досуга и ориентациями на закрытый, семейный досуг.

Корреляционный анализ переменных «удовлетворенность возможностями проведения досуга в малом городе» и «частота чтения местной прессы» позволил нам определить разную степень влияния выделенных детерминант на частоту выбора различных форм проведения свободного времени респондентами (табл. 2).

Так, среди личностных детерминант в наибольшей степени влияют на удовлетворенность возможностями проведения досуга в малом городе:

- семейное положение опрошенных (–0,205 — средний показатель коэффициента корреляции Спирмена): наиболее удовлетворенными организацией досуга в малом городе являются свободные респонденты;

- давность проживания в малом городе (–0,290): чем дольше человек живет в малом городе, тем он более терпим к возможностям организации досуга в нем.

Частота чтения местной прессы также в большей степени определяется такими факторами, как возраст (–0,336), семейное положение (–0,218), а также давностью проживания в малом городе (–0,200) и его удаленностью от областного центра (–0,199). Так, среди семейных респондентов, респондентов

более старшего возраста и респондентов, проживающих в малом городе большую часть жизни, обращение к местной прессе отмечается чаще, чем у респондентов, приехавших в малый город недавно.

Таким образом, корреляционный анализ показал, что личностные детерминанты хоть и являются наиболее представленными, но в большей степени определяют удовлетворенность возможностями организации досуга в малом городе детерминанты среды.

Таблица 2. *Корреляционный анализ переменных «удовлетворенность возможностями проведения досуга в малом городе» и «частота чтения местной прессы» и значение переменных, имеющих наибольшие показатели коэффициентов корреляции Спирмена*

Детерминанты	Факторы	Удовлетворенность возможностями проведения досуга в малом городе	Частота чтения местной прессы
Естественно-природные	Удаленность малого города от областного центра	0,201*	–0,299**
Экономические	Уровень жизни	**0,411****	–0,023*
Социокультурные	Чувства, испытываемые к городу	–0,139**	0,116**
Личностные	Уровень образования	0,090*	–0,159*
	Давность проживания в городе	–0,29*	0,200*
	Возраст	–0,154*	–0,236**
	Семейное положение	–0,205**	–0,218**
	Пол	–0,042	–0,195**

*Корреляция значима на уровне 0,01 (2-х сторон.).

**Корреляция значима на уровне 0,05 (2-х сторон.).

Вместо заключения. Предложенная модель изучения культурно-досуговых практик была апробирована и в других сферах жизни населения малого города [12, 13]. Исследования 2011—2015 гг., проведенные в малых городах Ивановской области, показали устойчивость таких общих культурно-досуговых практик, как распространенность простых форм заполнения свободного времени (просмотр ТВ, чтение, сон), практик регулярного чтения местных газет, практик употребления алкоголя и практик выездного досуга в областной центр / более крупный город.

Специфические культурно-досуговые практики, дифференцирующие малые города различного типа, проявляются в ориентированности досуговых учреждений малых городов на приезжих туристов, в сращивании системы досуга города-спутника и главного города.

Важным фактором, который потенциально способствует развитию малого города, являются положительные оценки горожанами природного потенциала, социального климата и культурно-исторического наследия городов. В этой связи отмечены практики массового проведения досуговых мероприятий, а также открытость населения новым контактам.

Исследование показало, что основными детерминантами формирования выделенных специфических практик в культурно-досуговой сфере являются: естественно-природные (прежде всего, удаленность малого города от областного центра), экономические (уровень жизни) и социокультурные (историко-культурный потенциал, ценностные ориентации), личностные детерминанты (уровень образования, давность проживания в малом городе, а также возрастные и семейно-брачные характеристики горожан).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Минц Г. И.* Свободное время: желаемое и действительное. М.: Знание, 1978. 64 с.
2. *Кодина И. Н.* Малый город: определение границ и типологии // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. № 4 (51-52). С. 429—433.
3. *Лаамарти Ю. А.* Актуальные проблемы малых городов России // Социология города. 2011. № 2. С. 11—15.
4. *Лаамарти Ю. А., Кофанов А. В.* Малые города в современной России // Социология города. 2012. № 4. С. 3—16.
5. *Никитский М. В.* Социальный климат малых городов России (штрихи к социально-педагогическому портрету российской глубинки) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4. Педагогика. Психология. 2010. № 2 (17). С. 57—67.
6. Образ жизни в советской и постсоветской России / под общ. ред. А. А. Возмителя и Г. И. Осадчей. М.: Изд-во РГСУ, 2009. 223 с.
7. *Патреева О. В.* Малый город: типы воспроизводства (на примере Ивановской области) // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2011. № 1. С. 32—35.
8. *Баканов С. А.* Малый советский город 1960—1980 гг. // Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики / отв. ред. Е. В. Сайко. М.: Наука, 2001. 392 с.
9. *Аргунова В. Н., Кодина И. Н.* Методика изучения социального самочувствия населения малого города // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. № 1 (29). С. 7—11.
10. Малообеспеченные в России: кто они? Как живут? К чему стремятся? М.: Институт социологии РАН, 2008. 80 с.
11. *Эйсмонт М.* Газеты малых городов // Pro et contra. 2007. № 1 (35). С. 43—55.
12. *Кодина И. Н.* Общественно-политическое участие населения малого города: гендерный аспект (на примере малых городов Ивановской области) // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 20—28.
13. *Кодина И. Н.* Труд и занятость в малом городе: социальные практики и детерминанты (на материалах Ивановской области) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2—1. С. 407—414.

REFERENCES

1. Mints G. I. *Svobodnoe vremya: zhelaemoe i deistvitel'noe* [Free time: desirable and real]. Moscow, Znanie Publ., 1978. 64 p.
2. Kodina I. N. [Small town: the definition of borders and typology]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], 2009, Vol. XI. Iss. 4 (51-52), pp. 429—433.
3. Laamarti Ju. A. [Topical issues of little towns of Russia]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2011, no. 2, pp. 11—15.
4. Laamarti Yu. A., Kofanov A. V. [Small towns of modern Russia]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2012, no. 4, pp. 3—16.

5. Nikitskii M. V. [Social climate of small Russian towns (strokes to the social and pedagogical portrait of Russian remote settlements)]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4. Pedagogika. Psikhologiya* [St. Tikhon's University Review. Pedagogy. Psychology], 2010, 2 (17), pp. 57—67.

6. Vozmitel' A. A., Osadchaya G. I. (ed.). Obraz zhizni v sovetskoi i postsovetskoi Rossii [Way of life of Soviet and Post-Soviet Russia]. Moscow, Publishing House of RGSU, 2009. 223 p.

7. Patreeva O. V. [Small town: types of reproduction (by the example of Ivanovo region)]. [FES: Finance. Economy. Strategy], 2011, no. 1, pp. 32—35.

8. Bakanov S. A. [A small Soviet town of 1960—1980s]. Saiko E. V. (ed.). *Gorod v protsessakh istoricheskikh perekhodov. Teoreticheskie aspekty i sotsiokul'turnye kharakteristiki* [City in the processes of historical transitions. Theoretical aspects and social and cultural characteristics]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 392 p.

9. Argunova V. N., Kodina I. N. [Small town's population social well-being research technique]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences], 2013, no. 1 (29), pp. 7—11.

10. *Maloobespechennye v Rossii: kto oni? Kak zhivut? K chemu stremyatsya?* [Low-income citizens in Russia: who are they? How do they live? What do they wish for?] Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2008. 80 p.

11. Eismont M. [Newspapers of small towns]. *Pro et contra*, 2007, no. 1(35), pp. 43—55.

12. Kodina I. N. [Social and political participation of the population of a small town: gender aspect (by the example of small towns in Ivanovo Oblast)]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian society], 2009, no. 3, pp. 20—28.

13. Kodina I. N. [Labour and employment in a small town: practice and social determinants (based on the materials of the Ivanovo region)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences], 2014, no. 2—1, pp. 407—414.

© Смирнова И. Н., 2016

Поступила в редакцию
в апреле 2016 г.

Ссылка для цитирования: *Смирнова И. Н.* Кульутрно-досуговые практики населения малого города как характеристики образа жизни // Социология города. 2016. № 2. С. 45—57.

For citation: Smirnova I. N. [Cultural and leisure practices of the population of a small town as lifestyle characteristics]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 2, pp. 45—57.

УДК 316.442

А. Г. Филипова,
Н. Э. Ракитина

ДЕТИ И ГОРОД: ПРОБЛЕМА ВОСПРОИЗВОДСТВА СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

(Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-03-50091)

В статье представлен анализ городской среды с точки зрения воспроизводства факторов социального неравенства детства. Социальное неравенство детства подразделяется на внешнее и внутреннее. Внешнее неравенство связано с социальной уязвимостью, незрелостью детей в сравнении со взрослыми людьми. Механизмами закрепления внешнего неравенства в городе выступают помещение детей в защищенные территории, использование инструментов социального контроля, сокращение детских мест и др. Внутреннее неравенство детства определяется как неравенство детей из-за разного объема индивидуально-личностных и семейных ресурсов. Оно проявляется в неравной доступности объектов городской инфраструктуры, распространении «жестких» границ.

Ключевые слова:
город,
улица,
дети,
социальное неравенство,
внешнее неравенство,
внутреннее неравенство,
факторы неравенства.

A. G. Filipova,
N. E. Rakitina

CHILDREN AND CITY: PROBLEM OF REPRODUCTION OF SOCIAL INEQUALITY

(The article is prepared within the frameworks of the supported RHSF scientific project No. 16-03-50091)

In the article the analysis of the urban environment is presented from the point of view of reproduction of factors of child's social inequality. The social inequality of childhood is subdivided into

Проблема изучения детей в городском пространстве актуализируется на современном этапе в связи с «исчезновением» детей из общественных пространств. Как отмечают зарубежные исследователи (Дж. Квортруп, С. Холлоуэй, Дж. Валентайн), наблюдается тенденция помещения детей в защищенные домашние или институциональные пространства, сужение зоны свободного творчества детей или даже исчезновение детей из городской среды. Город начинает восприниматься взрослыми как враждебная среда, продуцирующая множественные риски в отношении детей [1, 2].

C. Ward в работе «Ребенок в городе» пытается ответить на вопрос: почему некоторых детей изолируют от уличного влияния и влияния городов, в которых они живут, а другие дети могут использовать уличное и городское пространство для игр и открытий [3]. М. Ю. Сибирева, изучая влияние большого города на социализацию детей дошкольного возраста, пришла к выводу, что «дети не просто “видят” город, но и стараются организовать свою деятельность в соответствии с его социально-пространственными характеристиками». Исследователь заключает, что недостаточность зеленых зон и детских площадок приводит к тому, что дети начинают осваивать пространство «взрослыми» способами, все реже обращаясь к традиционным детским играм [4].

В изучении детства в городской среде возникает проблема подбора необходимых исследовательских методик. О. Никитина-ден-Бестен, изучая детей в городских средах двух европейских столиц — Берлина и Парижа, использует методику составления субъективных карт. Детям было предложено нарисовать их путь из школы домой, обозначить «свои» территории, промаркировать карту специальными значками эмоций [5]. С. Н. Майорова-Щеглова апробировала методику социального картографирования для оценки социализирующего пространства города. При этом исследователь обращается как к данным статистки (объективные индикаторы), так и к мнению детей и родителей (субъективная оценка): «На социальной карте отмечались символами, штриховкой, цветом не только особенности ландшафта территории (транспортная дорога, пруд и т. д.),

external and internal. The external inequality is connected with social vulnerability, child's immaturity in comparison with adults. Placement of children in protected territories, use of instruments of social control, reduction of children's places and others are the mechanisms of fixing of external inequality in the city. The internal inequality of childhood is defined as an inequality of children due to different volume of individual and family resources. It is shown in unequal availability of city infrastructure objects, distribution of "rigid" borders.

Key words:
city,
street,
children,
social inequality,
external inequality,
internal inequality,
factors of inequality.

Об авторах:

Филипова *Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социальных наук, Дальневосточный федеральный университет.*
Российская Федерация, 690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8, alexgen77@list.ru

Filipova *Aleksandra Gennad'evna – Doctor of Sociology, Professor of Sociological Science Department, Far Eastern Federal University.*
8, Sukhanova St., 690950, Vladivostok, Russian Federation, alexgen77@list.ru

Ракитина *Наталья Эдуардовна – ведущий инженер учебно-методического управления, Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет.*
Российская Федерация, 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 25, rakitina.nat@gmail.com

Rakitina *Natal'ya Eduardovna – Senior Engineer of Training Department, Komsomolsk-na-Amure State Technical University.*
25, Lenina St., 681000, Komsomolsk-na-Amure, Russian Federation, rakitina.nat@gmail.com

все строения микрорайона, но и все важные для жизнедеятельности, по оценкам самих людей, места» [6, с. 65].

Большое количество российских исследований посвящено изучению проблем «справедливого» города, преодоления социальной сегрегации в городских пространствах и пр. [7, 8]. Целью настоящего исследования является изучение факторов социального неравенства детства, воспроизводящихся и поддерживаемых городской средой.

Факторы социального неравенства подразделяются нами на внешние, возникающие в результате взаимодействия взрослого и детского миров, и внутренние, проявляющиеся во взаимодействии детей по причинам разного объема индивидуально-личностных и семейных ресурсов. P. Christensen и M. O'Brien, выдвигая аргументы в пользу «города для всех», говорят о восприятии детей, с одной стороны, как социальной группы с ее специфическими особенностями и сложностями, а с другой, — как носителей индивидуальных черт [9]. Подобное двухуровневое восприятие соответствует двум выделенным нами группам факторов социального неравенства детей в городе — внешнему (дети как социальная группа или общность) и внутреннему (дети как индивиды).

Методами исследования являются наблюдение с фотосъемкой, нестандартизированное интервью с родителями, детские проективные методики. В ходе исследования были проинтервьюированы 15 родителей, имеющих детей раннего, дошкольного, младшего школьного и подросткового возраста. Взрослые и дети, принявшие участие в исследовании, проживают в крупных, средних и малых городах юга Дальнего Востока — Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, Комсомольске-на-Амуре, Биробиджане, Находке, Дальнегорске, Амурске. Детям дошкольного и младшего школьного возраста предлагалось нарисовать свой двор и ответить на ряд вопросов. Подростки рисовали ментальную карту города. Для выявления городских страхов, детских проблем, а также детских возможностей в городе использовалась методика незаконченных предложений.

Для решения исследовательских задач были выделены три группы объектов городского пространства: 1) разные здания (объекты социальной инфраструктуры, офисы, жилые дома и пр.); 2) общественные пространства, под которыми понимаются все территории между зданиями, за исключением территорий, находящихся в частной собственности; 3) дороги.

Внешнее неравенство детства в городе. Говоря о внешнем неравенстве детства, мы имеем в виду его зависимость от мира взрослых, уязвимость, подчиненность. *Внешнее неравенство* проявляется в неравных со взрослыми возможностях удовлетворения потребностей и интересов детства, в особенности потребностей самоутверждения и социального признания.

«Детство на обочине», с одной стороны, является следствием эйджизма (эдалтизма), подчеркивающего слабость, социальную и психофизиологическую незрелость детства, а с другой, говорит об изменении ценностных ориентаций взрослых, в крайнем своем проявлении выражающихся в сознательной бездетности. Дети определяются как «маргиналы взрослого мира» [10], «not-yet-adult» (еще-не-взрослые) [11].

В городе внешнее неравенство детства принимает формы пространственной сегрегации: выделение детских зон, количественное преобладание взрослых зон над детскими зонами, ограничение доступа детей во взрослые зоны, включение разных форм социального контроля над детьми и пр. К традиционным детским городским зонам могут быть отнесены детские и спортивные площадки и детские объекты социальной инфраструктуры (дома творчества, дошкольные учреждения и школы и пр.).

Как уже отмечалось, исследователи подчеркивают тенденцию «одомашнивания» детства, помещения детей в защищенные пространства. Зарубежные ученые (H. Matthews, M. Limb, M. Taylor) объясняют это, с одной стороны, моральной паникой взрослых по поводу опасности публичных мест для детей, а с другой — негативной реакцией взрослых на появление более старших детей в публичных местах, воспринимаемое как посягательство на гегемонию взрослых [12].

Проанализируем факторы внешнего неравенств детства в городе сначала на основе нормативных и правовых актов, далее — обращаясь к данным интервью и проективных методик.

В субъектах РФ приняты законы, ограничивающие возможность пребывания детей в потенциально опасных местах. К примеру, в Хабаровском крае принят закон «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью и развитию детей», который делит опасные для несовершеннолетних, не достигших возраста 16 лет, места на две группы: опасные всегда и опасные в ночное время. Пребывание детей в первой группе мест не допускается ни при каких условиях, поскольку в них может быть причинен вред здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию. К этой группе отнесены места реализации товаров только сексуального характера, только алкогольной продукции, пива и напитков, изготавливаемых на его основе, проведения зрелищных мероприятий эротического характера, букмекерские конторы и тотализаторы. Общественные места, где несовершеннолетние не могут находиться без сопровождения родителей, включают территории общественного доступа к сети Интернет, реализации услуг в сфере торговли и общественного питания, для развлечений и досуга, транспортные сред-

ства общего пользования, объекты транспортной инфраструктуры (вокзалы, аэропорты), улицы, стадионы, парки, набережные и пр.

Как можно заметить, данная законодательная инициатива направлена на исключение детства из взрослого пространства, его обособление. В этом случае дети воспринимаются как социально уязвимые, беззащитные индивиды, не способные противостоять манипуляциям безответственных взрослых.

С 2011 г. все российские города приступили в соответствии с государственной программой «Доступная среда» (Постановление Правительства РФ от 17 марта 2011 г. № 175) к созданию доступной среды для маломобильных групп населения: инвалидов, беременных, лиц с детскими колясками, детей дошкольного возраста. Однако в большинстве регионов РФ формирование доступной среды происходит главным образом при строительстве и вводе в эксплуатацию новых объектов. Анализ данного документа показал, что внимание разработчиков программы сосредоточено на потребностях всего одной маломобильной группы — инвалидов. Так, в программе «Доступная среда» Хабаровского края (на 2013—2015 гг.) проблема доступности транспортных услуг решается исключительно путем развития службы «Социальное такси», предназначенной для инвалидов 1 группы. Среди задач программы «Доступная среда» на 2014—2018 гг., реализуемой в г. Владивостоке, обозначены: повышение уровня доступности административных зданий и повышение уровня дорожно-транспортной доступности приоритетных объектов социальной инфраструктуры. Таким образом, городская среда пока не мыслится как среда, доступная для перемещений не только инвалидов, но и взрослых с малолетними детьми, а также самих детей. Это также свидетельствует о «невидимости» детей в городском пространстве и, соответственно, игнорировании их потребностей.

Тем не менее, в отечественной нормотворческой практике предпринимаются попытки изменения городской среды с учетом детских потребностей. К примеру, отдельные города России присоединились к инициативе международного детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) по созданию «городов, доброжелательных к детям». В качестве индикаторов «доброжелательности» предлагаются: ориентация на нужды и потребности детей; формирование муниципального бюджета в соответствии с потребностями детей; участие детей и молодежи в разработке политики и принятии решений. Однако стоит заметить, что ничтожно малая часть российских городов поддержала инициативу ЮНИСЕФ. Концепция города, доброжелательного к детям, пытается преодолеть факторы внешнего неравенства детей, вызванные их уязвимостью и социальной незрелостью. Для социально уязвимого детства городскими факторами риска являются дорожно-транспортные происшествия и асоциально-криминальные проявления. А взгляд на детей как на социально незрелых горожан приводит к тому, что их мнение или вообще не учитывается при благоустройстве города, или, в лучшем случае, выясняется посредством обращения к мнению родителей и других взрослых (воспитателей, учителей, социальных работников).

Разработчики российского форсайт-проекта «Детство 2020» к общепринятым принципам дизайна городской среды (полезность, функциональность, удобство, рентабельность, экологичность, красота) добавили новый принцип — childrenability. Данный принцип означает не только приоритетность детских пространств в городской среде, но и обеспечение полноценной жиз-

ни ребенка как в детских, так и во взрослых пространствах. Авторы резюмируют: «города, дружественные детям — это рестораны с детскими комнатами, где дети могли бы учиться готовить; это автосервисы, где дети могли бы постичь всю силу инженерной мысли, пока их родители заняты, и многое другое» [13].

Итак, городская «доброжелательность к детям» предполагает преодоление факторов внешнего неравенства, проявляющегося в количественном превосходстве взрослых зон, обособлении детей от разных форм взрослой активности. Однако ни на федеральном, ни на региональном и местном уровнях не озвучены конкретные меры, направленные на создание такой среды.

Эмпирические данные, полученные в ходе интервью, наблюдений и использования проективных методик, сигнализируют об опасностях для детства, скрытых в городской среде. Одновременно информанты-родители говорят о неготовности детей к их преодолению из-за детской рассеянности, неспособности реально оценивать угрозы и выстраивать собственное поведение в ответ на них:

Один не гуляет, везде опасно, он такой невнимательный. Случай у нас был. Мы вышли из магазина и идем к машине. Папа впереди, потом Артем, потом я. Тут машина вывернула с парковки, а Артем, оказывается, идет с закрытыми глазами… (И1).

Сейчас в силу того, что они много уделяют внимания там… компьютерам, у них какое-то рассеянное немножко внимание… вышли и потерялись. И он просто иногда там не видит, что едут… (И2).

Подобная незрелость детей заставляет родителей мыслить категориями закрытых, защищенных пространств, наполненных социально ответственными взрослыми. И наоборот, открытость пространства воспринимается взрослыми как источник внешних угроз в отношении собственных детей. Близость остановок, транспортных развязок, супер- и гипермаркетов перегружает дворы чужими людьми и машинами:

У нас проходной двор, и поэтому страшно оставлять ребенка одного… Все дворы, которые у нас есть, открыты, и поэтому любой проходящий может взять ребенка за руку и увести (И3).

Одна мама рассуждает о том, что неплохо было бы *использование каких-то устройств слежения… в общественных каких-то местах, чтобы было понятно, что не ограбят, ну и вообще что там происходит…* (И2).

Внешнее неравенство детства часто проявляется, как уже было отмечено, в причислении детей к группам социального исключения (наряду с инвалидами, стариками и пр.). В больших городах появляются childfree зоны в ресторанах, кинотеатрах и других культурно-досуговых учреждениях. Зоны без детей введут на дальних рейсах Malaysia Airlines. Пассажирам с детьми будет закрыт доступ в бизнес-класс [14].

Одна респондентка обращает внимание на полное отсутствие детских игровых зон в новых коттеджных поселках: *Я ни разу не встречала пространство для общей игры для детей…* (И2). В этом случае дети просто выпадают из поля зрения взрослых, озабоченных благоустройством и безопасностью своих жилищ.

Внешнее неравенство детства можно преодолеть или частично сгладить посредством создания комфортных смешанных зон. О необходимости детско-взрослых совместных пространств говорят многие информанты:

Должны быть созданы условия для совместного пребывания взрослых с детьми, т. е. должны быть созданы такие возможности, когда взрослые имеют возможность заниматься своими делами, а дети бы при этом находились рядом… Т. е. взрослые пришли, да, проводят время в компании своих друзей, а вот прям часть зала отведена под детскую комнату, которая огорожена, где дети могут рисовать, играть… (И4).

Смешанные детско-взрослые зоны, с одной стороны, дают возможность взрослым реализовать «мягкий» социальный контроль, а с другой, — создают вариации для совместного времяпрепровождения (рис. 1).

«Островки» детства постепенно появляются во взрослых учреждениях города — банках, организациях пенсионного фонда, социальной защиты, общественного питания и пр. (рис. 2).

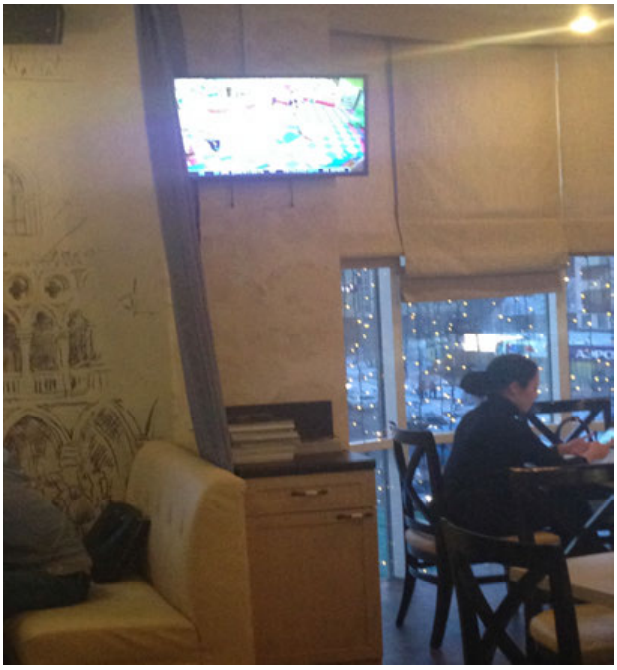


Рис. 1. *Кафе в г. Владивостоке. Взрослые могут наблюдать на экране телевизора за собственными детьми, находящимися в игровой комнате*

Отечественный исследователь Э. Наберушкина подчеркивает важность развития города для жизни людей с разным набором физических и социальных возможностей: «В таком городе есть широкие пешеходные улицы, открытые площади, пространство не отчуждено от человека, а порядок достигается в основном не усилиями полиции, а неформальным контролем самих жителей, партнерским взаимодействием» [15, с. 95]. Про важность неформального контроля со стороны общественности говорит и канадско-американская исследовательница Дж. Джекобс. Исследовательница делает

вывод о небезопасности городских парков и детских площадок, объясняя это мультиплицированием рисков по причине отсутствия постоянного внимания прохожих, способных оказать помощь в ситуациях риска [16].

Рис. 2. Детский уголок в одном из банков г. Владивостока

Для преодоления факторов внешнего неравенства детства в городской среде важно «услышать голос ребенка». Как демонстрирует наше исследование, точки зрения детей и взрослых на общественные пространства, детские площадки не всегда совпадают. Если взрослые мыслят в основном категорией «безопасности», то для детей важны самореализация, свобода, творчество, простор, необычность. Так, на вопрос о том, что ему хотелось бы видеть в собственном городе, подросток отвечает:

…Какое-нибудь недостроенное здание, оно никак не будет называться, оно будет стоять недостроенное… Еще есть такие места особые, например, для музыкантов, писателей. Эти места создают новые горизонты, ты залезаешь туда и можешь что-нибудь придумать (Лиза, 15 лет, г. Биробиджан).

Во дворе юной жительницы г. Артем (Приморский край) из традиционного детского набора развлечений присутствует только песочница, однако девочке и этого оказывается достаточно:

…Хотелось бы еще качели, горки, но и так хорошо. В стороне есть лестница, там деревья как домик, если накрыть полотенцем или еще чем-то, вообще как домик... (Даша, 9 лет, г. Артем).

Для детей важно наличие свободного пространства, маркируемого при этом как «их пространство». Детей привлекают необычные конструкции, разные «страшные» места, это хорошо описано в работе М. В. Осориной [17]. К сожалению, таких детских территорий в городах не создано, а появляющиеся арт-объекты (как, например, «Заря» во Владивостоке или «Ткачи» в Санкт-Петербурге) ориентированы на молодежь. Взрослый мир вытесняет детей из городских дворов, сужая детское пространство до маленьких «островков». В результате в современных городах детские площадки соседствуют с автомагистралями, автостоянками, свалками, торговыми точками. В реплике одного из информантов появляются «дети, снующие среди вот этих ма-

шин» (И5), а на рисунке Валеры детская площадка изображена в опасной близости к большой дороге (рис. 3).

Рис. 3. *«Мой двор». Валера, 6 лет, г. Владивосток*

Использование методики незаконченных предложений для выяснения мнения детей младшего школьного возраста подтвердило наличие множества социальных рисков в городской среде, начиная от бездомных собак, машин, нетрезвых людей и заканчивая сильной загрязненностью города, недостаточным количеством детских игровых зон, детских и спортивных площадок:

Мне бы хотелось, чтобы в моем городе было очень чисто и машины быстро не ездили (Оля, 10 лет, г. Комсомольск-на-Амуре).

На улице я иногда боюсь собак или плохих людей и что меня может сбить машина (Наташа, 11 лет, г. Комсомольск-на-Амуре).

Я бы хотела, чтобы в моем дворе были качели, горка и карусель (Аня, 9 лет, г. Комсомольск-на-Амуре).

Мне бы хотелось, чтобы в моем городе сделали парк, где бы могли кататься дети на велосипедах и на роликах (Марина, 10 лет, г. Комсомольск-на-Амуре).

Уличные детские страхи группируются вокруг двух тем — бродячих собак и людей в нетрезвом состоянии. Боязнь темноты может иллюстрировать, с одной стороны, сложности с уличным освещением, а с другой, — повышение криминальной активности в темное время суток. С меньшей частотой в описаниях детей встречается боязнь машин: «машина собьет», «боюсь машин с темными окнами», «когда машины быстро проезжают около меня».

Еще одной стороной неравенства детского и взрослого миров выступают неравные эмоциональные отношения. Детям хотелось бы, чтобы взрослые «были добрее», эмоционально отзывчивее.

Одна информантка — мама 10-летнего мальчика — сравнивает отношения взрослых и детей в России с аналогичными отношениями в Германии:

Там [в Германии] если он к любому человеку подойдет, хоть как-то что-то скажет, его никто не обидит, не накричит и ничего не сделает… у нас вот как бы отношения между людьми, они и на детях сказываются… Во-первых, дети у нас побоятся к взрослому подойти, что-то спросить, а если они спросят, совсем не факт, что те помогут и подскажут… (И6).

Взрослому миру не хватает социальной ответственности, чуткости в его отношении к детству. Причем неравнодушие необходимо проявлять как в отношении собственных, так и чужих детей.

От внешнего к внутреннему неравенству детства. В плане мероприятий Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 гг. наряду с концептом «город, доброжелательный к детям» появляется концепт «город, доброжелательный к детям, находящимся в трудной жизненной ситуации», что может уже интерпретироваться как закрепление внутреннего неравенства детства — так называемая положительная дискриминация социально уязвимых групп детей: сирот, инвалидов, находящихся в конфликте с законом. Дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации, рассматриваются как целевые группы региональной и муниципальной социальной политики.

Анализ проектов, реализуемых начиная с 2010 г. Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, совместно с Ассоциацией малых и средних городов, показал незначительный интерес к городу. Хотя в названиях конкурсов город присутствует, но он интересует организаторов исключительно как локация, в которой проживают дети: «Город без жестокости к детям» (2010 г.), «Город равных возможностей для детей» (2011 г.), «Город без сирот» (2012 г.), «Ребенок должен жить в семье!» (2013 г.), «Дети разные важны!» (2014—2015 гг.), «Город детей — город семей» (2016 г.).

Сама городская среда, ее комфортность, доступность, безопасность остаются за скобками. Даже в ситуации с детьми-инвалидами (проект «Город равных возможностей для детей») внимание обращено не столько на поддержание их мобильности в городской среде, сколько на изменение общественного сознания, интеграцию государственных учреждений с общественными организациями и др.

Критерий физической доступности объектов городской инфраструктуры и общественных пространств можно отнести к критерию, сочетающему проявления внешнего и внутреннего неравенства детства. Как признак внешнего неравенства он проявляется в неравных со взрослыми возможностях физических перемещений (по вышеозначенным причинам социальной незрелости, уязвимости и т. п.). Неравный доступ детей к учреждениям культуры, образования, отдыха, медицинского обслуживания вызван неравенством семейных и индивидуально-личностных ресурсов. Объем семейных ресурсов влияет на выбор района проживания — центрального или периферийного, престижного или непрестижного, нового или старого и т. д.

Традиционная оппозиция «центр — спальный район» вызвана неравномерным распределением культурно-досуговых и спортивных учреждения для детей:

В центр города он сам не может поехать, в центре есть и клубы, где заниматься, но это надо ребенка возить. На автобусе тоже не всегда успеешь приехать. И в школе он учится. Нужна машина, чтобы его возить в свободное свое время (И7).

Новые городские районы оказываются более комфортными для проживания семей с детьми по причинам их возведения по всем правилам создания доступной среды. К примеру, район, где находится школа № 36 (г. Комсомольск-на-Амуре) (рис. 4) относительно новый, поэтому в нем широкие дворы, новые детские площадки. Рядом со школой находится детский городок,

оборудованный всевозможными аттракционами (горками, лазалками, качелями, каруселями и пр.), а также имеющий зону с тренажерами. Дети — участники исследования указывают, что встречаются с друзьями «возле школы», «в городке». То есть школа с прилегающим к ней городком становится смысловым центром для детей разного возраста.

Рис. 4. *Детский городок около школы № 36, г. Комсомольск-на-Амуре*

Причинами внутреннего неравенства становятся разные ресурсы здоровья, физического и интеллектуального развития, а также разные семейные ресурсы, которые определяются структурой семьи, образованием родителей, их профессиональным статусом, уровнем культуры, здоровьем и пр. Наличие ресурсов открывает горожанам доступ к престижным пространствам — экологически благоприятным, с развитой социальной инфраструктурой и транспортным сообщением, относительно безопасным и т. д.

Формой закрепления внутреннего неравенства детства в городской среде становятся границы. Ян Гейл, датский архитектор и консультант по городскому дизайну, говорит о «жестких» и «мягких» границах, первые сигнализируют о высоком уровне взаимного недоверия и страха, проявляясь в виде высоких заборов, решеток, в то время как «мягкие границы пространства сигнализируют людям, что город гостеприимен» [18, с. 99]. Что касается детей в городе, то жесткие границы проявляются в виде установления входной платы за пользование общественным пространством или объектом социальной инфраструктуры. Не все респонденты-дети могут себе позволить частые посещения кинотеатров, развлекательных центров, спортивных секций, бассейнов и пр. «Жесткие» границы (заборы, замки) иногда возникают вокруг новых многоэтажек, поддерживая их изолированность, закрытость, ограничивая свободный доступ на придомовую территорию.

Восьмилетний житель г. Комсомольска-на-Амуре нарисовал детскую площадку за забором (рис. 5). В ходе беседы с мальчиком выяснилось, что эта

детская площадка была оборудована для жителей нового, недавно выстроенного элитного дома, поэтому придомовая территория отделена забором. Дети перелезают через забор, когда хотят поиграть в соседнем дворе.

Рис. 5. *«Мой двор». Дима, 8 лет, г. Комсомольск-на-Амуре*

Еще одним вариантом проявления границ в городском пространстве выступает условное деление районов на «хорошие» и «плохие» [19]. Семьи социального неблагополучия вытесняются в «плохие» локалы, например, по причине накопления больших долгов по квартплате и коммунальным платежам. Обратное движение затрудняется жесткими границами — закрытием доступа к престижным объектам социальной инфраструктуры, установлением селективного принципа допуска к социальным благам.

Внутреннее неравенство проявляется также как неравенство по индивидуальным признакам. Данные исследования свидетельствуют об одном ярко проявляющемся признаке неравенства — возрасте. Детские зоны становятся ареной борьбы детей разных возрастных групп — от дошкольников до подростков. Так, детские площадки являются традиционно пространством для малышей, но поскольку на придомовых территориях редко имеются другие детские зоны, то они привлекают и младших школьников, и подростков:

Там [во дворе] могут быть качели без спинок, а то у нас все для малышей, карусель хотелось бы… (Наташа, 10 лет, г. Артем).

Мой двор — хороший, но он весь грязный и для маленьких детей» (Света, 10 лет, Комсомольск-на-Амуре).

Младшие школьники жалуются на то, что детские площадки ориентированы на малышей, а старшеклассники могут их обидеть или «обокрасть», поэтому информанты — жители г. Комсомольска-на-Амуре — признались, что часто играют на школьном дворе после занятий. Это, вероятно, объясняется частичным контролем со стороны школьных учителей и, конечно, оборудованным пространством.

Помимо того, что для детей школьного возраста не находится своего пространства на придомовой территории, имеющиеся дворы не в состоянии удовлетворить их потребности, существенно отличающиеся от потребностей

детей дошкольного возраста. Школьники хотят испытать свои физические возможности, продемонстрировать силу и ловкость, нуждаются в необычных интересных пространствах, поэтому их привлекают заброшенные здания, стройки, кладбища, свалки.

Выводы. Преодоление факторов внутреннего и внешнего неравенства детства связано с созданием равной, доступной, комфортной и открытой городской среды. В этом смысле теория нового урбанизма открывает новый взгляд на город и помогает сблизиться пространству и человеку.

Город оказывается «дружественным» не только к детям, но и ко всем другим группам социального исключения: инвалидам, мигрантам, старикам. Его отличительными чертами являются доступность и открытость среды, направленность на развитие горожан.

Взгляд детей на город часто не совпадает с мнением взрослых. Поэтому важно вовлекать детей в проекты по городскому благоустройству, созданию новых общественных пространств (как детских, так и смешанных).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Quortrup J.* Childhood and modern society. A paradoxical relationship? // Childhood. Critical concepts in sociology / ed. Chris Jenks. Vol. 1. New York, 2005. Pp. 110—118.

2. *Якимова Е. В.* 2002.03.026. Холлоуэй С., Валентайн Дж. Пространство и детство: новые направления социальных исследований. Holloway S., Valentine G. Spatiality and the new social studies of childhood // Sociology — Cambridge, 2000. Vol. 34. № 4. P. 763—783 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. Реферативный журнал. 2002. № 3. С. 105—110.

3. *Ward C.* The child in the city. New York, 1978. 221 p.

4. *Сибирева М. Ю.* Ранняя социализация в городской среде: дис… канд. социол. наук. СПб., 2011. 205 с.

5. Nikitina-Den Besten O. N. Cars, dogs and mean people: environmental fears and dislikes of children in Berlin and Paris // Urban Trends in Berlin and Amsterdam. 2008. Pp. 116—125.

6. *Майорова-Щеглова С. Н.* Социализирующее пространство города: методика социального картографирования // Педагогическая диагностика. 2013. № 1. С. 61—75.

7. *Лысенко Г. В.* Социальные взаимодействия в пространстве современного города // Социология города. 2011. № 2. С. 45—50.

8. *Птичникова Г. А.* «Несправедливый город»: городские пространства как отражение общественных отношений // Социология города. 2012. № 3. С. 47—54.

9. Children in the City: Home, Neighbourhood and Community / eds. P. Christensen, M. O'Brien. London: Routledge, 2003. 232 p.

10. *Мехришивили Л. Л.* Проблема детства в системе российской социальной политики: дисс… д-ра социол. наук. Тюмень, 2007.

11. Childhood as a social phenomenon: Lessons from an international project // Eurosocial report. 1993. № 47. Pp. 11—18.

12. Matthews H., Limb M., Taylor M. The "Street" as Third space // Childhood. Critical concepts in sociology / ed. Chris Jenks. Vol. 1. New York, 2005. Pp. 253—269.

13. *Зеленов Л. А.* Социология города: учебное пособие. М., 2000. 192 с.

14. SAGA о городе. Трансформация общественных пространств / под ред. Л. Воронковой, О. Паченкова. СПб, 2015. 190 с.

15. *Наберушкина Э.* Инвалиды в большом городе: проблемы социального гражданства. М.: Вариант, 2012. 344 с.

16. *Джекобс Дж.* Смерть и жизнь больших американских городов: пер. с англ. М., 2011. 460 с.

17. *Осорина М. В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 2000. 288 с.

18. *Гейл Я.* Города для людей: пер. с англ. М., 2012. 276 с.

19. *Филипова А. Г.* Социальное пространство детства: принципы маркирования территорий // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 1. С. 79—94.

REFERENCES

1. Quortrup J. Childhood and modern society. A paradoxical relationship? (ed. Chris Jenks). *Childhood. Critical concepts in sociology.* Vol. 1. New York, 2005. Pp. 110—118.

2. Holloway S., Valentine G. Spatiality and the new social studies of childhood. *Sociology*, 2000, 34(4), pp. 763—783. DOI: 10.1177/S0038038500000468

3. Ward C. *The child in the city*. New York, 1978. 221 p.

4. Sibireva M. Yu. *Rannyaya sotsializatsiya v gorodskoi srede* [Early socialization in city environment. Cand. Soc. Sci. Diss.]. Saint Petersburg, 2011. 205 p.

5. Nikitina-Den Besten Olga N. Cars, Dogs and Mean People: Environmental Fears and Dislikes of Children in Berlin and Paris. (Adelhof K., Glock B., Lossau J., & Schulz M., eds.). *Urban trends in Berlin and Amsterdam*, pp. 116—125, Berliner Geographische Arbeiten, 2008. URL: http://ssrn.com/abstract=1154559

6. Maiorova-Shcheglova S. N. [Socializing city space: methodology of social mapping]. *Pedagogicheskaya diagnostika* [Pedagogical Diagnostics], 2013, no. 1, pp. 61—75.

7. Lysenko G. V. [Social interactions in space of modern town]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2011, no. 2, pp. 45—50.

8. Ptichnikova G. A. ["Unfair city": urban space as a reflection of public relations]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2012, no. 3, pp. 47—54.

9. Christensen P., O'Brien M. (eds.). Children in the City: Home, Neighbourhood and Community. London, Routledge, 2003. 232 p.

10. Mekhrishivili L. L. *Problema detstva v sisteme rossiiskoi sotsial'noi politiki* [The problem of childhood in the system of the Russian social policy. Dr. Soc. Sci. Diss.]. Tyumen, 2007.

11. Childhood as a social phenomenon: Lessons from an international project. *Eurosocial report*, 1993, no. 47, pp. 11—18.

12. Matthews H., Limb M., Taylor M. The "Street" as Third space (ed. Chris Jenks).*Childhood. Critical concepts in sociology.* Vol. 1. New York, 2005. Pp. 253—269.

13. Zelenov L. A. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], Moscow, 2000. 192 p.

14. Voronkova L., Pachenkov O. (ed.). *SAGA o gorode. Transformatsiya obshchestvennykh prostranstv* [SAGA about a city. Transformation of public spaces]. Saint Petersburg, 2015. 190 p.

15. Naberushkina E. *Invalidy v bol'shom gorode: problemy sotsial'nogo grazhdanstva* [Disabled people in a big city: problems of social citizenship]. Moscow, Variant Publ., 2012. 344 p.

16. Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities*. New York, Random House, 1961. 458 p.

17. Osorina M. V. *Sekretnyi mir detei v prostranstve mira vzroslykh* [Secret world of children in the space of the adults' world]. Saint Petersburg, 2000. 288 p.

18. Gehl Jan. Cities for people. Translated from English. Moscow, 2012. 276 p.
19. Filipova A. [Social space of childhood: principles of territory marking]. *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki* [Journal of Social Policy Studies], 2012, 10(1), pp. 79—94.

Описание полевых данных

И1: Марина, 37 лет; сын, 7 лет; г. Артем
И2: Анна, 36 лет; сын, 11 лет; г. Владивосток
И3: Надежда, 45 лет; дочь, 12 лет; г. Комсомольск-на-Амуре
И4: Анна, 39 лет; сын, 1,9 лет; г. Находка
И5: Светлана, 40 лет; сын, 16 лет, сын, 10 лет; г. Владивосток
И6: Оксана, 39 лет; сын 11 лет; г. Владивосток
И7: Вера, 34 лет; сын, 11 лет, дочь, 17 лет; г. Хабаровск

© Филипова А. Г., Ракитина Н. Э., 2016

Поступила в редакцию
в мае 2016 г.

Ссылка для цитирования: *Филипова А. Г., Ракитина Н. Э.* Дети и город: проблема воспроизводства социального неравенства // Социология города. 2016. № 2. С. 58—71.

For citation: Filipova A. G., Rakitina N. E. [Children and city: problem of reproduction of social inequality]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 2, pp. 58—71.

УДК 614.2:008

А. А. Кожевников,
В. А. Пилипенко

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗДОРОВЬЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В статье рассмотрены критерии, позволяющие в рамках функционального подхода оценить здоровье городского населения. Анализ проводился с использованием социологических методов. Установлены факторы, влияющие на социальное действие. Предложены пути решения проблем, связанных с нарушением баланса социальных интересов в сфере охраны здоровья городского населения и собственников средств производства.

Ключевые слова: социальное действие, социология медицины, городское население, здравоохранение.

A. A. Kozhevnikov
V. A. Pilipenko

FUNCTIONAL ANALYSIS OF HEALTH OF THE POPULATION

The criteria allowing to assess health of the urban population within functional approach is considered in the paper. The analysis was carried out with use of sociological methods. The factors influencing social action are established. Solutions of the problems connected with violation of balance of social interests in the sphere of health protection between urban population and owners of means of production are offered.

Key words: social action, sociology of medicine, urban population, health care.

Социологический анализ основных показателей здоровья городских жителей в рамках функционального подхода позволяет осуществить комплексную оценку. Состояние здоровья человека непосредственным образом зависит от степени его дееспособности и адаптации не только к природной, но и социальной среде. В качестве интегративного оценочного фактора здоровья определенной группы (общности) населения может рассматриваться коммуникационная составляющая социального поведения в вербальной и невербальной формах, а также в форме отдельных актов социального действия.

Социальное действие, как считал М. Вебер, соотносится по своему смыслу с поведением других субъектов и ориентировано на него независимо от того, пользу или вред приносит другим людям, знают ли другие о том, что мы совершили то или иное действие, успешно действие или нет [1]. Соответственно, самооценка индивидом состояния своего здоровья и любые формы интеракции в рамках социального института медицины могут рассматриваться как акты социального действия. Социальные действия всегда преднамеренны и включают такие элементы, как субъект и объект действия, средства (орудия действия) и методы действия, с помощью которых осуществляется необходимое изменение, а также результат действия, проявляющийся в форме ответной реакция индивида или общности, на которых оно было направлено.

Т. Парсонс, развивая теорию социального действия М. Вебера, особое внимание уделял содержанию признаков социального действия, к которым он относил нормативность, волентаричность, наличие знаковых механизмов регуляции. В сфере здравоохранения соотношение социального действия с общепринятыми нормами и ценностями определяет содержание институциональных статусно-ролевых взаимодействий. Волентаричность проявляет себя преимущественно в акте выбора индивида между вариантами стратегий поведения, ориентированных на сохранение своего здоровья и дееспособности. Знаковые механизмы регуляции проявляются посредством оценки динамики состояния здоровья, качества медицинского обслуживания, уровня защищенности гражданских прав лично-

Об авторах:

Кожевников *Андрей Александрович – кандидат социологических наук, проректор по общим вопросам, преподаватель кафедры организации здравоохранения и общественного здоровья, Новокузнецкий государственный институт усовершенствования врачей. Российская Федерация, 654005, г. Новокузнецк, пр. Строителей, 5, nvkz2004@rambler.ru*

Kozhevnikov *Andrei Aleksandrovich – Candidate of Sociology, Lecturer of Health Care and Public Health Organization Department, Novokuznetsk State Doctors' Further Training Institute. 5, Prospect Stroitelei, 654005, Novokuznetsk, Russian Federation, nvkz2004@rambler.ru*

Пилипенко *Виктор Александрович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, биоэтики и права с курсом социологии медицины, Волгоградский государственный медицинский университет (ВолгГМУ). Российская Федерация, 400131, г. Волгоград, пл. Павших Борцов, 1, pilipenko34@mail.ru*

Pilipenko *Viktor Aleksandrovich – Candidate of Philosophy, Docent, Docent of Bioethics and Law Department with a course of medicine sociology, Volgograd State Medical University. 1, Square of Fallen Soldiers, 400131, Volgograd, Russian Federation, pilipenko34@mail.ru*

сти. Тем самым структурно-функциональный подход к пониманию социального действия Т. Парсонса позволяет рассматривать как целостную смысловую систему не только внутреннюю мотивацию индивида и понимание им содержания своих собственных поступков и поступков других, но и ее связь с внешними институциональными факторами. При этом сам индивид рассматривается как составная единица групповой структуры [2, с. 292].

Однако при определении предметной области социологии медицины внимание исследователей чаще всего концентрируется на проблемах влияния социальных факторов на здоровье населения, оценки качества оказываемых медицинских услуг, на решении задач по организации медицинской помощи путем разработки научно обоснованных социологических рекомендаций по улучшению существующей системы медицинского обслуживания. Отдельный индивид, структура его потребностей, мотивация социального поведения и смысловое содержание актов социальных действий остаются слабо связанными с функциональными проблемами социальных институтов в сфере здравоохранения. Эмпирические данные социологических исследований, полученные в результате опросов, как правило, трактуются как мнение респондентов по задаваемым вопросам, без должного анализа совокупности факторов, характеризующих социальное действие. Не всегда в достаточной мере учитывается социальная мотивация, влияющая на содержание мнения респондентов, объем личного социального опыта по оцениваемой проблеме.

Одним из негативных последствий данной ситуации является снижение значимости регулирования в социальной сфере с использованием методов социологического обеспечения. С целью актуализации данной проблемы в современной социологии медицины А. В. Решетников предложил относить к предметной области медико-социологических методов исследования совокупные, систематизированные характеристики *массового поведения людей* в сфере охраны и укрепления здоровья, излечения от болезней; совокупные систематизированные характеристики *общественного сознания* (мнения, оцен-

ки, суждения, верования и т. д.) в сфере охраны здоровья; совокупные обобщенные характеристики *продуктов* (материальных и духовных) человеческой деятельности в рамках социального института медицины [3, с. 95]. В гносеологическом плане именно социологический анализ осознанной реакции на действие и осознанной мотивации к действию позволяет не только установить причины, закономерности складывающихся общественных отношений, являющихся функциональной основой социума, но и формировать способы их регулирования.

Функциональный подход к анализу здоровья индивидов, социальных групп и территориально-поселенческих общностей (поселков, городских округов, регионов) основывается на понимании в качестве общей единицы социальной структуры отношения взаимодействия [4, с. 226]. Первичной структурой отношений взаимодействия является социальное действие, содержание которого, в свою очередь, определяется мотивацией и структурой социальных потребностей.

При реализации населением своих потребностей в услугах существуют устойчивые факторы сдерживания как в форме товарно-денежных и социальных отношений, основанных на традициях, праве и деятельности различного рода организаций и социальных институтов, так и в форме степени доступности существующих ресурсов. Данная характеристика касается в полной мере и сферы здравоохранения, так как здоровье определяет возможность приобщения к труду как к источнику материального благосостояния[1]. По мере концентрации контроля над ресурсами у незначительной группы населения право на здоровье наряду с другими социальными благами становится их привилегией. Поэтому усиление степени социального неравенства приводит к тому, что зависимая часть населения вынуждена за получение определенных благ совершать требуемые действия, в том числе рискуя своими жизнями и здоровьем, в том числе в условиях воздействия техногенных и иных негативных факторов. В данной ситуации в самой системе здравоохранения на первый план выходит не решение проблем обеспечения доступной медицинской помощи всему населению, а создание условий, когда здоровье становится товаром. В связи с этим внедрение системы медико-социологического мониторинга состояния социально значимых ресурсов в сфере здравоохранения особенно актуально.

В процессе либерализации экономики следует опасаться перехода той грани, за которой частные интересы, связанные с получением прибыли от оказания медицинских услуг, подавили бы общественные, связанные с получением нуждающимися медицинской помощи независимо от их имущественного положения. Функциональный подход к оценке здоровья населения предполагает, что медицинская услуга направлена на достижение особого вида блага — здоровья человека. Результат медицинской услуги обнаруживается, как правило, по ее завершении. Он может быть также отделен от наступления предполагаемых последствий для здоровья тем или иным промежутком времени (период реконвалесценции, реабилитации). Качество оказания

[1] База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm

медицинской помощи и качество предоставления медицинской услуги — это характеристики взаимоотношений социальных субъектов в медицине, соответствующие разным этапам ее развития. Качество медицинской помощи трансформируется в качество медицинских услуг под влиянием изменения социально-экономической ситуации в обществе. Интеграция медицины в изменившуюся систему отношений социальных институтов (в данном случае — переход к рыночным отношениям) предполагает изменение отношений взаимодействующих в ней субъектов: медицинских работников и пациентов, пациентов и лечебно-профилактических учреждений (ЛПУ), медицинских работников и ЛПУ [5, с. 7].

Проблема интеграции отечественной медицины в систему рыночных отношений является особенно острой в крупных индустриальных городских поселениях, так как для собственников промышленных предприятий на первом месте стоит решение задач по выпуску продукции и увеличению объема прибыли, а уже потом — минимизация ущерба, причиняемого здоровью местных жителей выбросами и отходами от производств. При этом зависимость и уязвимость последних от существующей ситуации, связанной с нарушением их прав на получение доступа к безопасной среде обитания, к нормальным условиям быта, отдыха и труда, намного больше, чем у крупных собственников промышленных предприятий.

Возникающий разрыв между деятельностью, причиняющей ущерб здоровью населения, и конституционным правом гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ) является в настоящее время основной проблемой, от решения которой будет зависеть демографическое будущее страны. В связи с этим в настоящее время необходимо обеспечить баланс социальных интересов, чтобы производственно-экономическая сфера не препятствовала, а способствовала гражданину, в соответствии со ст. 25 Всеобщей декларации прав человека[2], формированию такого жизненного уровня, включая питание, одежду, жилище, медицинский уход и требуемое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благополучия его самого и его семьи.

В России, по заявлению, сделанному в 2015 г. Уполномоченным по правам человека в РФ Э. А. Памфиловой, число умерших от всех причин составило 1 911 413 человек, из них 458 218 ушли из жизни в трудоспособном возрасте, 164 276 человек из почти двух миллионов умерших погибли неестественной смертью от внешних причин, из них 120 761 человек — люди трудоспособного возраста. Показатели несколько лучше, чем за 2014 г., но, тем не менее, вызывают огромную тревогу. Это ничем не оправданные людские потери от неестественных причин, особенно среди мужчин трудоспособного возраста.

На эту же тенденцию указывают и результаты анализа социологических данных фонда «Общественное мнение», полученных в ходе исследования, которое было проведено по инициативе Уполномоченного. Опрос включал в себя три части, раскрывающие представления респондентов о значимости состояния прав человека, о соблюдении таких прав и об условиях благополу-

[2] Всеобщая декларация прав человека // Резолюция 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН. 10 декабря 1948 года.

чия россиян. Исследование проводилось в ноябре 2015 г. среди жителей всех регионов России, достигших 18 лет, общее количество респондентов — 60 500. В результате по проблеме доступности и качества услуг в сфере здравоохранения было установлено, что процессы оптимизации и реструктуризации системы здравоохранения не оказали значительного влияния на число жалоб граждан: если в 2014 г. они составили 6 %, то в 2015 г. — 5 % обращений от группы социальных прав. Каждое седьмое обращение касалось вопросов обязательного медицинского страхования и составило 14,2 % от числа просьб граждан о восстановлении или защите права на охрану здоровья и медицинскую помощь, гарантированного частью 1 статьи 41 Конституции Российской Федерации. За истекший период основной тематикой являлись «лечебно-профилактическая помощь населению» (44,7 %) и «психиатрическая помощь и права граждан при ее оказании» (28,4 %). Уполномоченный по правам человека обратил внимание на то, что в регионах с высоким уровнем смертности отмечается тенденция к резкому увеличению численности населения на одну больничную койку с одновременным увеличением нагрузки на одного врача. Социологическое исследование показало, что проблема обеспечения права на бесплатную медицинскую помощь имеет наибольшее значение в Чувашской Республике, Свердловской области, Хабаровском крае (88 %), Ханты-Мансийском автономном округе, Владимирской области (87 %), а наименьшее — в Приморском крае (43 %), Республике Бурятия (37 %) и Чеченской Республике (14 %) [6].

Указанный выше негативный социальный фон имеет устойчивый характер, население реагирует на существующие проблемы в объеме своих возможностей, связанных с уровнем доступа к ресурсам. Поэтому в качестве оценочных критериев здоровья населения территориально локализованных общностей следует определять интегральные показатели, характеризующие экологическое состояние в городе, состояние системы здравоохранения, демографические показатели и уровень заработной платы, на основании которых возможен анализ социальной ситуации, складывающейся на рассмотренных территориях.

Применительно к охране здоровья по значимости на верхнем уровне иерархии систем находится система жизнеобеспечения существования человека как биологического вида. Ее цель заключается в создании условий, позволяющих населению адаптироваться к окружающей среде и, тем самым, уменьшить ущерб организму от воздействия агрессивных природных и техногенных факторов. Для решения этой задачи в обществе создаются различные социальные и технические подсистемы, формирующие антропогенную среду, которая, с одной стороны, повышает комфортные условия жизнедеятельности людей, а с другой, также оказывает негативное воздействие на их здоровье, преимущественно технологическими и психосоциальными компонентами, тем самым уменьшая адаптационный потенциал организма [7, с. 69].

В данном контексте проблема комплексной оценки здоровья населения с использованием функционального подхода может быть всесторонне рассмотрена на примере крупных индустриальных городов Кемеровской области. В качестве первичного институционального фактора, влияющего на состояние здоровья населения, следует выделить функцию по охране окружающей среды, которую должны осуществлять органы государственного управления.

Анализ статистических данных показывает, что органы власти, допуская дисбаланс в финансовом обеспечении решения проблем охраны окружающей среды, фактически заведомо способствуют созданию различного рода «перекосов», которые усиливают факторы риска, негативно влияющие на здоровье граждан. Так, на охрану окружающей среды в 2014 г. в Кемерово было израсходовано 7,5 млрд руб., а в Новокузнецке — 2,1 млдр руб., несмотря на то, что в том же 2014 г. в Кемерово было зафиксировано выбросов в объеме 39,2 тыс. т, а в Новокузнецке — 276,4 тыс. т. Для сравнения[3]: в Новосибирске израсходовано 0,7 млрд руб. при уровне выбросов 102 тыс. т, в Красноярске — 3,2 млрд руб. при уровне выбросов 129,8 тыс. т.

Вторым институциональным фактором, оказывающим влияние на здоровье населения, является доступность лечебно-профилактических учреждений. Численность ЛПУ, которые имеются в Новокузнецке, значительно ниже, чем в других городах Сибири. При этом, по данным ГБУЗ «Новокузнецкий клинический онкологический диспансер», показатели заболеваемости онкологической патологией среди жителей г. Новокузнецка остаются крайне высокими — 405,1 на 100 тыс. (по ф. 35), 433,7 на 100 тыс. (по ф. 7), также сохраняется тенденция к медленному росту показателей заболеваемости: 379,2 — в 2010 г., 380,9 — в 2011, 380,5 — в 2012, 382,8 — в 2013, 405,1 — в 2014. Прирост показателя заболеваемости за 5 лет составил 6,8 %. В структуре больных ЗНО на 1 место по Новокузнецку вышел колоректальный рак — 11,94 %, 2 место — рак молочной железы, 3 место — рак легкого. Среди больных с впервые установленным диагнозом злокачественного новообразования I—II стадия выявлена у 53,6 %, III стадия у 26,9 %, IV стадия — у 19,5 %. Остается высокой запущенность (выявление III—IV стадий) при опухолях визуальной локализации. Она составляет 37,9 % при раке прямой кишки, 48,3 % при раке шейки матки, 30,2 % при раке молочной железы[4].

Третьим фактором функционального анализа здоровья населения являются обобщенные показатели общественного здоровья населения. По г. Новокузнецку такие данные были подготовлены в 2015 г. Кустовым медицинским информационно-аналитическим центром (КМИАЦ), и они свидетельствуют о том, что в городе складывается крайне неблагоприятная ситуация с заболеваемостью. В частности, отмечается очень низкая оценка обобщенного показателя заболеваемости (среднее значение — 0,78). Максимальное значение показателя 0,9 было в 2000 г., а минимальное — 0,68 в 2007 г. и 2013 г. (ниже очень низкой оценки). Медико-демографический показатель и показатель физического развития находятся на пониженном уровне — 0,86. Показатель болезненности жителей города Новокузнецка соответствует низкой оценке по лингвистической шкале [8, с. 11].

Четвертым, не менее важным фактором функционального анализа здоровья городского населения являются показатели финансовой обеспеченности населения, от которых зависит доступность многих медицинских услуг и

[3] База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm

[4] Состояние онкологической помощи в Новокузнецке в 2014 году // ГБУЗ Новокузнецкий клинический онкологический диспансер. URL: http://www.nkod.su/info/state.php

препаратов. Оценивая уровень финансового обеспечения населения рассмотренных городов, в качестве сравнительного показателя была взята среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в целом по экономике Российской Федерации в 2015 г. — 43 408 руб.[5] Установлено, что, несмотря на наличие угледобывающих, химических и металлургических предприятий в Кемерово и Новокузнецке среднемесячная заработная плата у местного населения ниже, чем в РФ и в соседних городах, на 15—25 %[6].

В совокупности вышеуказанные показатели свидетельствуют о том, что население Новокузнецка пребывает в худших условиях, чем население других сибирских городов. Выбросы вредных веществ в атмосферу в несколько раз превышают аналогичные показатели у соседей. Ниже уровень по заработной плате, количеству лечебно-профилактических учреждений. Совокупность проблемных факторов приводит к тому, что в Новокузнецке отмечается естественная убыль численности горожан, что соответственно отражается на общем коэффициенте естественного прироста, имеющем отрицательное значение.

Для установления степени информационного обеспечения населения Новокузнецка по проблемам, которые влияют на жизнедеятельность и здоровье горожан, был проведен контент-анализ за 2015 г. таких изданий, как городские электронные газеты NOVOKUZNETSK.SU, ИА «Город Новостей», а также газеты «Кузнецкий рабочий». С целью определения частоты упоминания в качестве единиц измерения были выбраны следующие термины, включающие слова, темы и сообщения: 1) здоровье, 2) здравоохранение, 3) экология, 4) уровень жизни, 5) социальная помощь, 6) медицинская помощь, 7) миграция, 8) заработная плата (табл.).

Показатели контент-анализа средств массовой информации Новокузнецка за 2015 г.

Единица измерения	NOVOKUZNETSK.SU		Город Новостей		Кузнецкий рабочий	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Здоровье	301	**44,4**	2	**6,5**	19	**24**
Здравоохранение	100	**14,7**	3	**9,7**	8	**10**
Экология	69	**10,2**	2	**6,5**	22	**27,8**
Уровень жизни	13	**1,9**	4	**12,9**	1	**1,3**
Социальная помощь	6	**0,8**	3	**9,7**	7	**8,9**
Медицинская помощь	54	**8**	5	**16,1**	2	**2,6**
Миграция	11	**1,6**	1	**3,2**	2	**2,6**
Заработная плата	124	**18,4**	11	**35,5**	18	**22,8**
Итого:	678	**100**	31	**100**	79	**100**

[5] База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm

[6] Среднемесячная начисленная номинальная и реальная заработная плата работников организаций // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages

Установлено, что в рамках вышеуказанных единиц измерения в рассмотренных изданиях наиболее часто упоминаются такие, как «здоровье», «экология» и «заработная плата», тем самым свидетельствуя об общих оценочных закономерностях, характерных для г. Новокузнецка. Это подтверждается также результатами социологического опроса, проведенного в 2015 г. выпускницей гуманитарного факультета НФИ КемГУ по направлению «Социология» Е. Кочетовой. Анкеты были структурированы по районам города, полу и возрасту. В опросе приняли участие 384 человека. На первое место в рейтинге городских проблем горожане поставили проблему загрязнения воздуха, на второе — плохое состояние дорог, на третье — рост цен, на четвертое — низкий уровень заработной платы, и пятое место заняла проблема высокой безработицы. При этом значительная часть респондентов задумывается о переезде в другой город. Так, 7 % опрошенных ответили, что обязательно переедут в другой город, 10 % всерьез задумываются об этом, но решение пока не приняли, 18,2 % горожан рассматривают переезд в другой город как один из возможных вариантов, 16,8 % ответили, что хотели бы переехать, но пока не имеют такой возможности [9].

В рамках функционального подхода к анализу здоровья населения в Новокузнецке содержание социального действия отдельного индивида (горожанина) следует рассматривать как производную от четырех институциональных факторов: состояния окружающей среды и эффективности экологической политики органов государственной и муниципальной власти, доступности медицинских учреждений, объективных показателей здоровья и заболеваемости, уровня финансовой обеспеченности и доступности медицинских услуг. При неблагоприятном сочетании перечисленных факторов осознание индивидом институциональных проблем, имеющих изначально «внешний» по отношению к нему характер, неизбежно трансформируется в мотивацию социального действия, например, в побуждение к миграции или к иным формам изменения институциональной среды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Вебер М.* Основные социологические понятия. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

2. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. 880 с.

3. *Решетников А. В.* Социология медицины: руководство. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 864 с.

4. *Парсонс Т.* О социальных системах. М.: Академический проект, 2000. 832 с.

5. *Михайлова О. Д., Седова Н. Н.* Социологический анализ культуры потребления медицинских услуг в крупном промышленном городе // Социология города. 2010. № 1. С. 3—9.

6. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год // Российская газета. Федеральный выпуск № 6929 (61) URL: http://rg.ru/2016/03/24/ombudsman-doklad-dok.html#letter/document/82952

7. *Кожевников А. А.* Особенности применения системного подхода и системного анализа в процессе формирования системы социологического обеспечения охраны здоровья коренного населения Западной Сибири // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 4. С. 68—78.

8. Среда обитания, состояния здоровья населения г. Новокузнецка в 2012—2013 гг. / под ред. Г. И. Чеченина. Новокузнецк: ГБОУ ДПО НГИУВ, 2015.

9. *Волченков В.* Качество жизни выше в Новоильинке // Кузнецкий рабочий. 17.07.2015. URL: http://www.kuzrab.ru/rubriki/obshestvo/kachestvo-zhizni-vyshe-v-novoilinke/

REFERENCES

1. Weber M. *Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya. Izbrannye proizvedeniya* [Basic sociological concepts. Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p.

2. Parsons T. *O strukture sotsial'nogo deistviya* [The structure of social action]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2000. 880 p.

3. Reshetnikov A. V. *Sotsiologiya meditsiny: rukovodstvo* [Sociology of medicine: manual]. Moscow, GEOTAR-Media Publ., 2010. 864 p.

4. Parsons T. *O sotsial'nykh sistemakh* [About social systems]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2000. 832 p.

5. Mikhailova D. O., Sedova N. N. [The sociological analysis of the culture of medical services' consumption in a large industrial city]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2010, no. 1, pp. 3—9.

6. [The Report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation over 2015]. *Rossiiskaya gazeta* [The Russian Newspaper], no. 6929 (61). URL: http://rg.ru/2016/03/24/ombudsman-doklad-dok.html#letter/document/82952

7. Kozhevnikov A. A. [Features of application of system approach and the system analysis in the course of formation of system of sociological ensuring health protection of indigenous people of Western Siberia]. [Economical and humanities researches of the regions], 2015, no. 4, pp. 68—78.

8. Chechenin G. I. (ed.). *Sreda obitaniya, sostoyaniya zdorov'ya naseleniya g. Novokuznetska v 2012—2013 gg.* [Life environment, health state of the population of Novokuznetsk in 2012—2013]. Novokuznetsk, GBOU DPO NGIUV, 2015.

9. Volchenkov V. [Quality of life is higher in Novoil'ink]. *Kuznetskii rabochii* [The Kuznetsk worker], 17 July, 2015. URL: http://www.kuzrab.ru/rubriki/obshestvo/kachestvo-zhizni-vyshe-v-novoilinke/

© Кожевников А. А., Пилипенко В. А., 2016

Поступила в редакцию
в апреле 2016 г.

Ссылка для цитирования: *Кожевников А. А., Пилипенко В. А.* Функциональный анализ здоровья городского населения // Социология города. 2016. № 2. С. 72—80.

For citation: Kozhevnikov A. A., Pilipenko V. A. [Functional analysis of health of the population]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 2, pp. 72—80.

УДК 616.98-097-022:004.738.52

О. А. Чернявская,
А. В. Басов

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПО ТЕМЕ ВИЧ/СПИД

Один из важнейших источников информации по теме ВИЧ/СПИД для городского населения – сеть Интернет. С целью оценить возможности использования интернет-ресурсов в борьбе с эпидемией ВИЧ-инфекции выполнен контент-анализ интернет-источников по методике, разработанной авторами. Полученные данные подтверждают наличие огромного количества обновляемой информации по всем разделам изучаемой темы, что свидетельствует о высокой перспективности данного СМИ как ресурса в профилактической деятельности, но требующего сортировки информации по достоверности. Обнаружены риски интернет-информации по проблеме ВИЧ/СПИД, связанные с отсутствием этической экспертизы в этой области и наличием некомпетентных сведений. Предложены методы снижения рисков формирования ошибочных установок у горожан в отношении профилактики и лечения социально опасных заболеваний.

Ключевые слова:
ВИЧ-инфекция,
СПИД,
интернет-ресурсы,
поисковые системы,
контент-анализ.

ВИЧ-инфекция — хроническое инфекционное заболевание, которое в настоящее время носит характер пандемии [1—3]. В наибольшей степени в эпидемический процесс вовлечено городское население. К примеру, в Волгоградской области, по данным Волгоградского областного центра по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями на 01.12.2014, состояло под наблюдением 10 698 ВИЧ-инфицированных. Из них жителей Волгограда было 4381, жителей Волжского — 3294, т. е. всего 7675 человек, что составило 71,7 % от общего числа инфицированных жителей области (и это не считая городов, являющихся районными центрами). Выделяют целый ряд проблем здоровья городского населения [4]. Широкое распространение социально значимых заболеваний можно отнести к их числу [5]. В ряду инфекционных болезней, имеющих особую социальную значимость, ВИЧ-инфекция в нашей стране занимает особое место, что обусловлено многими причинами, одна из которых — ухудшение ситуации по этому заболеванию в последние годы. К сожалению, у нас наблюдается увеличение и общего числа зарегистрированных ВИЧ-инфицированных граждан, и числа вновь выявленных больных[1].

Все это требует дополнительных мер по сдерживанию эпидемии ВИЧ/СПИД и предотвращению ее последствий [6]. Об этом, в частности, говорилось на очередном заседании Правительственной комиссии по вопросам охраны здоровья граждан 23 октября 2015 г. Премьер-министр Российской Федерации Д. А. Медведев дал поручение Минздраву подготовить к ноябрю 2016 г. государственную стратегию противодействия распространению ВИЧ-инфекции[2]. Важным направлением борьбы с эпидемией данного заболевания может быть повышение информированности граждан по вопросам ВИЧ-инфекции. И в этом смысле у городских жителей имеется из-

[1] Справка «ВИЧ-инфекция в Российской Федерации в 2013 г.» // URL: http://www.hivrussia.ru/doc/docs.shtml (дата обращения 21.03.16); Справка «ВИЧ-инфекция в Российской Федерации в 2014 г.» // URL: http://www.hivrussia.ru/doc/docs.shtml (дата обращения 21.03.16); Справка «ВИЧ-инфекция в Российской Федерации на 31 декабря 2015 г.» // URL: http://aids-centr.perm.ru/Статистика/ВИЧ/СПИД-в-России (дата обращения 21.03.16).

[2] Заседание Правительственной комиссии по вопросам охраны здоровья граждан 23 октября 2015 г. // URL http://government.ru/news/20196/ (дата обращения 21.03.16).

O. A. Chernyavskaya,
A. V. Basov

INTERNET RESOURCES AS A SOURCE OF INFORMATION ON HIV/AIDS FOR THE URBAN POPULATION

Internet is one of the most important sources of information on HIV/AIDS for the urban population. A content analysis of Internet sources according to the method developed by the authors was performed in order to assess the possibility of using Internet resources in the fight against the HIV epidemic. These data confirm the presence of a huge amount of updated information for all sections of the subject, which indicates a high perspective of this media as a resource in prevention activities, but is required sorting of information reliability. The authors discover risks of internet-information on HIV/AIDS, associated with the lack of ethical expertise in this area and the presence of incompetent information. The article proposes methods for reducing risk of formation of incorrect installations of the citizens regarding the prevention and treatment of socially dangerous diseases.

Key words:
HIV-infection,
AIDS,
Internet resources,
search engines,
content analysis.

вестное преимущество, т. к. в городах, особенно крупных, количество источников информации и скорость ее передачи, несомненно, выше, чем на некоторых иных территориях, где население до сих пор страдает от некачественной связи и отсутствия Интернета.

Действительно, одним из основных источников информации по теме ВИЧ/СПИД для горожан является сеть Интернет, а в возрастной группе до 17 лет это средство массовой информации занимает первое место [7]. Интернет-ресурсы в последние годы активно используются в медицинской практике [8, 9]. Каковы же возможности данного источника в области профилактической медицины, в частности в вопросах просветительской деятельности, направленной на борьбу с эпидемией ВИЧ-инфекции? Помочь ответить на этот вопрос могут социологические методы, которые все шире используются в медицинской практике, в частности для изучения различных аспектов проблемы ВИЧ/СПИД [10, с. 512—513; 11—14]. К методам сбора социологической информации, который может быть полезен для изучения перспектив использования интернет-ресурсов в просветительской деятельности по проблеме ВИЧ-инфекции, относится и контент-анализ. Данная методика позволяет изучать содержание текстовых массивов и продуктов коммуникативной корреспонденции [15]. И хотя применение ее в классическом виде для изучения такого ресурса, как Интернет, по нашему мнению, является проблематичным, мы все же решили использовать отдельные элементы контент-анализа при выполнении настоящего обзора.

Цель исследования: оценить возможности использования сети Интернет в санитарно-просветительской деятельности в крупном промышленном городе по теме ВИЧ/СПИД.

Материалы и методы. Нами был выполнен обзор интернет-ресурсов с помощью наиболее широко известных поисковых систем. В апреле 2015 г. проведена пилотная часть исследования, определен круг интересующих нас вопросов. В ноябре 2015 г. — апреле 2016 г. выполнена основная часть, в ходе работы над которой оценивалась наполняемость интернет-сайтов, частота использования той или иной терминологии, динамика объема информации за несколько месяцев

Об авторах:

Чернявская *Ольга Александровна — кандидат медицинских наук, доцент кафедры инфекционных болезней с эпидемиологией и тропической медициной, Волгоградский государственный медицинский университет (ВолгГМУ). Российская Федерация, 400131, г. Волгоград, пл. Павших Борцов, 1, chernyavolga@yandex.ru*

Chernyavskaya *Ol'ga Aleksandrovna — Candidate of Medical Science, Docent of Infective Diseases with Epidemiological and Tropical Medicine Department, Volgograd State Medical University. 1, Square of Fallen Soldiers, 400131, Volgograd, Russian Federation, chernyavolga@yandex.ru*

Басов *Александр Викторович — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, биоэтики и права с курсом социологии медицины, Волгоградский государственный медицинский университет (ВолгГМУ). Российская Федерация, 400131, г. Волгоград, пл. Павших Борцов, 1, avbasov@outlook.com*

Basov *Aleksandr Viktorovich — Candidate of Sociological Science, Docent of Bioethics and Law Department with a course of medicine sociology, Volgograd State Medical University. 1, Square of Fallen Soldiers, 400131, Volgograd, Russian Federation, avbasov@outlook.com*

и ежедневная (в течение трех дней). Применялись поисковые системы Яндекс, Google, Rambler (еще одна широко известная система mail.ru нами была исключена, т. к. в ней не отражается объем найденной информации). Поисковые запросы мы формировали по различным аспектам проблемы ВИЧ/СПИД, стараясь охватить основные и наиболее важные из них. Учитывая, что терминология в научных и обыденных сообщениях может быть поливариантна по смыслу, нами использовались различные формулировки одних и тех же понятий. В качестве единицы измерения объема информации использовалось количество ответов на запрос. Кроме того, был выполнен анализ в двух различных группах источников, выделенных по степени достоверности. К источникам, обладающим наивысшим уровнем достоверности, нами отнесены публикации из научной базы данных E.library, к источникам с сомнительной достоверностью — материалы форумов. В первой группе в качестве единиц анализа использовалось количество публикаций и число страниц текста по исследуемой теме, во второй — количество тем и число сообщений по каждой из них. Работа выполнялась на персональном компьютере Acer, операционная система Windows 7,0.

Результаты исследования. Мы установили, что в интернет-ресурсах содержится огромное количество информации по всем разделам темы ВИЧ/СПИД, доступ к которой с помощью любой поисковой системы прост и не вызывает никаких затруднений при использовании всевозможных формулировок, даже не очень корректных (табл. 1).

Вполне ожидаемо, что количество полученных ответов значительно зависело от формулировки поискового запроса. Например, в Яндексе на запрос «клиника ВИЧ-инфекции» мы получили 1 000 000 ответов, на запрос «клиническая картина ВИЧ-инфекции», что, по сути, то же самое, — 468 000. На аналогичные запросы в Google мы получили 189 000 и 110 000 ответов соответственно, в Rambler — 2 000 000 и 472 000.

Таблица 1. *Количество единиц информации (ответов на запросы) по теме ВИЧ/СПИД, полученных с помощью поисковых систем Яндекс, Google, Rambler*

Понятийное пространство	Блок слов (поисковые запросы)	Количество единиц информации (ответов на запрос в поисковой системе)*		
		Яндекс	Google	Rambler
Этиология	ВИЧ	3 000 000	13 200 000	3 000 000
	ВИЧ-инфекция	2 000 000	617 000	3 000 000
	Этиология ВИЧ	620 000	162 000	620 000
	Этиология ВИЧ-инфекции	532 000	78 000	523 000
Эпидемиология	ВИЧ-инфицированные	2 000 000	186 000	3 000 000
	Люди, живущие с ВИЧ	2 000 000	559 000	3 000 000
	Люди, живущие с ВИЧ/СПИД	1 000 000	163 000	2 000 000
	Эпидемиология ВИЧ-инфекции	639 000	98 200	640 000
	Риск заражения ВИЧ	594 000	164 000	595 000
	Пути передачи ВИЧ	899 000	153 000	935 000
	Пути передачи ВИЧ-инфекции	898 000	92 500	894 000
	Передача ВИЧ-инфекции	6 000 000	474 000	7 000 000
	Передача ВИЧ-инфекции половым путем	2 000 000	146 000	2 000 000
	Способы заражения ВИЧ-инфекцией	649 000	206 000	520 000
	Группы риска по ВИЧ-инфекции	1 000 000	234 000	2 000 000
	Уязвимые группы по ВИЧ-инфекции	606 000	54 200	609 000
Течение заболевания	Клиника ВИЧ-инфекции	1 000 000	189 000	2 000 000
	Клиника СПИДа	2 000 000	536 000	2 000 000
	Клиническая картина ВИЧ-инфекции	468 000	110 000	472 000
	СПИД	81 000 000	1 580 000	81 000 000
Диагностика	Обследование на ВИЧ	2 000 000	588 000	2 000 000
	Обследование на ВИЧ-инфекцию	1 000 000	479 000	2 000 000
	Диагностика ВИЧ	2 000 000	429 000	3 000 000
	Диагностика ВИЧ-инфекции	2 000 000	401 000	3 000 000
Медико-социальная помощь	Антиретровирусная терапия	391 000	104 000	392 000
	Лечение ВИЧ-инфекции	2 000 000	504 000	3 000 000
	Медицинская помощь при ВИЧ-инфекции	2 000 000	374 000	2 000 000
	Лечение СПИДа	2 000 000	903 000	3 000 000
	Социальная помощь при ВИЧ-инфекции	2 000 000	487 000	2 000 000
Профилактика	Защита от ВИЧ	2 000 000	645 000	3 000 000
	Профилактика ВИЧ	2 000 000	300 000	3 000 000
	Профилактика ВИЧ-инфекции	2 000 000	479 000	3 000 000
	Профилактика СПИДа	2 000 000	393 000	3 000 000
	Защита от ВИЧ при половых контактах	539 000	102 000	539 000
	Форум для ВИЧ-инфицированных	812 000	284 000	815 000
	Форум для ВИЧ-позитивных	502 000	142 000	502 000

*Данные на 29.11.2015.

Есть термины более часто употребляемые, есть менее. Например, на запрос «форум для ВИЧ-инфицированных» мы получили в 1,5—2 раза (в зависимости от поисковой системы) информации больше, чем при использовании формулировки «форум для ВИЧ-позитивных». Или частота использования термина «люди, живущие с ВИЧ» в 1,5—2—3 раза выше (Rambler — Яндекс — Google соответственно), чем «люди, живущие с ВИЧ/СПИД».

В любом случае, как бы ни был сформулирован запрос, в корректной форме или не очень, при желании пользователь Интернет может найти для себя интересующую информацию по любому аспекту проблемы ВИЧ/СПИД (ее качество — отдельный вопрос).

Таблица 2. *Сравнение количества информации по теме ВИЧ/СПИД, найденной с помощью поисковой системы Яндекс, в апреле и ноябре 2015 г.*

Понятийное пространство	Блок слов (поисковые запросы)	Количество единиц информации (ответов на запрос в поисковой системе Яндекс)*	
		Апрель 2015	Ноябрь 2015
Этиология	ВИЧ	3 000 000	3 000 000
	ВИЧ-инфекция	2 000 000	2 000 000
	Этиология ВИЧ	**609 000**	**620 000**
Эпидемиология	Эпидемиология ВИЧ-инфекции	**617 000**	**639 000**
	Пути передачи ВИЧ-инфекции	**852 000**	**898 000**
	Способы заражения ВИЧ-инфекцией	**539 000**	**649 000**
Течение заболевания	Клиника ВИЧ-инфекции	1 000 000	1 000 000
	Клиническая картина ВИЧ-инфекции	**467 000**	**468 000**
	СПИД	**24 000 000**	**81 000 000**
	Клиника СПИДа	2 000 000	2 000 000
Диагностика	Диагностика ВИЧ-инфекции	2 000 000	2 000 000
	Обследование на ВИЧ-инфекцию	2 000 000	1 000 000
Медико-социальная помощь	Лечение ВИЧ-инфекции	2 000 000	2 000 000
Профилактика	Профилактика ВИЧ-инфекции	2 000 000	2 000 000
	Профилактика СПИДа	2 000 000	2 000 000
	Защита от ВИЧ	2 000 000	2 000 000
	Защита от ВИЧ при половых контактах	**490 000**	**539 000**
	Форум для ВИЧ-инфицированных	**787 000**	**812 000**
	Форум для ВИЧ-позитивных	**405 000**	**502 000**

*Выделены ответы на поисковые запросы, в которых имелась динамика.

Мы предположили, что количество информации должно неуклонно возрастать. И действительно, сравнив количество ответов по некоторым вопросам темы ВИЧ/СПИД в Яндексе, полученное в ноябре 2015 г., с данными, полученными нами в апреле 2015, мы пришли к выводу, что количество информации действительно быстро возрастает (см. табл. 2). Особенно значительной оказалась разница ответов на запрос «СПИД» — в 4 раза.

Поскольку у нас сложилось впечатление, что поисковая система Google более «чувствительная», т. е. показывает менее усредненные цифры, чем другие (что можно видеть в табл. 1), мы решили проследить динамику количества информации по тому или иному запросу в течение нескольких дней подряд с использованием именно этой системы. Результаты приведены в табл. 3.

Анализ объема информации по тому или иному запросу дает возможность проследить имеющиеся в настоящее время лингвистические тенденции в терминологии по теме ВИЧ-инфекции. В частности, в последние годы среди специалистов чаще всего используется формулировка «люди, живущее с ВИЧ», тогда как ранее более употребимым было «ВИЧ-инфицированные». В сети Интернет (по данным Google от 30.11.2015) на запрос с первым вариантом было получено 542 000 ответов, со вторым — 197 000, что действительно подтверждает более широкое распространение некоторой «нейтральной» терминологии. Другой термин — «группы риска по ВИЧ-инфекции» — встречался, наоборот, чаще, чем нейтральное выражение «уязвимые группы по ВИЧ-инфекции» (к примеру, в Google (от 30.11.2015): 233 000 и 54 500 ответов соответственно). Но динамика даже за 3 дня показывает, что количество информации с использованием словосочетания «уязвимые группы» имело тенденцию к возрастанию, число использований термина «группы риска» уменьшилось (табл. 3).

Таблица 3. *Количество информации по теме ВИЧ/СПИД в динамике за 3 дня (28.11.2015–30.11.2015), полученное с помощью поисковой системы Google*

Понятийное пространство	Блок слов (поисковые запросы)	Количество единиц информации (ответов на запрос в поисковой системе Google)*		
		28.11.15	29.11.15	30.11.15
Этиология	ВИЧ	**13 200 000**	**13 500 000**	**13 600 000**
	ВИЧ-инфекция	**617 000**	**631 000**	**700 000**
	Этиология ВИЧ	162 000	**148 000**	**163 000**
	Этиология ВИЧ-инфекции	78 800	**78 800**	**79 100**
Эпидемиология	Эпидемиология ВИЧ-инфекции	**98 100**	**98 200**	**98 500**
	ВИЧ-инфицированные	**186 000**	**193 000**	**197 000**
	Люди, живущие с ВИЧ	559 000	**541 000**	**542 000**
	Люди, живущие с ВИЧ/СПИД	163 000	**163 000**	**166 000**
	Пути передачи ВИЧ	**153 000**	**157 000**	**160 000**
	Пути передачи ВИЧ-инфекции	**92 500**	**92 900**	**93 600**
	Передача ВИЧ-инфекции	474 000	**471 000**	**475 000**
	Передача ВИЧ-инфекции от матери ребенку	**224 000**	**225 000**	**226 000**
	Передача ВИЧ-инфекции при половых контактах	**91 100**	**91 900**	**92 300**

Окончание табл. 3

	Передача ВИЧ-инфекции при укусе комара	19 700	**19 700**	**19 800**
	Уязвимые группы по ВИЧ-инфекции	54 200	**54 200**	**54 500**
	Группы риска по ВИЧ-инфекции	234 000	233 000	233 000
	Способы заражения ВИЧ-инфекцией	**205 000**	**206 000**	**208 000**
Течение заболевания	Клиника ВИЧ-инфекции	189 000	188 000	188 000
	Клиническая картина ВИЧ-инфекции	**110 000**	**111 000**	111 000
	Клиника СПИДа	536 000	531 000	514 000
	СПИД	1 580 000	**1 570 000**	**158 000**
Диагностика	Диагностика ВИЧ-инфекции	**401 000**	**406 000**	**408 000**
	Диагностика ВИЧ	**427 000**	**429 000**	**443 000**
	Обследование на ВИЧ	**579 000**	**588 000**	**624 000**
	Обследование на ВИЧ-инфекцию	**478 000**	**479 000**	**482 000**
Медико-социальная помощь	Лечение ВИЧ-инфекции	**504 000**	**596 000**	**599 000**
	Лечение СПИДа	**897 000**	**903 000**	**941 000**
	Медицинская помощь при ВИЧ-инфекции	**371 000**	**374 000**	**412 000**
	Социальная помощь при ВИЧ-инфекции	487 000	**487 000**	**488 000**
	Антиретровирусная терапия	**102 000**	**104 000**	**201 000**
Профилактика	Профилактика СПИДа	393 000	**393 000**	**394 000**
	Защита от ВИЧ	**645 000**	**561 000**	**651 000**
	Форум для ВИЧ-инфицированных	284 000	281 000	276 000
	Форум для ВИЧ-позитивных	**142 000**	**148 000**	**150 000**
	Профилактика ВИЧ	**293 000**	**300 000**	**388 000**

*Выделены ответы на поисковые запросы, в которых имелась положительная динамика.

Как видим, объем информации, так или иначе затрагивающей тему ВИЧ/СПИД, в интернет-ресурсах огромный, но ее качество и достоверность в большинстве случаев вызывают сомнения, ведь в Сеть может быть выложено что угодно и кем угодно. При проведении анализа мы сознательно не учитывали степень научности сообщений, профессионализм авторов, пытаясь рассмотреть ситуацию с позиции обычного человека, не обладающего специальными знаниями, пожелавшего выяснить что-либо по данной тематике. Именно поэтому нами использовались разные трактовки понятий, чего в контент-анализе делать, вообще-то, нельзя. Но применение классической методики контент-анализа при изучении интернет-ресурсов весьма проблематично, ведь даже терминология в научных и обыденных сообщениях поливариантна по смыслу, что может повлиять на достоверность полученных результатов.

Чтобы получить более точные данные, мы применили кластерный подход, разделив источники по степени их достоверности на группы. В первую

группу, обладающую наивысшим уровнем достоверности, мы включили публикации из научной базы данных E.library (на 24.04.2016 она содержала 22 609 596 источников). Было сформировано несколько вариантов запросов (в поисковой системе Яндекс), получены следующие ответы (указано количество публикаций, найденных в ответ на запрос, в абсолютных цифрах): «ВИЧ» — 8103, «ВИЧ-инфекция» — 5134, «СПИД» — 2344. Поскольку одно и то же понятие может обозначаться разными терминами, мы задали поисковые запросы с учетом этого (для выявления наиболее часто употребляемых), в частности: «ВИЧ-инфицированные» — 2234 источников, «люди, живущие с ВИЧ» — 76, «люди, живущие с ВИЧ/СПИД» — 32; «антиретровирусная терапия» — 340, «АРВТ» — 142, «ВААРТ» — 202. Для дальнейшего анализа мы выбрали наиболее распространенные формулировки, относящиеся к изучаемой тематике: «ВИЧ», «ВИЧ-инфекция», «СПИД», «ВИЧ-инфицированные», «антиретровирусная терапия» и решили определить объем контента, содержащего эти термины, в наиболее авторитетных журналах (рецензируемых ВАК), освещающих вопросы инфекционной патологии и эпидемиологии. Из анализа мы исключили журнал «ВИЧ-инфекция и иммуносупрессии», поскольку он является узкоспециализированным и заведомо подавляющее число публикаций в нем касается темы ВИЧ/СПИД. Мы рассмотрели содержание 4 журналов: «Инфекционные болезни» (ООО «Издательство «“Династия”»), «Инфекционные болезни: новости, мнения, обучение» (Общество с ограниченной ответственностью «Издательская группа «“ГЭОТАР-Медиа”»), «Эпидемиология и инфекционные болезни» (Издательство «Медицина»), «Эпидемиология и инфекционные болезни. Актуальные вопросы» (Издательство «Бионика Медиа»). В выпусках журнала «Инфекционные болезни» (импакт-фактор РИНЦ 2013 г. — 0,549), с 2002 по 2016 гг. всего имеется 1040 публикаций, из них 76 содержат информацию, включающую указанные выше термины, что составляет 7,3 % от общего количества. Объем информации, посвященной изучаемой тематике, составил 368 страниц текста. В журнале «Инфекционные болезни: новости, мнения, обучение» (импакт-фактор РИНЦ 2013 г. отсутствует) с 2012 по 2016 гг. опубликовано 216 статей, из них по теме ВИЧ/СПИД — 6 (2,8 %), объем контента, включающего термины, относящиеся к изучаемой проблеме, — 34 страницы. В журнале «Эпидемиология и инфекционные болезни» (импакт-фактор РИНЦ 2013 г. — 0,530) с 1999 по 2016 г. из 1314 опубликованных статей 126 (9,6 %) посвящены тем или иным аспектам проблемы ВИЧ-инфекции, общий объем информации, отслеживаемой нами, составил 524 страницы печатного текста. Больше всего информации по теме нами было найдено в журнале «Эпидемиология и инфекционные болезни. Актуальные вопросы» (импакт-фактор РИНЦ 2013 г. — 0,280): из 450 публикаций (с 2011 по 2016 гг.) по изучаемой теме найдено 62 (13,8 % от общего количества), объем содержимого которых составил 393 страницы.

Во вторую группу источников, обладающих, по нашему мнению, сомнительной достоверностью, включили различные форумы (для разнообразных целевых аудиторий) и подсчитали количество публикаций по теме. Результаты представлены в табл. 4.

Как видим, на рассмотренных нами форумах к теме ВИЧ/СПИД обращались не так уж часто. Тем не менее, даже в таком небольшом количестве пуб-

ликаций встречались сообщения «СПИД-диссидентского» характера, например, одно из них (якобы от имени специалиста-медика с тридцатилетним стажем): «…Борьба со СПИДом — это пример типичного грандиозного надувательства, которое процветает в современном мире...», «…Появилось много научных работ, экспериментально и клинически опровергающих вирусную теорию происхождения СПИДа (перечисляются фамилии — *прим. автора статьи*)… Таких ученых в мире более шести тысяч. Это известные и знающие специалисты, включая Нобелевских лауреатов...» и т. п. Такие сообщения позволяют сделать вывод, что достоверность информации в подобных источниках зачастую весьма сомнительна.

Таблица 4. *Частота встречаемости сообщений по теме ВИЧ/СПИД на форумах*

Название и интернет-адрес форума	Количество публикаций (абсолютное число)
«Национальный медицинский форум» (http://doctorsforum.ru/)	35
«Woman.ru» (http://www.woman.ru/forum/?sort=all)	92
«Мужской клуб» (http://www.men-s-club.ru/search.php)	0
«Men-forum» (http://men-forum.net/)	0
«Точек нет» (http://tochek.net/index.php?showforum=97)	0
«Волгоградский форум» (http://www.forum-volgograd.ru/)	0
«ALL-FORUM» (http://all-forum.ru/search.php?searchid=288058)	2
«ForuMu.ru» (http://www.forumy.ru/search.php?do=process)	0
«Трынделка» (http://trindelka.net/forum/obschenie-na-raznie-temi/)	1
«Большой форум интернета» (http://www.forum-m.ru/index.php)	0

Низкий процент обращаемости к теме ВИЧ/СПИД на рассмотренных нами форумах может быть связан с тем, что при необходимости получить ответы на вопросы по указанной тематике пользователи обращаются на специализированные форумы. Мы рассмотрели и их. На поисковый запрос «Форум о ВИЧ-инфекции» в Яндексе первым в списке откликов оказался сайт «Антиретровирусная терапия online» (http://arvt.ru/forum/misc/common-hiv-qna). Зайдя на него, мы обнаружили «Форум для всех» — раздел для широкой аудитории, в котором на вопросы отвечают специалисты, и «Форум для специалистов». Первый раздел содержал 11 подразделов, включавших множество тем и сообщений на них (табл. 5). Форум для специалистов включал 2 подраздела: «Антиретровирусная терапия» (тем — 22, сообщений — 1029, среднее количество сообщений на тему — 46,8) и «Оппортунистические инфекции» (тем — 18, сообщений — 485, среднее количество сообщений на тему — 26,9). Самые обсуждаемые темы относились к подразделу «Диагностика», «ВИЧ и гепатит». Сайт достаточно четко структурирован, поиск ответов на вопросы не сложен, и что самое важное, на наш взгляд, ответы дают компетентные люди, специалисты. Однако более интенсивное обсуждение различных тем отмечено нами на специализированных форумах, где дискуссия проходит по принципу «равный — равному», т. е. ее участниками явля-

ются неспециалисты. Например, на «Современном форуме о ВИЧ» (http://forum.u-hiv.ru/), согласно статистике сайта, создано 4685 тем, в которые добавлено 323 277 ответов (среднее количество сообщений на тему — 69), зарегистрировано 17 080 участников. Здесь также отмечено достаточно четкое структурирование, простой поиск, среди прочих разделов есть «Другой взгляд», куда отнесены альтернативные мнения, что, как нам кажется, важно. Самой популярной оказалась тема: «Здравствуйте! Принимайте пополнение...» (8654 ответа). Это неудивительно, ведь именно в период после первичной постановки диагноза, когда человек еще не адаптировался к изменению своего ВИЧ-статуса, у него возникает наибольшее количество вопросов, он максимально нуждается в психологической поддержке, которую ищет, в том числе, в сети Интернет. Основное отличие данного форума от предыдущего в том, что ответы на вопросы дают не специалисты, а люди, затронутые эпидемией ВИЧ/СПИД. Как и на сайте, например, «Bulletin» (http://hivlife.info/forum.php), где включено 4780 тем, касающихся различных аспектов проблемы ВИЧ/СПИД, сообщений — 307 431 (среднее количество сообщений на тему 64,3).

Большая популярность подобных форумов может быть объяснена тем, что люди охотнее идут на контакт с теми, кто сам был на их месте, нежели со специалистами, несмотря на возможную сомнительность полученных при этом советов. В свою очередь, те, кто был в сложной ситуации и справился с ней, охотно откликаются и пытаются поделиться опытом. Это можно использовать при планировании информационных кампаний.

Таблица 5. *Соотношение количества тем и сообщений по различным вопросам ВИЧ/СПИД на страницах «Форума для всех»*

	Тем (абсолютное число)	Сообщений (абсолютное число)	Среднее количество сообщений на тему
Общие вопросы ВИЧ-инфекции	175	6406	36,6
Диагностика ВИЧ/СПИД	105	19135	182,2
Вопросы терапии	331	12209	36,9
Побочные эффекты	135	4017	29,8
Репродуктивные технологии, зачатие, беременность и ВИЧ-инфекция	69	2788	40,4
ВИЧ-инфекция и дети	41	1058	25,8
ВИЧ и туберкулез	44	823	18,7
ВИЧ и гепатит	65	9266	142,6
Вопрос врачу	362	9927	27,4
Правовые и организационные вопросы	81	1491	18,4
ВИЧ-диссидентство	12	626	52,2
Всего	1420	67746	47,7

Заключение. На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что количество информации по различным аспектам проблемы ВИЧ/СПИД в интернет-ресурсах огромное, и оно возрастает ежедневно. Используя различные поисковые системы, можно получить ответ на любой во-

прос по теме ВИЧ-инфекции, синдрома приобретенного иммунодефицита, для этого можно использовать различные формулировки, более или менее употребимые. Анализ динамики объема информации по тому или иному запросу позволяет оценить и проанализировать современные лингвистические тенденции, знание которых можно использовать при планировании кампаний по повышению информированности населения.

В то же время как раз обилие и бессистемность источников затрудняют адекватную интерпретацию имеющейся информации. Использование различных критериев для контент-анализа в такой ситуации может дать несовпадающие результаты. Наиболее проблемным является контент ненаучных сообщений, обсуждений на различных форумах «по интересам», информация малокомпетентных в проблеме людей, именующих себя целителями, либо тех, кто пользовался их услугами. Фактически никакой этической экспертизы материалов, размещенных на этих форумах, не проводится, поэтому существует риск формирования ложных установок у их пользователей.

Более того, сама терминология в научных и обыденных сообщениях поливариантна по смыслу, что не позволяет применять классическую методику контент-анализа. Для получения достоверных результатов необходимо применять кластерный подход, дифференцируя сообщения по степени научности и уровню медицинской доказательности, а затем уже проводить контент-анализ выделенных групп источников отдельно.

Выполненный обзор дает представление о широких возможностях интернет-ресурсов как источника информации для просветительской деятельности среди городского населения по вопросам ВИЧ/СПИД, но его использование сопряжено с проблемой достоверности содержащихся в нем сведений. Одним из способов решения указанной проблемы может быть регулярный мониторинг наиболее популярных ресурсов и, возможно, их модерация волонтерами из числа специалистов. Все вышесказанное необходимо учитывать при планировании профилактической деятельности, в частности при создании программ, подразумевающих привлечение средств массовой информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ВИЧ-инфекция и СПИД. Национальное руководство / под ред. В. В. Покровского. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2013. 608 с.

2. Attitudes and acceptability on HIV self-testing among key populations: a literature review / C. Figueroa, Ch. Johnson, A. Verster, R. Baggaley // AIDS and Behavior. 2015, Vol. 19. Iss. 11. Pp. 1949—1965. DOI 10.1007/s10461-015-1097-8

3. Избранные лекции по ВИЧ-инфекции: в 2-х частях / под ред. В. В. Покровского. Ч. 2. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2016. 328 с.

4. *Петров В. И., Седова Н. Н.* Социологические проблемы здоровья городского населения // Социология города. 2008. № 1. С. 5—11.

5. *Приз Е. В., Сильницкая Е. Н.* Социологический анализ профилактики социально опасных болезней в малых городах и крупном промышленном центре // Социология города. 2010. № 4. С. 37—41.

6. *Покровский В. В.* Стратегия выжидания // Эпидемиология и инфекционные болезни. Актуальные вопросы. 2015. № 1. С. 4—9.

7. *Чернявская О. А., Иоанниди Е. А.* Роль различных источников информации в осведомлении населения Волгоградской области по Вопросам ВИЧ/СПИД // Вестник Уральской медицинской академической науки. 2015. № 4 (55). С. 29—32.

8. *Говердовская Е. В., Каурова А. Н., Климова А. В.* Интернет-ресурсы как средство продвижения лекарственных средств // Биоэтика. 2015. № 2. С. 37—40.

9. *Кайгородова Т. В., Зимина Е. И., Иванов А. В.* Использование Интернет-ресурсов Всемирной организации здравоохранения российскими специалистами // Здравоохранение Российской Федерации. 2009. № 1. С. 23—25.

10. *Решетников А. В., Богачанская Н. Н., Павлов С. В.* Актуальность использования социологических методов при изучении проблем ВИЧ/СПИДа в России // Глобальная социальная турбулентность и Россия : сб. тезисов Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения-2011» / под ред. В. И. Добренькова. М.: Университетская книга, 2011. 732 с.

11. *Деларю В. В.* Социологические методы исследования в медицине. Волгоград: ВолгГАСА, 2002. 68 с.

12. Reshetnikov A. V. *Metodologiya issledovanii v sotsiologii meditsiny, rukovodstvo* [Research methodology in sociology of medicine, manual]. Moscow, 2000. 238 p.

13. *Навроцкий Б. А., Деларю В. В.* Проблемы биоэтики в социологических исследованиях городской тематики // Биоэтика. 2014. № 1. С. 31—34.

14. Теория и практика применения качественных методов социологии в медицине / Н. Н. Седова, Б. А. Навроцкий, М. Е. Волчанский, М. Д. Ковалева, Т. К. Фомина, В. М. Чижова, Д. А. Шипунов // Медицинский Вестник Северного Кавказа. 2015. Т. 10. № 3. DOI – http://dx.doi.org/10.14300/mnnc.2015.10078

15. *Аверьянов Л. Я.* Методика контент-анализа // Вестник Московского государственного университета приборостроения и информатики. Серия: Социально-экономические науки. 2010. № 26. С. 3—18.

REFERENCES

1. Pokrovskii V. V. (ed.). *VICh-infektsiya i SPID. Natsional'noe rukovodstvo* [HIV infection and AIDS. National management]. Moscow, GEOTAR-Media Publ., 2013. 608 p.

2. Figueroa C., Johnson Ch., Verster A., Baggaley R. Attitudes and acceptability on HIV self-testing among key populations: a literature review. *AIDS and Behavior*, 2015, 19 (11), pp. 1949—1965. DOI 10.1007/s10461-015-1097-8

3. Pokrovskii V. V. (ed.). *Izbrannye lektsii po VICh-infektsii: v 2-kh chastyakh* [Selected lectures on HIV infection: in 2 parts]. P. 2. Moscow, GEOTAR-Media Publ., 2016. 328 p.

4. Petrov V. I., Sedova N. N. [Sociological problems of urban population health]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2008, no. 1, pp. 5—11.

5. Priz E. V., Silnitskaya E. N. [Sociological analysis of prevention public health hazard in little towns and large industrial center]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2010, no. 4, pp. 37—41.

6. Pokrovskii V. V. [Wait-it-out strategy]. *Epidemiologiya i infektsionnye bolezni. Aktual'nye voprosy* [Epidemiology and Infectious Diseases. Current Items], 2015, no. 1, pp. 4—9.

7. Chernyavskaya O. A., Ioannidi E. A. [The role of various sources of information in creating HIV-infection awareness among people living in the Volgograd Region]. *Vestnik Ural'skoi meditsinskoi akademicheskoi nauki* [The Herald of Ural Medical Academic Science], 2015, no. 4 (55), pp. 29—32.

8. Goverdovskaya E. V., Kaurova A. N., Klimova A. V. [Internet as a marketing tool to promote medicines]. *Bioetika* [Bioethics], 2015, no. 2, pp. 37—40.

9. Kaigorodova T. V., Zimina Ye. I., Ivanov A. V. [Use of Internet resources of the World Health Organization by Russian specialists]. *Zdravookhranenie Rossiiskoi Federatsii* [Health Care of the Russian Federation], 2009, no. 1, pp. 23—25.

10. Reshetnikov A. V., Bogachanskaya N. N., Pavlov S. V. [Relevance of use of sociological methods when studying HIV/AIDS problems in Russia]. *Global'naya sotsial'naya turbulentnost' i Rossiya : sb. tezisov Mezhdunar. nauch. konf. «Sorokinskie chteniya-2011»*. V. I. Dobren'kov (ed.). [Global social turbulence and Russia. Proc. of the Int. sc. conf. "Sorochinskie Chteniya-2011"]. Moscow, Universitetskaya Kniga Publ., 2011. 732 p.

11. Delarue V. V. *Sotsiologicheskie metody issledovaniya v meditsine* [Sociological research methods in medicine]. Volgograd, VSAACE Publ., 2002. 68 p.

12. *Решетников А. В.* Методология исследований в социологии медицины, руководство. М., 2000. 238 с.

13. Navrotsky B. A., Delarue V. V. [Problems of bioethics in sociology city themes]. *Bioetika* [Bioethics], 2014, no. 1, pp. 31—34.

14. Sedova N. N., Navrotsky B. A., Volchansky M. E., Kovaleva M. D., Fomina T. K., Chizhova V. M., Shipunov D. A. [Theory and practice of application of qualitative sociological methods in medicine]. *Meditsinskii Vestnik Severnogo Kavkaza* [Medical news of the North Caucasus], 2015, 10(3). DOI – http://dx.doi.org/10.14300/mnnc.2015.10078

15. Aver'yanov L. Ya. [Content analysis methodology]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta priborostroeniya i informatiki. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [The Herald of Moscow State University of Instrument Engineering and Informatics. Series: Social and economic sciences], 2010, no. 26, pp. 3—18.

© Чернявская О. А., Басов А. В., 2016

Поступила в редакцию
в апреле 2016 г.

Ссылка для цитирования: *Чернявская О. А., Басов А. В.* Интернет-ресурсы как источник информации городского населения по теме ВИЧ/СПИД // Социология города. 2016. № 2. С. 81—93.

For citation: Chernyavskaya O. A., Basov A. V. [Internet resources as a source of information on HIV/AIDS for the urban population]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 2, pp. 81—93.

УДК 613.71-616-055.2:316

Е. И. Губанова,
Н. В. Севастьянова,
Т. А. Глухова

ПАРАДИГМА ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Современный канон красоты подразумевает пластичность человеческого тела, возможность изменения его по воле человека с помощью питания и физических упражнений. Жесткие условия конкуренции заставляют современную городскую женщину соответствовать множеству критериев. Объектом ее самоконтроля стало тело и его количественные параметры.

Цель исследования – определение лояльности женщин, желающих контролировать свой вес, к физкультуре и спорту, а также выявление детерминирующих факторов, ограничивающих двигательную активность и борьбу с гиподинамией.

Проведено анонимное анкетирование 560 женщин с избыточной массой тела и ожирением. 218 городских женщин опросили на предмет лояльности к физической активности. Интервьюирование 18 менеджеров отделов продаж или администраторов спортивных клубов выявило стоимость посещения занятий.

Проведенное исследование выявило высокий интерес к проблемам контроля веса среди городских женщин разного возраста.

Обладательницами избыточной массы тела оказались 24,29 % из числа опрошенных лиц. Из нах 35,4 % имели ожирение I степени; 34,3 % – ожирение II степени и 6,1 % – ожирение III степени. По субъективной оценке респонденток низкая двигательная активность отмечалась у 23,2 % женщин, ниже среднего – у 13,2 %, средняя – у 47,9 %, выше среднего – у 12,5 %, высокая – у 3,2 %. Объективизация уровня двигательной активности – главное условие снижения веса у женщин с избыточной массой тела. Причины низкой физической активности у женщин при ожирении: дефицит времени (49,5 %) и финансовых ресурсов (45,9 %), лень (20,2 %), отсутствие интереса к спорту (22,9 %) и приверженность пассивному отдыху (49,5 %). Все это ограничивающие факторы самосохранительного поведения.

Введение. С конца XX в. ряд зарубежных и отечественных авторов (R. Crawford, S. Nettleton, S.E.H. Moore, О. Н. Яницкий и др. [1]) указывают на формирование в развитых странах подхода к заботе о здоровье, который получил название «новое понимание здоровья» (new health consciousness) и «новая парадигма здоровья». Суть новой парадигмы заключается в следующем:

- человек несет полную ответственность за состояние своего здоровья;
- здоровье перестает быть атрибутом или характеристикой жизни, оно становится целью и результатом личного выбора;
- внешний вид тела и образ жизни человека влияют на оценку его личных и профессиональных качеств;
- статус «здоровый человек» обеспечивает только здоровое тело;
- вовлеченность человека в сберегающие здоровье практики имеет моральную оценку, крайняя степень морализации здоровья обозначена термином хелсизм (healthism);
- обрести здоровье человек может лишь в результате целенаправленной профилактической деятельности.

Однако замечено, что формирование «новой парадигмы здоровья», несмотря на пропаганду здорового тела и здоровьесберегающей деятельности, не способствует воспитанию толерантного отношения к окружающим, ориентируя на внешнюю красоту, стройность и подтянутость тела. В эпоху всеобщего потребления и сложившейся демографической ситуации в стране и мире данная проблема становится особенно актуальной для городских женщин. Необходимость городской женщины конкурировать во многих сферах жизни привела к тому, что объектом пристального самоконтроля в современном мире стало тело и его количественные параметры. Новейшие ритуалы заботы о себе стали высокотехнологичными. К традиционной диетологической поддержке и воздержанности в питании добавились физические упражнения (фитнес, бодибилдинг и пр.), возможности фармакологии и косметической хирургии. Таким образом, новая концепция диктует достаточно жесткие условия современной городской жен-

В программе снижения веса для женщин, желающих контролировать свой вес, необходимо разработать учебно-мотивационные рекомендации и популяризировать малобюджетные способы физической активности.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, самосохранительное поведение, физическая активность, гиподинамия, двигательная активность, избыточная масса тела, ожирение, программа снижения веса, городские женщины.

E. I. Gubanova,
N. V. Sevast'yanova,
T. A. Glukhova

EVALUATION OF PHYSICAL ACTIVITY-RELATED CONCEPTS OF MODERN URBAN WOMEN

Introduction. Modern body ideal emphasizes plasticity of human body, the ability of your body to change through diet and exercises. To survive in a competitive environment, women residing in a city must meet the standards of urban life. Thus, an urban woman appears to feel preoccupied with body weight control.

The aim of the article is to determine the level of commitment of an urban woman who feels preoccupied with her body weight control to exercising and to identify the factors affecting levels of physical activity and hypodynamia.

Materials and methods. We conducted anonymous interviews with 560 overweight and 218 obese women residing in cities. The respondents were asked about their commitment to physical activity. We also interviewed 18 fitness administrators to find out the cost of a gym membership.

Results. The study showed a great interest of urban women of different ages in body weight control. 24.29% of the respondents were found to be overweight. 35.4% were found to have class I obesity, 34.3% – class II obesity, and 6.1% – class III obesity. 23.2% of the respondents reported low levels of physical activity, 13.2% – below-average levels of physical activity, 47.9% – average levels, 12.5% – above-average levels, 3.2% – high levels of physical activity. Objectively measured levels of

щине, заставляя соответствовать множеству критериев.

Систематическая физическая активность является базовым компонентом здорового образа жизни женщины (ЗОЖ), способствуя личностному развитию, повышению продуктивной деятельности и улучшению социального самочувствия. Посредством телесной активности городская женщина проявляет свою принадлежность к определенному социальному классу со свойственными ему ценностями и, что не менее важно, вступает во взаимодействие с различными аспектами социального окружения и изменяет их. Образ успешной женщины неизбежно включает в себя «успешное» (т. е. соответствующее определенным социальным канонам) тело, поскольку личность всегда презентирует себя в телесных активностях и телесном облике.

Более того, современный канон красоты подразумевает пластичность человеческого тела, возможность изменить его по воле человека, в том числе и с помощью питания и физических упражнений.

В развитии избыточной массы тела и ожирения играют роль различные факторы, однако основными причинами роста их распространенности считают, прежде всего, неадекватное питание и снижение физической активности. Дисбаланс потребления энергии и ее расхода часто служит причиной возникновения ожирения. Самосохранительное поведение и здоровый образ жизни предупреждают возникновение как ожирения, так и осложнений социально значимой патологии.

Физическая культура и спорт в XXI в. — это мощные социальные феномены, которые способны формировать и преобразовывать как социальную реальность, так и личность. Невозможно переоценить роль физической активности, профилактики гиподинамии как средств развития человека, формирования социально-активной личности, повышения умственной работоспособности, приобщения к здоровому образу жизни. Повышение интереса масс к занятиям спортом, доступность атрибутов здорового образа жизни имеют особое значение.

Занятия физической культурой устраняют факторы риска развития многих хронических

physical activity underlie successful weight loss outcomes in urban women with excessive weight. The main causes of low levels of physical activity of obese women are lack of free time (49.5%) and money (49.5%). Laziness (20.2%), lack of interest in sports (22.9%) and commitment to passive recreation are limiting factors of health promotion.

Conclusion. It is necessary to develop a number of weight loss educational and motivational guidelines to promote low-cost physical activity programs.

Key words:
healthy lifestyle,
self-protective behavior,
physical activity,
hypodynamia,
excessive weight,
obesity,
weight loss program,
urban women.

Об авторах:

Губанова *Екатерина Ивановна – доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры патофизиологии, клинической патофизиологии, Волгоградский государственный медицинский университет (ВолгГМУ). Российская Федерация, 400131, г. Волгоград, пл. Павших Борцов, 1, ElGubanova@yandex.ru*

Gubanova *Ekaterina Ivanovna – Doctor of Medical Sciences, Professor, Professor of Pathophysiology, Clinical Pathophysiology Department, Volgograd State Medical University. 1, Square of Fallen Soldiers, 400131, Volgograd, Russian Federation, ElGubanova@yandex.ru*

Севастьянова *Наталья Владимировна – врач-эндокринолог, диетолог, Клиническая поликлиника № 3. Российская Федерация, 400131, г. Волгоград, ул. Комсомольская, 10Б, superdietolog@inbox.ru*

Sevast'yanova *Natal'ya Vladimirovna – Endocrinologist, Nutrition Specialist, Clinical Health Center #3. 10B, Komsomol'skaya St., 4000131, Volgograd, Russian Federation, 400131, superdietolog@inbox.ru*

заболеваний; спорт способствует отказу от вредных привычек ввиду их несовместимости со здоровым образом жизни. Кроме того, спорт и профилактика гиподинамии являются естественной формой реализации психического напряжения, что немаловажно для городской женщины XXI в. Снижение объема физической активности — закономерное следствие урбанизации и автоматизации процессов труда. Низкая физическая активность (ФА) и нерациональное питание — ведущие причины основных неинфекционных болезней, включая сердечно-сосудистые заболевания (ССЗ), сахарный диабет 2-го типа и некоторые типы рака. Научные исследования показали, что 15—20 % риска развития ишемической болезни сердца, сахарного диабета 2-го типа, рака толстого кишечника и молочной железы, а также переломов шейки бедра у пожилых людей связаны с низкой ФА. Доказано, что умеренная физическая активность в течение 150 минут (2 часа 30 минут) в неделю на 15—20 % снижает риск преждевременной смерти, риск развития ишемической болезни сердца и инсульта, а также риск развития артериальной гипертонии, сахарного диабета 2-го типа и депрессии. Занятия же от 150 до 300 минут (от 2,5 до 5 часов) приносят дополнительную пользу здоровью [2].

По данным литературы, наиболее часто избыточный вес появляется в возрасте 30—35 лет, что совпадает с периодом возрастной перестройки организма, изменением двигательного и пищевого стереотипа. Женщины страдают избыточной массой и ожирением в 2 раза чаще, чем мужчины, что частично объясняется конституциональными факторами [3].

Цель исследования. Определение лояльности женщин, желающих контролировать свой вес, к физкультуре и спорту, а также выявление детерминирующих факторов, ограничивающих двигательную активность и борьбу с гиподинамией.

Материалы и методы. Проведено анонимное анкетирование 560 женщин с избыточной массой тела и ожирением, которые выразили свое намерение снизить вес [4, 5].

Критерии включения:

1) женский пол;

Глухова *Татьяна Александровна– врач-рентгенолог, Волгоградская областная клиническая больница № 1. Российская Федерация, 400000, г. Волгоград, ул. Ангарская, 13, kotseruba85@mail.ru*

Glukhova *Tat'yana Aleksandrovna – Roentgenologist, Volgograd Regional Clinical Hospital #1, 13, Angarskaya St., 400000, Volgograd, Russian Federation, kotseruba85@mail.ru*

2) абдоминальное ожирение (соотношение объема талии (ОТ) к объему бедер (ОБ) более 0,85);

3) индекс массы тела (ИМТ) более 25 кг/м^2;

4) пациентка не находится в программе снижения веса.

Критерии исключения: вторичное (симптоматическое ожирение).

У респонденток было получено добровольное информированное согласие на использование данных анкетирования. Анкета содержала преимущественно закрытые вопросы, которые выявляли образ жизни, социальное положение и самосохранительное поведение респондентов. Проведена медицинская оценка степени ожирения.

Дополнительно 218 городских женщин, высказавших намерение снизить вес, опросили на предмет лояльности к физической активности. Интервьюирование 18 менеджеров отделов продаж или администраторов спортивных клубов выявило стоимость посещения занятий в следующих клубах и организациях Волгограда: X-fit, Alex-Fitness, Wellness Park, «Зебра», «Спарта», Kite, Well Fit, «Волга Фит», «Бали», FitCurves, «Анна», Спорт-клуб «365», Lady Cat, студия восточного танца «Караван», тренажерный зал ГАУЗ «КП № 3», бассейн «Искра», бассейн ВГСПУ, онлайн-фитнес-клуб Марии Кузьминой. Данные о стоимости были получены посредством телефонного общения.

Результаты и их обсуждение. Анализ данных анкет показал, что группа наблюдения по возрасту представлена женщинами от 20 до 29 лет — 17,9 %; от 30 до 39 лет — 19,6 %; от 40 до 49 лет — 21,8 %; от 50 до 59 лет — 21,1 % и старше 60 лет — 19,6 %. Практически равномерное распределение пациенток по возрастному принципу указывает на одинаково высокий интерес к проблемам контроля веса среди городских женщин разного возраста.

Обладательницами избыточной массы тела оказались 24,3 % из числа опрошенных лиц, 35,4 % имели ожирение I степени; ожирение II было диагностировано у 34,3 %; ожирение III — у 6,1 %.

По субъективной оценке респонденток, низкая двигательная активность отмечалась у 23,2 % женщин, ниже среднего — у 13,2 %, средняя — у 47,9 %, выше среднего — у 12,5 %, высокая — у 3,2 %.

Данная оценка носила сугубо субъективный характер и не имела никаких методов объективизации (частота, продолжительность, интенсивность физической нагрузки, а также типы физических упражнений). Из опрошенных женщин только 2,9 % пользуются шагомером и таким образом контролируют свою двигательную активность; оставшиеся 97,1 % этого не делают вовсе. Кроме того, при ответе на контрольный вопрос о том, занимаетесь ли вы спортом и физической культурой, только 19,6 % опрашиваемых дали утвердительный ответ.

По данным литературы, интенсивность физической активности (ФА) для различных возрастных групп пациентов может быть объективизирована с помощью подсчета частоты сердечных сокращений (ЧСС) [2] (табл. 1).

Таблица 1. *Объективизация физической активности с помощью подсчета частоты сердечных сокращений*

Показатели		Умеренная ФА (55–70 % МЧСС)		Интенсивная ФА (70–85 % МЧСС)	
Возраст (годы)	МЧСС	Уд/мин	15 с	Уд/мин	15 с
30	190	105—133	26—33	133—162	33—41
40	180	99—126	25—32	126—153	32—38
50	170	94—119	24—30	119—145	30—36
60	160	88—112	22—28	112—136	28—34
70	150	83—105	21—26	105—128	26—32
80	140	77—98	19—25	98—119	25—30

Примечание: МЧСС — максимальная частота сердечных сокращений; Уд/мин — ударов в минуту.

Данное положение об интенсивности ФА при отсутствии объективизации (подсчет ЧСС пациентом во время ФА) еще больше заставляет усомниться в объективности оценки респондентами уровня собственной физической активности в сторону значительного ее завышения. Это, в свою очередь, приводит к переоценке своих энергозатрат, а следовательно, к увеличению массы тела или неудовлетворительному ее контролю даже при соблюдении принципов рационального питания и рестрикции калорий. Этот фактор становится особенно актуальным для женщин старше 30—35 лет, когда впервые регистрируется естественная убыль сухой клеточной массы и увеличение процента жировой массы при сохраняющихся на прежнем уровне весовых показателях пациенток [6]. Соблюдение принципа рестрикции калорий также ставится под сомнение в этой ситуации, так как при недооценке уровня собственной физической активности пациентом возникают определенные технические сложности в точности расчетов суточного расхода энергии. Это связано с тем, что математическая формула данного показателя напрямую связана как с уровнем основного обмена, так и с уровнем физической активности [3, 7].

Нами выявлено, что лишь 14,3 % опрошенных женщин используют фактор физической активности (пешие прогулки на свежем воздухе/физическую культуру и спорт) как эффективный способ борьбы со стрессом. В дополнение к вышесказанному всего 3,9 % женщин отмечают, что гармоничная сексуальная жизнь также является существенным фактором борьбы со стрессовыми ситуациями. Соответственно, подавляющее количество городских женщин, а именно 81,8 % опрошенных, высказавших намерение контролировать массу тела, предпочитают пассивный отдых. В качестве действенного метода борьбы со стрессовыми ситуациями они занимаются рукоделием, чтением и просмотром телепрограмм, посещают салоны красоты и SPA-процедуры, уделяют время общению с друзьями и противоположным полом в социальных сетях, чаепитию с любимым лакомством в приятной компании.

В эпоху выраженной трансформации российского общества растет озабоченность уровнем доступности здорового образа жизни. Следует отметить, что факторы социально-экономической среды (благосостояние населения, цены, ресурсы свободного времени и т. п.) выступают в качестве практических ограничителей, корректирующих конкретные потребности членов общества. В этом отношении занятия физическим совершенствованием (в частности, занятия физической культурой и спортом) не являются исключением.

По данным нашего исследования, 63,2 % респонденток определяют свой доход как средний, 18,9 % — как низкий, ниже среднего — 11,4 %, выше среднего — 5,4 %, высокий — 1,1 %.

По мнению опрошенных женщин, низкий подушевой доход соответствует 8000—10 000 руб. в месяц; ниже среднего — 15 000—20 000 руб. в месяц; средний — 20 000—25 000 руб. в месяц; высокий — 30 000—50 000 руб. в месяц.

По данным Федеральной службы государственной статистики[1], среднемесячная номинальная заработная плата по Волгоградской области составила 23 554 руб. Оборот розничной торговли составил в январе — сентябре 2015 г. 252,6 млрд руб. и сократился по сравнению с соответствующим периодом 2014 г. в сопоставимых ценах на 8,8 %. Потребительские цены на товары и услуги за 9 месяцев 2015 г. выросли на 10,2 %, в том числе на продовольственные товары — на 9,1 %, непродовольственные товары — на 12,0 %, услуги — на 9,0 %. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в январе — августе 2015 г. по сравнению с январем — августом 2014 г. выросла на 6,4 % и составила 23 429 руб. Общая сумма просроченной задолженности по заработной плате в организациях области составила на 1 октября 2015 г. 53,8 млн руб. и увеличилась по сравнению с предыдущим месяцем на 65,8 %. Вместе с тем, по данным СтатБюро[2], инфляция с начала 2016 г. составила 1,6 %, а в годовом исчислении 8,06 %.

[1] Официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики: официальный интернет-портал Федеральной службы государственной статистики (Росстат). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/ (дата обращения 17.04.2016).

[2] https://www.statbureau.org/ru/russia/inflation (дата обращения 17.04.2016).

Таким образом, по субъективной оценке опрошенных женщин, только 6,4 % оценили свой доход как выше среднего и высокий, в то время как подавляющая часть респонденток, а именно 93,6 %, оценили свой ежемесячный доход как средний, ниже среднего и низкий.

Данные о стоимости посещений занятий в наиболее цитируемых в Интернет-ресурсах фитнес-клубов Волгограда (данные на январь 2016 г.) приведены в табл. 2.

Таблица 2. *Данные о стоимости услуг в фитнес-клубах г. Волгограда*

Фитнес-клубы Волгограда	Стоимость, руб.			
	1 занятие	1 месяц занятий	Годовая клубная карта	Средняя стоимость посещения в месяц (минимум 8 занятий)
X-fit	—	—	25 900	2158,33
Alex-Fitness	—	—	8455	704,58
Wellness Park	—	—	60 000	5000
«Зебра»			Не дают информацию по телефону	
«Спарта»	—	—	20 000—150 000	1666,66—12 500
Kite	—	—	23 900	1991,66
Well Fit	300 (с тренером)			2400
«Волга Фит»	—	—	24 000	2000
«Бали»	—	—	21 000 (6 мес.), 42 000 (год)	3500
FitCurves	—	1700	20 400	1700
«Анна»	500 (с тренером) 300 (без тренера)	1800 (8 занятий с тренером) 1200 (8 занятий без тренера)	20 000 (с тренером) 12 000 (без тренера)	1800 (с тренером) 1200 (без тренера)
Спорт-клуб «365»	300 (без тренера) 850 (с тренером)		13 458	2400 (без тренера) 6800 (с тренером) 1121,5 (по спецпредложению)
Lady Cat	250	—	—	2000
Студия восточного танца «Караван»	200			1600
Тренажерный зал ГАУЗ «КП № 3»	240	1650	—	1650
Бассейн «Искра»	300		—	2400
Бассейн ВГСПУ	210 (плавание) 220 (аквааэробика)	1350 (8 занятий плаванием) 1600 (8 занятий аквааэробикой)	—	1350 (плавание) 1600 (аквааэробика)
Онлайн-фитнес-клуб Марии Кузьминой		3500 5000	—	3500 5000

При анализе стоимости посещения фитнес-клубов г. Волгограда были получены следующие результаты:

- максимальная стоимость годовой карты составила 150 000 руб.;
- максимальная стоимость посещения фитнес-клуба на 1 месяц составила 12 500 руб.;
- минимальная стоимость годовой карты составила 8455 руб.;
- минимальная стоимость посещения фитнес-клуба на 1 месяц составила 704,58 руб.;
- средняя стоимость посещений фитнес-клуба / спортивного зала / фитнес-студии в месяц (из расчета минимум 8 занятий в месяц) составила 2871,42 руб.

Нами установлено, что физической культурой и спортом занимаются, в той или иной степени, 46,8 % городских женщин. Из них занимаются регулярно только 33,9 %, ежедневно уделяют своей физической форме не более 10 мин в сутки 5,5 % опрошенных, около 30 мин — 22,9 %, 1 час в день — 11,0 %, более 1 часа в день — 2,8 %, занимаются крайне редко (по разным причинам) 36,7 %, не проявляют достаточного интереса для регулярных занятий 21,1 %.

При ответе на вопрос и причине, мешающей уделять достаточное время своей физической форме, ответы распределились следующим образом: не любят физкультуру и спорт 22,9 % опрошенных; испытывают дефицит времени для занятий спортом 49,5 %; испытывают лень 20,2 %; не имеют достаточных финансовых возможностей для занятия спортом и физической культурой 7,3 %.

На протяжении всего года наиболее приемлемым форматом занятий физкультурой и спортом для себя женщины считают: утреннюю зарядку — 11,0 %, пешие прогулки — 33 %, посещение фитнес-клуба с четким графиком тренировок — 27,5 %, занятия дома — 22,9 %, пробежки — 5,5 %.

В течение недели респодентки сочли оптимальным уделять своей физической форме: 1 час в неделю (к примеру, ежедневная утренняя зарядка) — 47,7 %; 2—3 часа в неделю (2—3 тренировки в неделю) — 35,8 %; более 3 часов в неделю (более 3-х тренировок в неделю) — 16,5 %.

На вопрос о готовности к финансовым затратам для совершенствования своей физической формы ответы распределились следующим образом: не готовы вкладывать материальные ресурсы в физкультуру и спорт 45,9 %; допускают траты не более 1000 руб. в месяц 24,8 %; не более 2000 руб. в месяц — 19,3 %; 3000—5000 руб. в месяц — 10,1 %; более 5000 руб. в месяц — 0 %.

Анализ полученных результатов двигательной активности обследуемых женщин позволяет сделать следующие **выводы.**

1. Субъективная оценка собственной физической активности пациентками не является надежным критерием и не может использоваться клиницистом для произведения математических расчетов «расхода энергии» ввиду частой переоценки уровня своей двигательной активности пациентом.

2. Объективизация уровня двигательной активности у городских женщин (документирование частоты, продолжительности, интенсивности физической нагрузки, а также типы физических упражнений), высказавших намерение контролировать вес, — это необходимое условие для успешного старта программы снижения веса, а также оптимизации самоменеджмента пациентки в процессе достижения цели.

3. Городские женщины, высказавшие намерение контролировать массу тела, делают ставку исключительно на комплекс диетологических мероприятий (рациональное питание или рестрикция калорий в зависимости от предполагаемой цели), мотивируя осознанный отказ от регулярных занятий спортом и физической культурой отсутствием времени, нелюбовью к спорту, а также ленью.

4. Для занятий физической культурой и спортом городские женщины (49,5 %) испытывают дефицит времени и финансовых ресурсов (45,9 %), а 47,7 % женщин считают, что оптимальное количество времени, выделяемое на двигательную активность и спорт в неделю, может составлять 1 час. Низкий уровень мотивации, а также лень (20,2 %), отсутствие интереса к спорту (22,9 %) и приверженность пассивному отдыху (49,5 %) являются ограничивающими факторами для физического совершенствования городских женщин.

5. Существует необходимость развития и популяризации среди городских женщин небюджетных и малобюджетных способов двигательной активности, таких как: бег, финская ходьба, work out-тренинги (выполнение различных упражнений на уличных спортплощадках, а именно на турниках, брусьях, шведских стенках, горизонтальных лестницах и прочих конструкциях или вообще без их использования). Обеспечение доступности занятий спортом и физической культурой независимо от положения на социальной лестнице — необходимый компонент реализации генетического потенциала городской женщины.

6. Необходимо разработать четкую пошаговую систему учебно-мотивационных рекомендаций (чек-лист по физической активности) в области физкультуры и спорта для городских женщин, высказавших намерение контролировать массу тела.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Гольман Е. А.* Новое понимание здоровья в политике и повседневности: истоки, актуальные направления проблематизации // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 4. С. 509—522.

2. *Потемкина Р. А.* Школа здоровья. Физическая активность и питание: руководство для врачей / под ред. Р. Г. Оганова. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 96 с.

3. *Жигалова Я. В.* Проектирование комплексных оздоровительных фитнес-программ для женщин 30—50-летнего возраста: дис… канд. пед. наук М., 2003. 166 с.

4. *Губанова Е. И., Севастьянова Н. В., Коцеруба Т. А.* Социальный портрет горожанки, страдающей первичным ожирением // Социология города. 2013. № 2. С. 51—57.

5. *Севастьянова Н. В., Хуако Г. А.* Некоторые этические особенности отношений врача и пациентов-женщин // Биоэтика. 2013. № 1. С. 52—53.

6. *Пикурова А. Г.* Комплексное использование средств двигательной реабилитации в оздоровительных занятиях с женщинами 30—45 лет: дис… канд. пед. наук. Смоленск, 2004. 108 с.

7. *Дедов И. И., Мельниченко Г. А.* Ожирение: этиология, патогенез, клинические аспекты. М.: Медицинское информационное агентство, 2006. 456 с.

REFERENCES

1. Gol′man E. A. [New Health Consciousness in Policy and Everyday Life: Origins, Main Directions for Problematization]. *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki* [Journal of Social Policy Studies], 2014, 12(4), pp. 509—522.

2. Potemkina R. A. *Shkola zdorov'ya. Fizicheskaya aktivnost' i pitanie: rukovodstvo dlya vrachei* [School of health. Physical activity and diet: manual for doctors]. Moscow, GEOTAR-Media Publ., 2010. 96 p.

3. Zhigalova Ya. V. *Proektirovanie kompleksnykh ozdorovitel'nykh fitnes-programm dlya zhenshchin 30—50-letnego vozrasta* [Development of complex health-improving fitness programs for women at the age of 30—50. Cand. Ped. Sci. Diss.]. Moscow, 2003. 166 p.

4. Gubanova E. I., Sevastyanova N. V., Kotseruba T. A. [Social portrait of a townswoman, suffering from primary obesity]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2013, no. 2, pp. 51—57.

5. Sevastyanova N. V., Khuako G. A. [Some ethical features of doctor-female patient relationship]. *Bioetika* [Bioethics], 2013, no. 1, pp. 52—53.

6. Pikurova A. G. *Kompleksnoe ispol'zovanie sredstv dvigatel'noi reabilitatsii v ozdorovitel'nykh zanyatiyakh s zhenshchinami 30—45* [Complex use of means of motional rehabilitation during health-improving exercises with women at the age of 30—45. Cand. Ped. Sci. Diss.]. Smolensk, 2004. 108 p.

7. Dedov I. I., Mel'nichenko G. A. *Ozhirenie: etiologiya, patogenez, klinicheskie aspekty* [Obesity: etiology, pathogenesis, clinical aspects.] Moscow, Medical News Agency, 2006. 456 p.

© Губанова Е. И., Севастьянова Н. В., Глухова Т. А., 2016

Поступила в редакцию
в апреле 2016 г.

Ссылка для цитирования: *Губанова Е. И., Севастьянова Н. В., Глухова Т. А.* Парадигма физической активности современной городской женщины // Социология города. 2016. № 2. С. 94—103.

For citation: Gubanova E. I., Sevast'yanova N. V., Glukhova T. A. [Evaluation of physical activity-related concepts of modern urban women]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 2, pp. 94—103.

УДК 333.001.36-332.142.2
(504.062)

О. В. Максимчук,
Т. А. Першина

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ КРУПНЫХ ГОРОДОВ ЮФО)

(Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-12-34014)

Целью данной статьи является изучение конкурентоспособности городов юга России. В достижение этой цели авторами решены задачи:

1) выполнен обзор мировых тенденций, касающихся конкурентоспособности городов, определены направления деятельности для достижения этих целей с учетом комфортности проживания населения;

2) дано обоснование конкурентоспособности городов с учетом совокупности исторических, социокультурных, экономических и экологических показателей.

Ключевые слова:
конкурентоспособность,
город,
комфортность проживания,
население,
энергоэффективность.

O. V. Maksimchuk,
T. A. Pershina

COMPETITIVENESS OF MODERN CITIES (BY THE EXAMPLE OF LARGE CITIES IN THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT)

(The article is prepared within the frameworks of the supported RHSF scientific project No. 16-12-34014)

По прогнозам ООН, к 2050 г. более 85 % населения Земли, в том числе нашей страны, будет проживать и работать в городах[1]. На сегодняшний день в России с учетом населенных пунктов Крыма и закрытых административно-территориальных образований насчитывается 1128 городов. В них на начало 2016 г. проживали 108 657 433 человек, или 69 % населения России[2].

В современном понимании город — это место поселения индивидуумов, социальных групп, объединивших свои силы (физические и интеллектуальные) и материальные ресурсы для ведения хозяйства и промышленной деятельности в целях обеспечения социально-экономической безопасности и развития [1—13].

Подробно различные подходы к определению и оценке социально-экономической эффективности городов авторы рассматривали ранее на страницах этого журнала (Социология города. 2014. № 2). Для решения поставленных задач авторы применили методику оценки конкурентоспособности города по следующей совокупности показателей (табл. 1).

Оценка конкурентоспособности крупных городов ЮФО. Оценка конкурентоспособности на примере крупных городов Южного федерального округа выполнена по показателям табл. 1 за период 2012—2015 гг. на основании официальных данных Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) и Базы данных показателей муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики с использованием метода линейного масштабирования, используемого при расчете индекса развития человеческого потенциала и основанного на определении референтных точек (максимальных и минимальных значений индикаторов) (табл. 2).

С 2012 г. уровень конкурентоспособности города Волгограда снизился на 1 позицию и остается на ней все последующие годы (табл. 2).

[1] Доклад ООН: Самые быстро исчезающие города — в СНГ и Европе, растущие — в Китае. URL: http://seosait.com/doklad-oon-samye-bystro-ischezayushhie-goroda-v-sng-i-evrope-rastushhie-v-kitae/ (дата обращения 28.03.2016).

[2] Исследование РБК: как вымирают российские города. URL: http://www.rbc.ru/special/society/22/01/2015/54c0fcaf9a7947a8f1dc4a7f (дата обращения 18.04.2016)

The purpose of the present article is to find theoretical and methodical substantiation of city competitiveness, taking into account the historical, social and cultural, economic and environmental aspects. In achieving this objective the authors solved the following problems:

1) give the competitiveness of the city study, analysis and evaluation of the aggregate of its indicators;

2) give an overview of best practices and global trends in the light of the increasing competitiveness of cities, the directions of the achievement of these objectives taking into account the comfort of the population.

The object of the study is the city as a social and economic system and the structural unit of the region. Methodologically the study is based on a comprehensive and systematic approach using comparative methods, retrospective, statistical, mathematical, logical analysis, modeling and forecasting.

Proposed by the authors theoretical and methodical approach is original, has a high degree of reliability, universal and comparability, the possibility of verification of the forecast the competitiveness of the modern city from the standpoint of comfort evaluation of staying the population. The results of testing of the author's approach prove the feasibility of its use in the development, updating and scientific substantiation of programs and strategies for social and economic development of Russian cities.

Key words:
competitiveness,
city,
comfort of living conditions,
population,
energy efficiency.

Об авторах:
Максимчук *Ольга Викторовна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой управления и развития городского хозяйства и строительства, Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет (ВолгГАСУ). Российская Федерация, 400074, г. Волгоград, ул. Академическая, 1*

В связи с этим для определения основных факторов, сдерживающих рост конкурентоспособности города, проведен выборочный анализ показателей, формирующих интегральный индекс. Его результаты свидетельствуют о том, что наименьший вклад в величину конкурентоспособности вносит социальная сфера, важнейшим показателем которой является обеспеченность населения жильем, услугами социальных учреждений и ЖКХ (рис. 1).

Также анализ показал, что в Волгограде наблюдается не совсем благоприятная экологическая обстановка в связи с большим количеством объектов, имеющих стационарные источники загрязнения атмосферы, несмотря на то, что текущие (эксплуатационные) затраты на охрану окружающей среды весьма неравномерно выделялись в анализируемом периоде, причем в 2011 г. наблюдался явный избыток выделенных средств (327 639,4 тыс. руб. на 223 производства). В 2014 г. эти затраты возросли более чем на 26 % по сравнению с 2012 г. и составили 3 273 906 тыс. руб. на 323 производства, тогда как в Ростове-на-Дону наблюдалась равномерная динамика и в 2014 г. — дефицит этих средств (рис. 2).

Кроме того, в материалах, представленных в докладе ООН «Состояние городов мира 2012/2013», отмечены из 28 «самых быстро исчезающих городов мира» по показателю сокращения численности населения (принято к рассмотрению 600 городов мира, население которых превышает 750 человек) 11 российских городов: Нижний Новгород — 5-е место, Саратов — 6-е, Санкт-Петербург — 11-е, Самара — 12-е, Уфа — 16-е, Воронеж — 18-е, Волгоград — 20-е, Челябинск, Омск и Новосибирск — 22-е, 23-е и 26-е места соответственно. Сокращение численности населения с 1990 по 2015 г. в Волгограде составило 3,5 %.[3]

Результаты статистического анализа численности населения анализируемых городов ЮФО во временном интервале с 2009 по 2015 гг.

[3] Доклад ООН: Самые быстро исчезающие города — в СНГ и Европе, растущие — в Китае. URL: http://seosait.com/doklad-oon-samye-bystro-ischezayushhie-goroda-v-sng-i-evrope-rastushhie-v-kitae/ (дата обращения 28.03.2016).

Maksimchuk *Ol'ga Viktorovna – Doctor of Economics, Professor, Head of Management and Development of Municipal facilities and Construction Department. Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering (VSUACE). 1, Academicheskaya St., 400074, Volgograd, Russian Federation*

Першина *Татьяна Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления и развития городского хозяйства и строительства, Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет (ВолгГАСУ). Российская Федерация, 400074, г. Волгоград, ул. Академическая, 1*

Pershina Tat'yana Aleksandrovna – Candidate of Economics, Docent of Management and Development of Municipal facilities and Construction Department. Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering (VSUACE). 1, Academicheskaya St., 400074, Volgograd, Russian Federation

подтверждают данные доклада. Кроме того, начиная с 2011 г. в Волгограде наблюдается устойчивая тенденция снижения численности населения (на 0,334 %) (табл. 3, рис. 3).

Каковы причины этого? Крайне негативным фактором является сокращение промышленных производств, банкротство и кризисная ситуация, в которой находятся практически все крупные градообразующие предприятия, результатом чего является увольнение работников и фактическое отсутствие рынка трудовых вакансий, привлекательных для молодежи. Среднесписочная численность работников организаций в Астрахани, Волгограде и Ростове-на-Дону снижается на 2,2, 3,4 и 2,7 % соответственно по отношению к базисному периоду, а в Краснодаре возрастает на 3,4 %. Среднемесячная заработная плата в течение исследуемого периода во всех городах возрастает. В Краснодаре рост составил 11,7 %, в Астрахани 12,03 %, в Волгограде 6,7 %. Наиболее интенсивный темп роста наблюдается в Ростове-на-Дону, где заработная плата увеличилась на 12,7 % по отношению к базисному году. Наиболее низкий темп роста зарплаты — в Волгограде, где он составил всего 6,7 %, что почти в 2 раза ниже, чем в Ростове-на-Дону.

Промышленная ориентация большинства российских регионов и городов, в том числе и Волгограда, во многом определила и специфику жизнедеятельности населения. Промышленные предприятия практически полностью выполняли функции социального обеспечения и развития своих работников с позиций уровня и качества жизни, включая жилье, инфраструктуру и объекты социального назначения, обеспечивающие полноценную жизнедеятельность, отдых, оздоровление, культурное развитие и пр. Приватизация предприятий привела к дроблению их как имущественных комплексов, распродаже по частям и во многих случаях к смене функционального назначения (на базе многих промпредприятий в настоящее время организованы досуговые и торговые комплексы, офисные центры и др.). Предприятия работают по сценарию «насколько хватит» производственных мощностей, которые практически полностью изношены — и морально, и физически, и функционально.

Собственники этих предприятий, получившие права в конце 90-х — начале 2000-х годов, ни тогда, ни сейчас не заинтересованы в развитии предприятий, инвестировании в их реконструкцию, модернизацию и техническое перевооружение. Понятно, что эти масштабные программы требуют существенных «длинных» инвестиций, но ведь их и следовало запускать постепенно, начиная с 90-х годов.

Таблица 1. *Показатели конкурентоспособности города [14]*

Целевая группа	Название сферы	Показатель
Население, туристы	Социальная	– Обеспеченность детей местами в дошкольном образовательном учреждении, мест на 100 детей; – отношение средней заработной платы к прожиточному минимуму, раз; – численность учащихся в дошкольных образовательных учреждениях, чел. на 10 тыс. человек населения; – количество врачей, чел. на 10 тыс. человек населения; – количество среднего медицинского персонала, чел. на 10 тыс. человек населения; – количество больничных коек, шт. на 10 тыс. населения; – количество спортивных сооружений, ед. на 10 тыс. человек населения; – ввод в действие жилых домов, $м^2$ на 10 тыс. человек населения; – общая площадь жилых помещений в ветхих и аварийных жилых домах в общей площади жилого фонда, %; – число стационарных учреждений социального обслуживания для граждан пожилого возраста и инвалидов, ед.; – число мест в стационарных учреждениях социального обслуживания для граждан пожилого возраста и инвалидов (взрослых), ед.; – число учреждений для детей-инвалидов, ед.; – число добровольных формирований населения по охране общественного порядка, ед.; – число участников добровольных формирований населения по охране общественного порядка; – число общеобразовательных организаций на начало учебного года, ед.; - текущие (эксплуатационные) затраты на охрану окружающей среды, включая оплату услуг природоохранного назначения, тыс. руб.
	Культурно-развлекательная	– Число музеев, ед. на 10 тыс. человек населения; – число профессиональных театров, ед. на 10 тыс. человек населения; – число мест в объектах общественного питания, ед. на 10 тыс. человек населения; – число учреждений культурно-досугового типа, ед. на 10 тыс. человек населения; – число общедоступных библиотек, ед. на 10 тыс. человек населения; – число парков культуры и отдыха (городских садов), ед. на 10 тыс. человек населения; – число цирков, ед. на 10 тыс. человек населения; – число детских музыкальных, художественных, хореографических школ и школ искусств, ед. на 10 тыс. человек населения
Инвесторы и бизнес	Трудовые ресурсы	– Естественный прирост, промилле; – доля населения моложе трудоспособного и трудоспособного возраста в общей численности населения, %; – наличие и прирост рабочих мест и вакансий, кол-во, %; – уровень безработицы, %

	Производственная	– Стоимость основных производственных фондов, тыс. руб. на 1 жителя; – удельный вес полностью изношенных основных фондов в общем объеме, %; – объем отгруженных промышленных товаров собственного производства, тыс. руб. на 1 жителя; – объем работ по виду деятельности «строительство», тыс. руб. на 1 жителя; – оборот розничной торговли, тыс. руб. на 1 жителя – оборот общественного питания, тыс. руб. на 1 жителя
Местная администрация	Финансовая (местный бюджет)	– Объем инвестиций в основной капитал, тыс. руб. на 1 жителя; – доля предоставляемой финансовой помощи в общем объеме бюджетных средств, %; – доходы местного бюджета, руб. на 1 жителя; – налог на доходы физических лиц, тыс. руб.; – плата за негативное воздействие на окружающую среду

Таблица 2. *Уровень конкурентоспособности городов в 2006–2011 гг.*

Город	Уровень конкурентоспособности				Место, занимаемое в регионе			
	2012	2013	2014	2015	2012	2013	2014	2015
Волгоград	0,481	0,532	0,540	0,466	2	3	3	3
Ростов-на-Дону	0,516	0,609	0,505	0,535	1	1	2	2
Краснодар	0,519	0,538	0,546	0,554	3	2	1	1
Астрахань	0,481	0,520	0,426	0,421	4	4	4	4

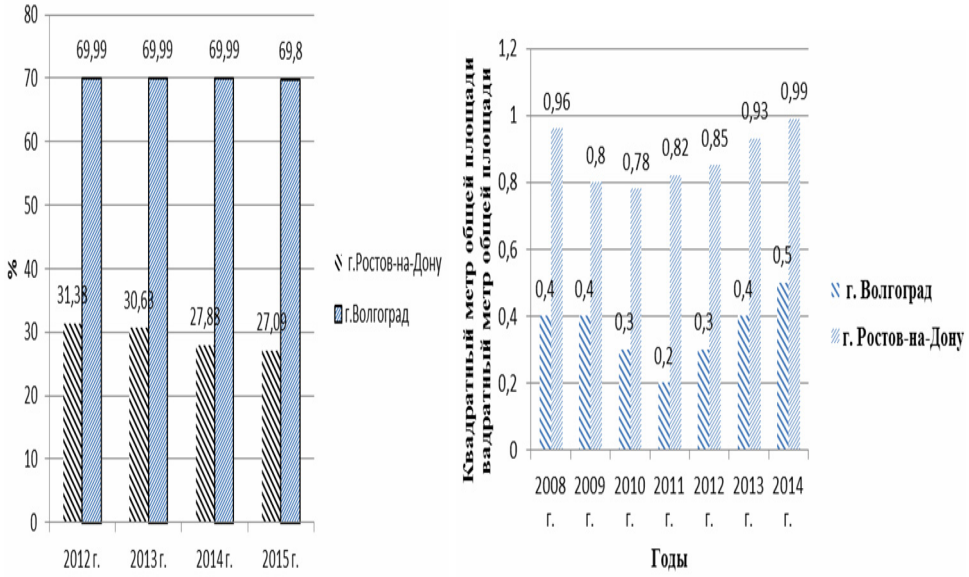


Рис. 1. *Сравнительный анализ выборочных показателей конкурентоспособности Волгограда и Ростова-на-Дону за период 2006–2014 гг. (доля протяженности автодорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения (слева), общая площадь жилых помещений, введенная в действие за год, приходящаяся в среднем на одного жителя (справа))*

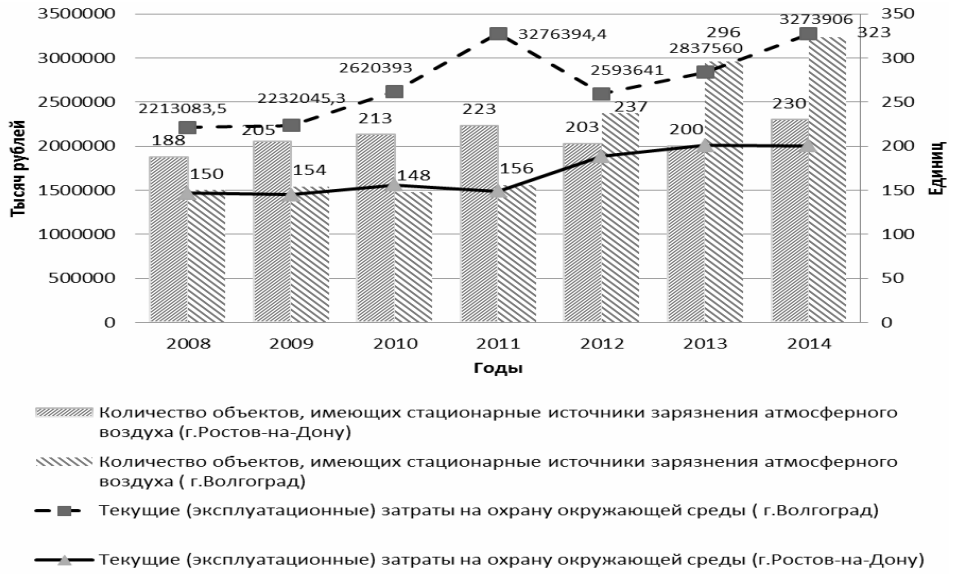
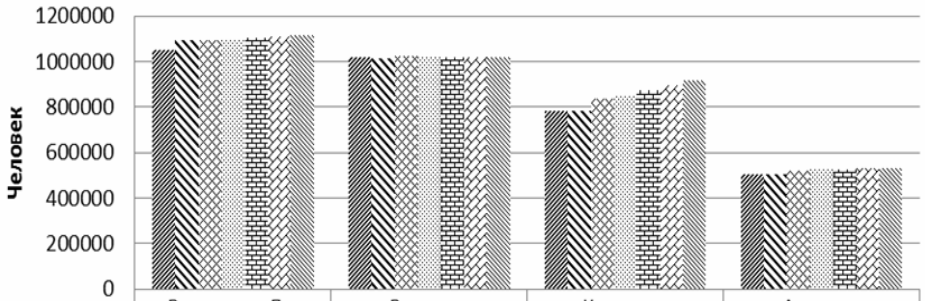


Рис. 2. *Сравнительный анализ экологических параметров конкурентоспособности Волгограда и Ростова-на-Дону за период 2006–2014 гг.*



	г.Ростов-на-Дону	г.Волгоград	г.Краснодар	г.Астрахань
2009	1048991	1017081	781278	504141
2010	1090466	1014933	783815	506110
2011	1091544	1020862	834108	520399
2012	1096448	1018739	851167	525387
2013	1103733	1018790	871194	527345
2014	1109835	1017985	893347	530863
2015	1114806	1017451	917855	532699

Рис. 3. *Сравнительная динамика численности населения крупных городов ЮФО за период 2009–2015 гг.*

Практически все промышленное производство Волгоградской области сосредоточено в восьми крупных городах: Волгограде, Волжском, Камышине, Михайловке, Урюпинске, Фролово, Жирновске, Котово. В Волгограде функционировали крупные градообразующие предприятия: ОАО «Волгоградский тракторный завод им. Дзержинского», ЗАО «Металлургический завод “Красный Октябрь”», ОАО «ПО “Волжский трубный завод”», ООО «ЛУКойл-Нижневолжскнефть», ООО «ЛУКойл-

Волгограднефтепереработка», ОАО «Волтайр», ОАО «Химпром», АООТ «Каустик», ОАО «Оргсинтез», ОАО «Волгоградский моторный завод» и др. Большая часть этих предприятий не существует или находится в состоянии банкротства и ликвидации. При этом предприятия-банкроты являются основными должниками по страховым взносам, что снижает уровень и качество жизни населения.

Таблица 3. *Динамика численности населения крупных городов ЮФО с 2013 по 2015 гг.*

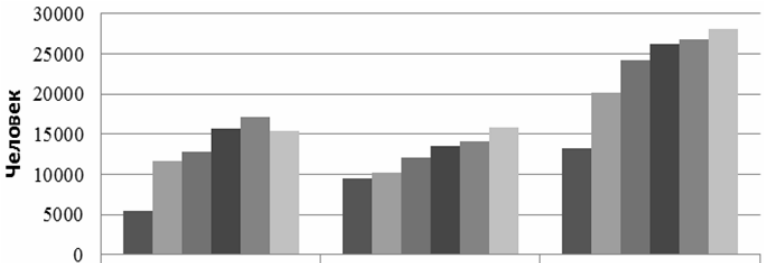
Город	Годы			Темпы роста		
	2013	2014	2015	2014/2013	2015/2013	2015/2014
	Среднесписочная численность работников организаций, чел.					
Волгоград	278789	275485	269487	98,8	97,8	96,7
Ростов-на-Дону	309453	305585	298934	98,8	96,6	97,8
Краснодар	277284	282701	286747	101,95	103,4	101,4
Астрахань	137881	138345	134180	100,34	97,3	96,99
	Среднемесячная заработная плата работников организаций, руб.					
Краснодар	34434,9	37290	38460,9	108,3	111,7	103,14
Астрахань	27588,3	29724,3	30908,3	107,7	112,03	103,98
Ростов-на-Дону	31258,6	33700,4	35220,4	107,8	112,7	104,5
Волгоград	26125,7	27046,2	27867,5	103,5	106,7	103,04

Так, например, бывший гигант химической индустрии Волгоградский ОАО «Химпром» обеспечивал трудовую занятость свыше 7 тыс. чел. в начале 1990-х гг., к 2011 г. численность работающих сократилась до 4500 чел. (снижение численности более 35 %), а к концу 2015 г. — до 170 чел., то есть на предприятии осталось чуть более 2 % от прежней численности работающих. Потеря кадров колоссальная, поскольку средний возраст работников «Химпрома» — 50 лет, это как раз старые вышколенные кадры, ценные специалисты, которых в условиях современного постоянно модернизируемого образования не подготовить. Попутно с сокращением объема производства и численности работающих предприятие сокращало социальную инфраструктуру: на балансе предприятия ранее находились детский сад, детский лагерь отдыха, санаторий-профилакторий, жилые дома и общежития, база отдыха, дворец культуры. В настоящее время предприятие находится в процедуре банкротства.

Кризисные явления градообразующих предприятий сопровождаются сокращением страховых платежей: по состоянию на 1 января 2014 г. в Волгограде общая сумма долга по страховым взносам на обязательное пенсионное и обязательное медицинское страхование составляла 2 млрд 121,6 млн руб., из них 73,3 % приходилось на предприятия-банкроты. За предыдущие четыре года это рекордный показатель. В 2010 г. в общей сумме недоимки доля предприятий-банкротов составила 25,6 %, в 2011 — 50 %, в 2012 — 62,9 %. Основная часть задолженности предприятий-банкротов, а именно 84 %, приходилась на 7 градообразующих предприятий Волгограда: ЗАО «ВМЗ “Красный Октябрь”» — 997,6 млн руб., ВОАО «Химпром» — 395,8 млн руб., ОАО «ВЗ ЖБИ-1» — 113,1 млн руб., ОАО «Волгоградский судостроительный завод» — 84,2 млн руб., ОАО «Волгограднефтегазстрой» — 41,1 млн руб., ООО «Волгоградский завод спецмашиностроения» — 31,9 млн руб., ООО «Автостройсервис» — 36,3 млн руб. Аналогичная ситуация наблюдалась и в 2015 г.

Поскольку кадровые и социальные программы проблемных предприятий были свернуты, это негативно отразилось на комфортности проживания населения, особенно в тех районах Волгограда, где сосредоточены промышленные предприятия. Эти районы и выглядят непривлекательно, и не являются жилыми по существу и характеру проживания в них, например, окраины Тракторозаводского, Кировского, Краснооктябрьского районов Волгограда. В частности, в 1906 г. в Волгограде (тогда это был Царицын) неподалеку от завода «Дюмо» был основан поселок — он назывался Французским, поскольку был заселен выходцами из Франции, и делился на две части: Большую Францию, где жили начальство и служащие завода, и Малую Францию, где жили простые рабочие, а русские мастера проживали в так называемой Русской деревне неподалеку. После Октябрьской революции завод стал советским, и французское название «Дюмо» заменили на «Красный Октябрь»[4]. Послевоенное восстановление «волгоградской Франции» проходило при участии заслуженного архитектора РСФСР, лауреата Сталинской премии 2-й степени Е. И. Левитана. На сегодня Французский поселок нуждается в полной реновации, проживание в имеющемся там жилье и условия благоустройства территории трудно определить как комфортные. И таких мест в Волгограде достаточно много, как, впрочем, в любом крупном промышленном городе России (Саратов, Самара, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону и др.).

При относительно выдерживаемых в пределах нормативов показателях уровня и качества жизни (данные официальной статистики говорят об этом) город Волгоград оценивают как недостаточно некомфортный для проживания — люди уезжают в другие регионы и города. Такая же тенденция наблюдается и в других анализируемых городах Южного федерального округа (рис. 4).



	г.Астрахань	г.Волгоград	г.Ростов-на-Дону
2010	5481	9485	13206
2011	11671	10214	20115
2012	12890	12141	24281
2013	15735	13586	26207
2014	17221	14076	26794
2015	15400	15835	28142

Рис. 4. *Сравнительная динамика миграции населения городов Южного федерального округа за период 2010–2015 гг.*

[4] Комплекс застройки поселка Малая и Большая Франция завода ДЮМО. URL: http://www.welcomevolgograd.com/articles/arch/kompleks_zastroyki_poselka_malaya_i_bolshaya_frantsiya_zavoda_dyumo.html (дата обращения 27.04.2016).]

Миграционный срез по Волгограду за период 2010—2015 гг. показал, что преимущественно население мигрирует в другие регионы РФ (рис. 5).

Отметим, что в ходе подготовки данной статьи авторы не рассматривали проблемы внешней (международной) трудовой миграции населения, обращая внимание на внутреннюю миграцию.

Информационное агентство РБК провело анализ миграции населения, используя не только показатели притока и оттока населения, но и данные о доходах физических лиц от налоговых агентов — предприятий, — которые подаются по месту нахождения компании вне зависимости от того, в каком городе прописан работник. «Чем больше база налогоплательщиков города, тем он привлекательнее для трудовых мигрантов»[5].

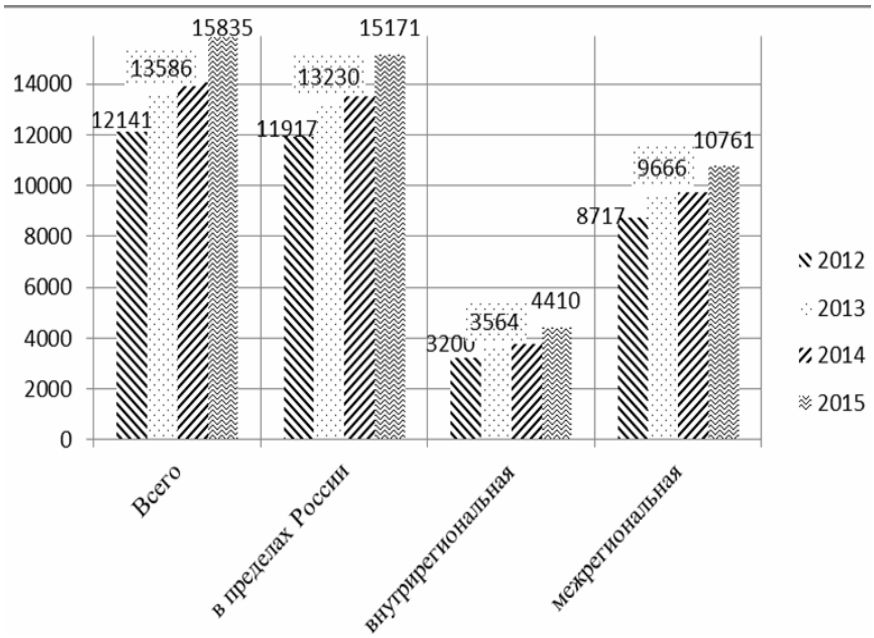


Рис. 5. *Миграционный срез по Волгограду за период 2010–2015 гг.*

В результате расчетов оказалось, что из 116 городов с населением более 150 тыс. человек в 13 количество работающих превышает количество жителей, причем в лидере рейтинга — Альметьевске (Татарстан) — почти в полтора раза, а в следующими за ним Сургуте и Великом Новгороде — на треть. Москва в этом списке занимает лишь восьмую позицию, кроме лидеров уступая Нижнему Новгороду, Новосибирску, Тамбову и Краснодару. Наличие таких работодателей-рекордсменов в то же время подразумевает существование городов с высоким уровнем миграции. Действительно, на

[5] Исследование РБК: Понаехали: в какие города отправляются работать россияне. URL: http://www.rbc.ru/special/business/17/04/2015/552d0faf9a794721952e01a7 (дата обращения 18.04.2016); Рейтинг трудовой привлекательности крупнейших городов России в 2015 году. URL: http://www.kadrovik.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=15306 (дата обращения 18.04.2016).

другом конце списка оказались Махачкала (Дагестан) и Шахты (Ростовская область), у которых рассчитанный РБК-показатель составил всего 30 и 37 % соответственно. У Волгоград этот показатель равен 70 %, что свидетельствует о нижней границе нормы, как это видно по рис. 6.

По трудовой привлекательности в 2015 г. среди 45 крупных городов России Волгоград занимает 42 место по 5 критериям: 1) уровень заработной платы; 2) соотношение заработной платы и прожиточного минимума; 3) конкурс на вакансии; 4) численность нетрудоустроенных; 5) мобильность[6]. По первым трем показателям Волгоград имеет низкие оценки. После Волгограда следуют Краснодар, Оренбург и Тольятти. Из городов ЮФО, представленных в данном рейтинге, Сочи занимает 31-е место, Ростов-на-Дону — 36-е, Астрахань — 39-е, Волгоград — 42-е и Краснодар 43-е, то есть 4 крупных города ЮФО, все из которых административные центры, являются непривлекательными для трудоспособного населения[7]. Получается так, что макрорегион с наиболее благоприятными условиями для ведения хозяйственной деятельности и высокой деловой активности не выдерживает конкуренции в плане привлечения трудоспособного населения в крупные города.

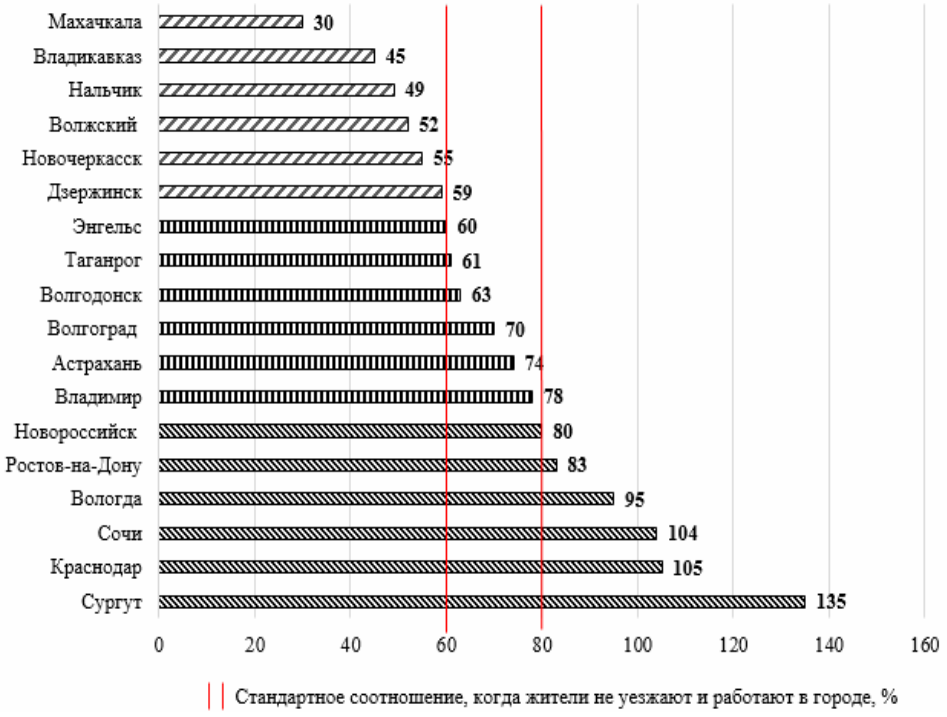


***Рис. 6.** Соотношение жителей городов и работающих в городе, %*

[6]Рейтинг составлен исследовательским центром ректрутингового портала *Superjob*.

[7] Рейтинг трудовой привлекательности крупнейших городов России в 2015 году. URL: http://www.kadrovik.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=15306 (дата обращения 18.04.2016).

По данным социологического опроса, проведенного в феврале — марте 2016 г. кафедрой управления и развития городского хозяйства и строительства ВолгГАСУ, из 2718 респондентов только 18 % (499 чел.) остались бы жить в Волгоградской области. Приоритетным для переезда на постоянное место жительства является все-таки ЮФО, но это города Краснодар, Ростов-на-Дону, Сочи — 35,2 % (957 чел.), Центральный федеральный округ выбрали 13,6 %, Крымский — 10,4 %, Северо-Западный, Сибирский, Северо-Кавказский — 5,3, 4,6 и 4,5 % соответственно, Дальневосточный и Уральский примерно равны по выбору — 3,6 и 3,2 %. Самым непривлекательным явился Приволжский федеральный округ — его выбрали 1,1 % (рис. 7).

Завершающий в списке Краснодар представляет интерес с той точки зрения, что, так же как и Волгоград, по трудовой привлекательности имеет низкий рейтинг — 43 из 45 городов (рейтинг Волгограда — 42), по показателям уровня и качества жизни они практически сопоставимы, однако Краснодар оценивается как более привлекательный или комфортный для проживания по данным опроса:

1 место — Краснодар;
2 место — Санкт-Петербург;
3 место — Москва;
4 место — Сочи;
5 место — Ростов;
6 место — Севастополь, Тюмень и Новороссийск.

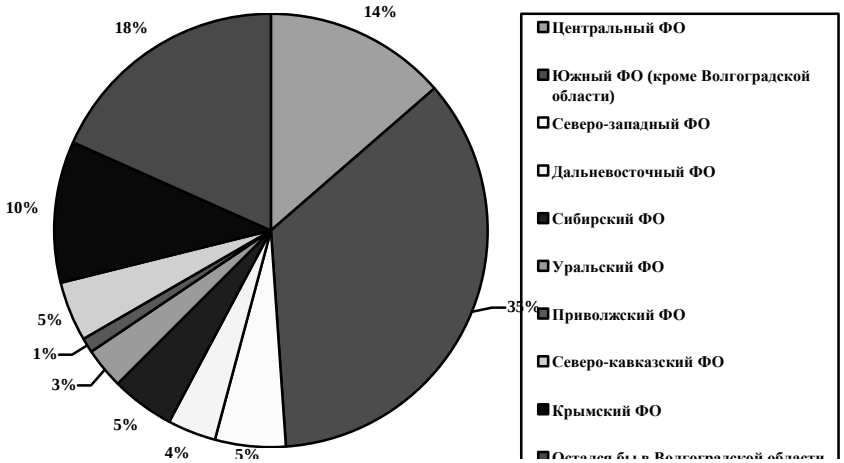


Рис. 7. *Приоритетные направления для выезда из Волгоградской области и Волгограда на временное или постоянное место жительства (2016 г.)*

Также выбор респондентов пал на Крым, Нижний Новгород, Ижевск, Владивосток, Калининград, Саратов, Казань, Кузбасс, Кисловодск, Ялту и Омск, но это единичные предпочтения.

Москва и Волгоград вообще не сопоставимы по показателям уровня и качества жизни, но для ряда выезжающих в Москву из Волгограда первая оценивается как некомфортная для постоянного проживания, и основная цель выезда в Москву — самореализация, получение опыта и заработки на определенном этапе жизни. Тревожным является тот факт, что наибольшее количество выразивших свое мнение не в пользу Волгоградской области и Волго-

града — население возрастных категорий от 21 до 35 лет, то есть наиболее трудоспособная часть населения и кадровый резерв (рис. 8).

Данные опроса подтверждаются и результатами статистического анализа половозрастного состава мигрантов из Волгограда в другие города и регионы РФ и зарубежные страны (рис. 9).

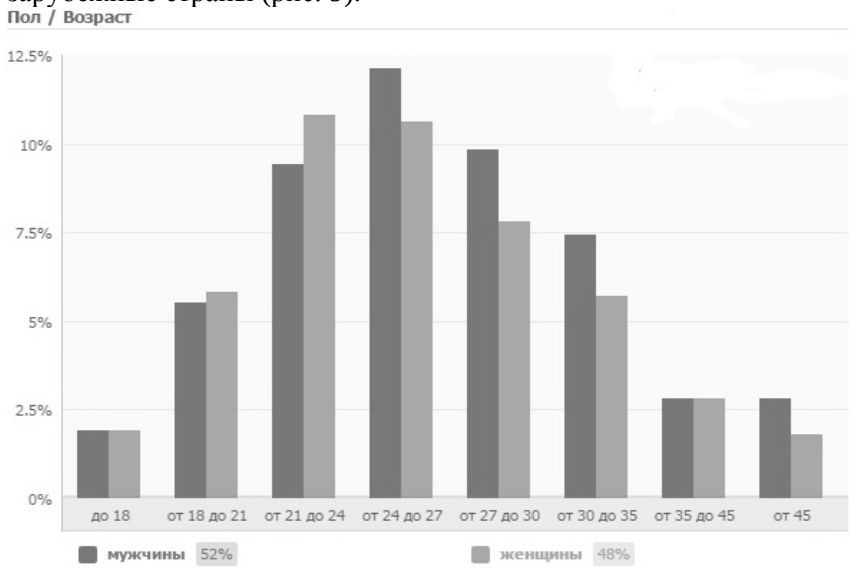


Рис. 8. *Половозрастная структура потенциальных мигрантов из Волгограда в другие города (результаты социологического опроса 2718 жителей Волгограда в феврале – марте 2016 г.)*

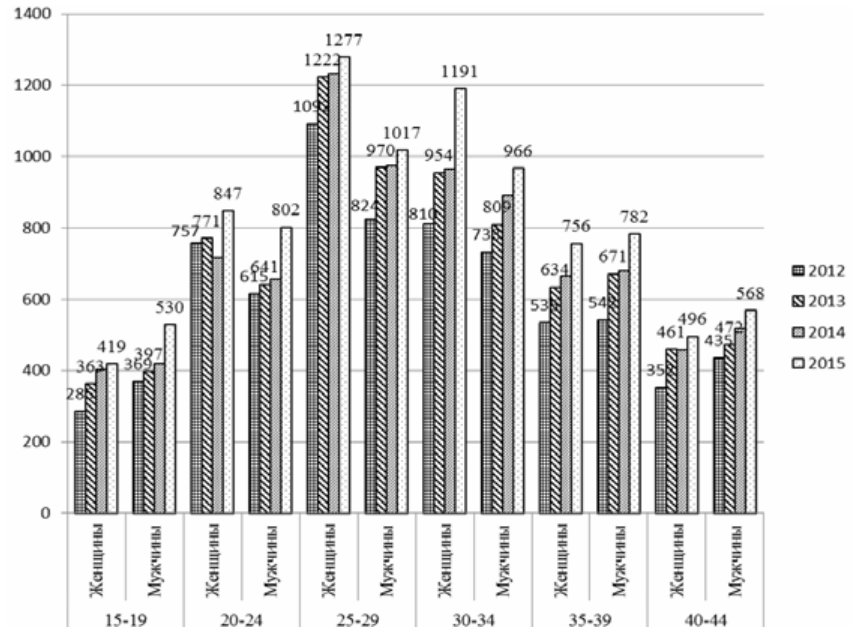


Рис. 9. *Половозрастная структура мигрантов из Волгограда в другие города и регионы России и зарубежные страны*[8]

[8] Миграция. URL: http://volgastat.gks.ru/ (дата обращения 28.03.2016).

Аналогичная ситуация с миграцией в другие регионы наблюдается и в Астрахани (рис. 10).

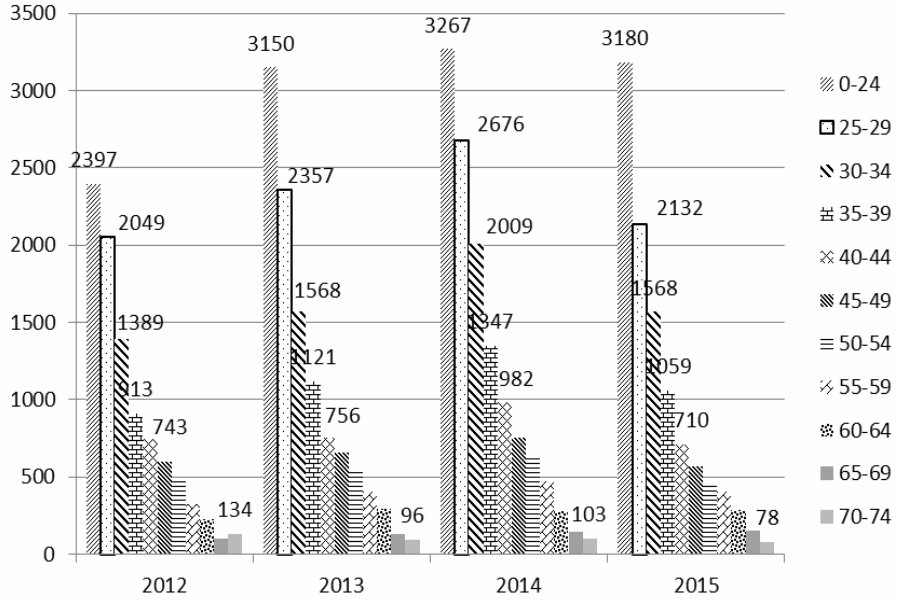


Рис. 10. *Анализ возрастной структуры миграции населения Астрахани за период 2012–2015 гг.*

В других анализируемых городах (Краснодар и Ростов-на-Дону) более благоприятная обстановка. Конечно, для большей доказательности необходим детальный и обширный анализ статистических данных в исследуемом аспекте проблематики конкурентоспособности города по критериям комфортности, и этому авторы посвятят последующие работы.

Тенденции и направления повышения конкурентоспособности современного города. В настоящее время в России наблюдается устойчивая тенденция уменьшения административных и экономических препятствий для перемещения людей по территории страны и за ее пределы. При выборе индивидуумом того или иного города одним из главных мотивов является возможность и реалистичные ожидания повысить комфортность своей жизни в целом. В различных отраслях наук имеется множество подходов к определению комфорта и комфортности [3—9 и др.], критический анализ и обзор с позиций междисциплинарного подхода обусловил определение авторами *комфортности проживания как интегральной характеристики благоприятного сочетания внешних (политических, социокультурных, демографических, экономических, природных, научно-технических) и внутренних (управления обществом, структуры общества, связей и отношений в обществе, безопасности, возможностей развития) факторов жизнедеятельности населения в городе.*

В полной мере создать материальную основу жизни и те ее материализованные формы, в которых обеспечивается комфортность проживания, самостоятельно среднестатистический житель любого города в мире не может. Иначе все предпочли бы организацию жизни в виде индивидуальных, рассе-

янных территориально домохозяйств. Современные представления о комфортности проживания весьма разнообразны, о чем и свидетельствует вышесказанное, но все более очевидным становится факт приоритета экономического признака, в первую очередь стоимости покупки жилья и стоимости его эксплуатации и их разумного соотношения. Например, из городов ЮФО Краснодар лидирует в последние 5 лет по данным параметрам и, как видно из данных статистического анализа и социологического опроса, приведенных выше, оценивается как более комфортный, притягивает трудоспособное население из других городов. Итог — лидер по конкурентоспособности в 2014—2015 гг.

История, современность и тенденции развития общества тому подтверждение, что комфортность проживания индивидуум соотносит непосредственно с жильем в первую очередь. Стоимость покупки жилья и стоимость его эксплуатации — важные статьи затрат, которые индивидуумы планируют и готовы понести в достижение желаемого уровня комфортности проживания. Порой покупка желаемого жилья становится непосильным бременем по цене его эксплуатации, а ЮФО — это регион, в котором имеются все природно-географические предпосылки для оптимизации их соотношения. В частности, это касается наличия всех условий и возможностей для массового строительства экологического и энергоэффективного жилья, весьма экономного в эксплуатации, о чем говорит мировая практика.

В Европе и США технологии, позволяющие сводить к нулю энергопотребление жилья, уже давно активно развиваются, поддерживаются на государственном уровне и используются практически повсеместно. За границей энергоэффективное жилье называют «пассивным» или «нулевым». Основной особенностью такого типа жилья является его малое энергопотребление. В идеале коттедж, построенный по современным технологиям, должен быть независимой энергосистемой, вообще не требующей расходов на поддержание комфортной температуры воздуха и воды. Основным принципом проектирования энергоэффективного дома является использование всех возможностей сохранения тепла. В таком жилье нет необходимости в применении традиционных систем отопления, вентиляции, кондиционирования, водоснабжения. Отопление «нулевого» дома осуществляется благодаря теплу, выделяемому живущими в нем людьми, бытовыми приборами и альтернативными источниками энергии, горячее водоснабжение — за счет установок возобновляемой энергии, например тепловых насосов, солнечных батарей и термовихревых установок. Многим это покажется чем-то фантастическим, но на самом деле «нулевые» дома уже стали реальностью во многих странах мира. Так, в Европе программы энергосбережения и энергоэффективного жилья очень актуальны ввиду высокой стоимости электроэнергии и других ресурсов. К тому же скандинавские страны активно разрабатывают эти технологии при поддержке правительства их стран. Например, в США и некоторых европейских странах принято льготное кредитование реконструкции зданий, в том числе частных, связанное с повышением энергосбережения, в Японии стимулируется с помощью льготного налогообложения строительство зданий из долговечных конструкций, ведь на производство строительных материалов тоже тратится энергия.

В технологическом плане Россия по многим параметрам пока далека от вышеназванных стран в плане активного освоения энергоэффективных технологий. На сегодня в нашей стране «нулевых» домов не наберется и десятка, да и те построены инициативно. Однако некоторые технологии, повышающие уровень энергоэффективности объектов строительства и энергетической реконструкции имеющегося жилья, начинают активно использоваться в нашей стране. В данной статье хотелось заострить внимание на этом нюансе рассматриваемой проблемы: «умный», экологичный, энергоэффективный дом всегда более комфортен для проживания и с точки зрения снижения стоимости эксплуатации, и с точки зрения воспроизводства трудового потенциала, в таком жилье индивидуумы быстрее восстанавливают затраченные силы, накапливают их резерв и потому способны лучше трудиться.

Например, архитектор Рольф Диш для собственного проживания в г. Фрайбург (Германия) построил вращающийся зеленый дом «Гелиотроп», который стоит на одной «ножке» и медленно поворачивается вслед за солнцем, что обеспечивает максимально возможное потребление энергии солнца в течение всего года (рис. 11). Этим же архитектором более 10 лет назад разработан проект в рамках новой концепции «активного дома», то есть дом*а* производят больше энергии, чем потребляют. Этот проект реализован в районе Ваубан в том же Фрайбурге (рис. 11). Население района — более 5 тыс. чел., в районе построено по этой концепции 58 домов, каждый из которых представляет собой мини-электростанцию: на рис. 11 видны солнечные модули, установленные на скатах крыш, обращенных к солнцу. Эти модули улавливают энергию солнца и превращают ее в электрическую. Типовой дом в данном районе в год потребляет около 3300 кВт·ч, в то время как производит 5300 кВт·ч. Стоимость потребления электроэнергии во Фрайбурге — 19,5 цента за кВт·ч, стоимость продажи вновь произведенной электроэнергии таким домом — 49 центов за кВт·ч. Владелец такого дома самостоятельно планирует и контролирует объемы потребления с учетом произведенной энергии с помощью компьютера[9].

А если представить город, в котором все жилье такого плана, предприятия, организации и вся инфраструктура также? Наверняка этот город будет и комфортным, и конкурентоспособным, поскольку у такого города есть реальные шансы оптимизировать бюджет в пользу реализации программ социального развития. И такие города есть: Фрайдельберг и Мангейм (Германия), Фудзисава (Япония), Сонгдо (Южная Корея). Сравнительному анализу комфортности проживания и оценке конкурентоспособности этих городов авторы посвятят последующие работы.

---

[9] Ваубан — энергоэффективность по-немецки. URL: http://www.energosovet.ru/bul_stat.php?idd=140 (дата обращения 05.05.2016 г.); Вращающийся дом Гелиотроп Rolf Disch Solar Architecture. URL: http://www.liveinternet.ru/users/-natalis-/post147086881 (дата обращения 05.05.2016 г.); Солнечное поселение во Фрайбурге. Энергоэффективный квартал Vauban. URL: http://greenevolution.ru/multimedia/solnechnoe-poselenie-vo-frajburge-energoeffektivnyj-kvartal-vauban/ (дата обращения 05.05.2016)

Рис. 11. *«Умные», энергоэффективные дома «Гелиотроп» (слева) и дом в районе Ваубан (справа), г. Фрайбург, Германия*

Завершая обзор, отметим частный, но весьма существенный аспект: эффективность солнечных коллекторов зависит от длительности солнечного света и количества солнечных дней в году. Германия отнюдь не самая солнечная страна — в среднем длительность солнечного света не более 1530 ч в год, в то время как все города ЮФО являются жаркими и солнечными, в частности, в Волгограде средняя продолжительность солнечного сияния в году составляет более 2000 часов, солнечных дней в году — 280—290. Природа щедро одарила все города ЮФО. В данном аспекте основными направлениями повышения комфортности проживания населения городов ЮФО авторы считают:

- реализацию потенциала энергосбережения на основе программ энергосбережения города;
- повышение экологической комфортности проживания населения города на основе программ экологического развития градообразующих предприятий города;
- реализацию программы «Региональная программа капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах» с использованием энергосберегающих технологий и материалов;
- организация действительно функционирующих горячих линий по возникающим вопросам качества жизни населения и комфортности его проживания (образование, здравоохранение, ЖКХ и т. д.).

Выводы

1. Конкурентоспособность городов может определяться по уровню и качеству жизни, которые, в свою очередь, определяют в полной мере институциональное построение и отладку среды жизнедеятельности человека, однако

данные параметры не дают представления о ролевой идентичности человека, его сопричастности и «сращения» с данной территорией. Это возможно определить через оценку комфортности проживания, которая является в современных условиях одним из ключевых факторов миграции трудоспособного населения. Иначе говоря, конкурентоспособен тот город, в котором более комфортно проживать трудоспособному населению.

2. Обеспечение комфортности проживания населения в крупном промышленном городе — важный аспект повышения его конкурентоспособности. Решения, мероприятия и меры организационно-экономического, нормативно-методического, правового, социального характера должны быть определены в трех контекстах: 1) стратегическом (исследование, оценка и прогнозирование индекса развития человеческого потенциала, уровня и качества жизни населения с учетом возможных изменений глобальной внешней среды и среды жизнедеятельности); 2) тактическом (разработка среднесрочных программ и планов социально-экономического развития в контексте конкурентоспособности города с учетом комфортности проживания населения); 3) оперативном (разработка и реализация мер по устранению проблемных зон и более эффективной реализации конкурентного потенциала с позиций повышения комфортности проживания населения города).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Виноградов В.* Европейская Хартия Городов — стратегия и практика для российского города // Городское управление. 2001. № 11. С. 45—49.

2. *Sunderland N., Catalano T., Kendall E.* Missing discourses: concepts of joy and happiness in disability // Disability & Society. 2009. Vol. 24. № 6. Pp. 703—714. DOI:10.1080/09687590903160175

3. *Jensen-Butler C.* Competition between cities, urban performance and the role of urban policy: a theoretical framework // C. Jensen-Butler, A. Schahar and J. Van Weesep (Eds.). European Cities in Competition. 1997. Pp. 3—42.

4. *Николаева Н. А.* Конкурентоспособность города: взгляд зарубежных ученых // Маркетинг в России и за рубежом. 2001. № 6. С. 69—76.

5. *Николаева Е. А., Ванчикова Е. Н., Мещеряков С. А.* Формирование и оценка конкурентоспособности муниципальных образований региона. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2006. 150 с.

6. *Kresl P. K., Singh B.* Urban Competitiveness and US Metropolitan Centres // Urban Studies. 2012. Vol. 49. №. 2. Pp. 239—254. doi:10.1177/0042098011399592

7. *Begg I.* Cities and competitiveness // Urban Studies. 1999. Vol. 36. № 5-6. Pp. 795—809. doi:10.1080/0042098993222

8. *Krugman P.* Making Sense of the Competitiveness Debate // Oxford Review of Economic Policy. 1996. Vol. 12. № 3. Pp. 17—25. doi:10.1093/oxrep/12.3.17

9. *Рудницкая А. В.* Методика оценки конкурентоспособности муниципальных образований // Доклады ТУСУР. 2008. № 1(17). С. 142—147.

10. *Джегутанов В. В.* Конкурентоспособность города: сущность, критерии и показатели // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 322—327.

11. *Логинова В. А.* Современные подходы к оценке конкурентоспособности территориальных экономических систем // Вестник ТОГУ. 2008. № 2(9). С. 139—152.

12. *Анимица Е.* Конкуренция в территориальном измерении // Интеграция: власть, наука, производство. 2003. № 1. С. 38—42.

13. *Гринчель Б. М., Назарова Е. А.* Территориальный маркетинг как инструмент повышения конкурентоспособности городов и регионов // Стратегическое планирование в регионах и городах России: доклады участников VII Общероссийского форума лидеров стратегического планирования, Санкт-Петербург, 20—21 октября 2008 г. / под ред. Б. С. Жихаревича. СПб.: Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», 2009. С. 102—104.

14. *Гутникова Е. А.* Оценка конкурентоспособности города // Проблемы развития территории. 2013. № 6 (68). С. 22—29.

15. *Салякин И. Е., Краснощеков А. Н., Трифонова Т. А.* Оценка комфортности проживания населения в регионе (на примере Владимирской области) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 1(7). С. 1880—1883.

16. *Крымзин Д. Н.* Теоретические аспекты статистического изучения социальной комфортности проживания населения // Казанская наука. 2010. № 1. С. 132—137.

17. *Першина Т. А.* Концепция формирования и реализации потенциала энергосбережения как основы комфортности проживания населения в малом городе // Фундаментальные исследования. 2015. № 4. С. 244—249.

18. *Тетиор А. Н.* Экологическая гармония, красота, комфортность города (на базе экологической инфраструктуры). М.: МГУП, 2010. 312 с.

19. Glebova I. S. [The analysis of the comfort of living in the largest city and possibilities of its increase (by the example of Kazan city)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* [Proceedings of Kazan University], 2011, 153 (4), pp. 198—210.

20. Скворцова М. А. [Statistical and cartographic modeling of social comfort of living of the population of the Volga Federal District]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economics: theory and practice], 2014, no. 22, pp. 41—48.

21. *Реймерс Н. Ф.* Природопользование: Словарь-справочник. М.: Мысль, 1990. 640 с.

REFERENCES

1. Vinogradov V. [The European Charter of the Cities — strategy and practice for the Russian city]. *Gorodskoe upravlenie* [City Administration], 2001, no. 11, pp. 45—49.

2. Sunderland N., Catalano T., Kendall E. Missing discourses: concepts of joy and happiness in disability. *Disability & Society*, 2009, 24(6), pp. 703—714. DOI:10.1080/09687590903160175

3. Jensen-Butler C. Competition between cities, urban performance and the role of urban policy: a theoretical framework. *European Cities in Competition*, 1997, pp. 3—42.

4. Nikolaeva N. A. [City competitiveness: the view of foreign scientists]. *Marketing v Rossii i za rubezhom* [Journal of Marketing in Russia and Abroad], 2001, no. 6, pp. 69—76.

5. Nikolaeva E. A., Vanchikova E. N., Meshcheryakov S. A. *Formirovanie i otsenka konkurentosposobnosti munitsipal'nykh obrazovanii regiona* [Formation and assessment of competitiveness of municipalities in the region]. Ulan-Ude, Publishing House of VSGTU, 2006. 150 p.

6. Kresl P. K., Singh B. Urban Competitiveness and US Metropolitan Centres. *Urban Studies*, 2012, 49(2), pp. 239—254. doi:10.1177/0042098011399592

7. Begg I. Cities and competitiveness. *Urban Studies*, 1999, 36(5-6), pp. 795—809. doi:10.1080/0042098993222

8. Krugman P. Making Sense of the Competitiveness Debate. *Oxford Review of Economic Policy*, 1996, 12(3), pp. 17—25. doi:10.1093/oxrep/12.3.17

9. Rudnitskaya A. V. [A municipal formation competitiveness estimatiom procedure]. *Doklady TUSUR* [Proceedings of TUSUR University], 2008, 1(17), pp. 142—147.

10. Dzhegutanov V. V. [City competitive ability: subject-matter, criteria and indicators]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [The theory and practice of social development], 2012, no. 3, pp. 322—327.

11. Loginova V. A. [Modern approaches to the assessment of competitiveness of territorial economic systems]. *Vestnik TOGU* [The Herald of TOGA], 2008, no. 2(9), pp. 139—152.

12. Animitsa E. [Competition in territorial measurement]. *Integratsiya: vlast', nauka, proizvodstvo* [Integration: power, science, production], 2003, no. 1, pp. 38—42.

13. Grinchel' B. M., Nazarova E. A. [Territorial marketing as the instrument of increase of competitiveness of cities and regions]. *Strategicheskoe planirovanie v regionakh i gorodakh Rossii: doklady uchastnikov VII Obshcherossiiskogo foruma liderov strategicheskogo planirovaniya, Sankt-Peterburg, 20—21 oktyabrya 2008 g.* [Strategic planning in regions and cities of Russia. Proc. of VII All-Russian Forum of Leaders of Strategic Planning, Saint Petersburg, 20—21 October, 2008]. Saint Petersburg, International center of social and economic researches "Leont'evskii Center", 2009, pp. 102—104.

14. Gutnikova E. A. [Assessment of the city's competitiveness]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], 2013, 6(68), pp. 22—29.

15. Salyakin I. E., Krasnoshchekov A. N., Trifonova T. A. [Estimation of comfort residing of the population in the region (on the example of Vladimirskaya oblast)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2010, vol. 12, no. 1(7), pp. 1880—1883.

16. Krymzin D. N. [Theoretical aspects of statistical survey of social comfort of living of the population]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 2010, no. 1, pp. 132—137.

17. Pershina T. A. [Concept formation and realization of energy saving potential as a basis of a comfortable stay in a small town]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research], 2015, no. 4, pp. 244—249.

18. Tetior A. N. *Ekologicheskaya garmoniya, krasota, komfortnost' goroda (na baze ekologicheskoi infrastruktury)* [Ecological harmony, beauty, comfort of the city (based on ecological infrastructure)]. Moscow, MGUP Publ., 2010. 312 p.

19. *Глебова И. С.* Анализ комфортности проживания в крупнейшем городе и возможности ее повышения (на примере г. Казани) // Ученые записки Казанского университета. 2011. Т. 153. Кн. 4. С. 198—210.

20. *Скворцова М. А.* Статистико-картографическое моделирование социальной комфортности проживания населения Приволжского федерального округа // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 22. С. 41—48.

21. Reimers N. F. *Prirodopol'zovanie: Slovar'-spravochnik* [Use of natural resources: dictionary-reference book]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 640 p.

© Максимчук О. В., Першина Т. А., 2016

Поступила в редакцию
в мае 2016 г.

Ссылка для цитирования: *Максимчук О. В., Першина Т. А.* Конкурентоспособность современных городов (на примере крупных городов ЮФО) // Социология города. 2016. № 2. С. 104—122.

For citation: Maksimchuk O. V., Pershina T. A. [Competitiveness of modern cities (by the example of large cities in the Southern federal district)]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 2, pp. 104—122.

УСЛОВИЯ ПРИЕМА СТАТЕЙ В РЕДАКЦИЮ И ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ ОРИГИНАЛАМ

Научно-теоретический журнал **«Социология города»** (далее — Журнал) издается для ознакомления научной общественности с результатами научных исследований по проблемам урбанистики в области социологии, философии, культурологии и других гуманитарных наук ученых ВолгГАСУ и иных научных организаций и вузов.

Учредитель Журнала — ученый совет ВолгГАСУ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. Выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Журнал зарегистрирован Международным центром ISSN, ***ISSN 1994-3520 (Print), ISSN 2077-9402 (Online).***

Журнал **входит в утвержденный ВАК** Минобрнауки России **Перечень** ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (ред. 2011 г.).

Журнал выходит четырьмя выпусками в год.

Требования к оформлению статей. Статью необходимо представить на электронном носителе и в распечатанном виде в сопровождении: 1) заполненного автором лицензионного договора (2 экз.) (*скачать бланки* http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology/preparation-requirements/), 2) анкеты автора (http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology/preparation-requirements/). Все сопроводительные документы представляются на бумажных носителях в оригинале.

В отдельном файле помещаются ***сведения об авторах на русском и английском языках, а также кириллицей — в полном соответствии с данными в заполненном бланке анкеты (см. выше): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность, место работы; почтовый адрес, телефон и адрес электронной почты.***

В статье приводятся:

индекс УДК;

на русском и английском языках:

фамилия и инициалы автора,

название статьи,

аннотация (на рус. яз. — до 500 знаков, на англ. — от 500 знаков до полной страницы),

ключевые слова.

Текст статьи заверяется подписью автора (соавторов).

Объем статьи — не менее 15 с. установленного формата журнала (см. ниже), включая название, аннотации, ключевые слова, текст, таблицы, рисунки, библиографический список. Последняя страница считается полной независимо от фактического заполнения.

Оригинал статьи должен быть набран с помощью пакета программ *Microsoft Office* (*Word 2003*); шрифт *основного текста* — Times New Roman (Cyr) № 11 (11 пунктов).

Параметры страницы — поля, см: верхнее — 3,7; нижнее — 4,5; левое — 2,0; правое — 6,0; переплет — 0, поля зеркальные. Расстояние от края до верхнего колонтитула, см — 3,0, от края до нижнего колонтитула — 3,7. Абзацный отступ равен 0,75 см. Межстрочный интервал одинарный. Автоматически устанавливаются переносы (не более 4 подряд в одном абзаце). Автоматически устанавливается запрет висячих строк.

Для *набора формул* используется редактор формул *Microsoft MathType 5*; по умолчанию устанавливаются размеры шрифта для одно- и двухстрочных формул: обычного — 11 пт, крупного и мелкого индекса — соответственно 8 и 6 пт, крупного и мелкого символа — соответственно 16 и 11 пт. Греческие и русские буквы набираются прямым шрифтом, латинские — курсивом. Если написание в формулах отличается от традиционного, автор должен сделать соответствующие пометки на полях распечатанной статьи, при этом греческие буквы обводятся красным карандашом, готические — синим. Формулы выключаются в левый край с абзацным отступом. Запись формулы выполняется автором с использованием всех возможных способов упрощения и не должна содержать промежуточные преобразования.

Векторные рисунки, сохраненные в формате WMF, *растровые* — в TIF или BMP, *графики и диаграммы*, построенные в *Microsoft Excel*, дополнительно помещаются на электронный носитель отдельными файлами. Имя файла должно соответствовать наименованию или номеру рисунка в тексте статьи. Кроме того, *иллюстрации* обязательно присылаются распечатанными на отдельных листах формата А4 в масштабе 1:1, в пригодном для сканирования виде. Размер шрифта текста в рисунках — 9…10 пт. *Подписи к рисункам* выполняются непосредственно в тексте статьи шрифтом Times № 10 (10 пт), экспликация в подрисуночной подписи — Times № 9 (9 пт). Для сжатия больших файлов использовать архиваторы *Arj* и *WinZip*, *WinRAR*.

Цветные и черно-белые фотографии присылать в оригинальном виде с подписями на обороте. Цифровые фотографии выполнять с разрешением не менее 300…600 dpi, присылать в электронном виде в любом графическом формате, кроме .jpg.

Текст *таблиц* набирается шрифтом Times New Roman (Cyr) № 10 (10 пт).

ПРИСТАТЕЙНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ РАЗМЕЩАЮТСЯ ПОСЛЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА СТАТЬИ.

В библиографическом списке приводится только цитируемая в статье литература. ПРИВЕТСТВУЕТСЯ ЦИТИРОВАНИЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАНЕЕ В ЖУРНАЛЕ СТАТЕЙ. Источники группируются в списке в порядке упоминания в тексте. Ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках (ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ). В библиографическую запись включаются только основные элементы библиографического описания (ГОСТ 7.0.5—2008). Разделительные знаки «тире» между областями опускаются. Шрифт Times New Roman (Cyr) № 9 (9 пт). Язык библиографических записей соответствует языку описываемых источников.

Авторы статей несут всю полноту ответственности за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, нанесенный публикацией статьи. Редакция исходит из того, что, в соответствии с законодательством РФ в части авторского права, автор, направляя статью в редакцию, полностью соглашается с условиями редакции и, следовательно, только сам лично несет ответственность за использование в тексте статьи материалов третьих лиц и соблюдение их авторских прав. Все права автора и вся полнота его ответственности сохраняются и после публикации статьи в журнале.

Порядок рецензирования. Статьи обсуждаются редколлегией, рецензии, поступившие в сопроводительных материалах, учитываются.

Статьи, не отвечающие изложенным требованиям, редколлегией не принимаются. Материалы, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.

Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста. Корректура статей авторам не предоставляется. Переписка, телефонные переговоры по согласованию авторских и редакционных изменений текста статьи производятся за счет автора.

Гонорар за опубликование статьи не выплачивается, плата за публикацию статей с аспирантов не взимается.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ОЧЕРЕДНОГО НОМЕРА ЗАВЕРШАЕТСЯ ЗА 3 МЕСЯЦА ДО ПЛАНИРУЕМОГО ВЫХОДА В СВЕТ.

Примерный график выпуска журнала:

— март (прием статей до 1 декабря);

— июнь (прием статей до 1 марта);

— сентябрь (прием статей до 1 июня);

— декабрь (прием статей до 1 сентября).

Тематические рубрики. В Журнале публикуются научные статьи и другие материалы по вопросам социологии, философии, экономики, политологии и других гуманитарных наук в соответствии с основными тематическими рубриками:

Человек в современном городе.
Город как экономическая система.
Управление социальными и экономическими системами.
Город и власть.
Архитектурное пространство как социокультурный феномен.
Техносфера современного города: город и экология.

Направлять статьи, обращаться по вопросам условий публикации по адресу evgenkar@yandex.ru

Обращаться по вопросам подготовки авторского оригинала к печати mariapes@mail.ru. Тел.:(8442)-96-98-28.

Обращаться по вопросам приобретения очередного номера журнала к главному редактору журнала «Социология города» Б. А. Навроцкому: (8442)-96-99-25. E-mail: jurnalfil@mail.ru

Документы высылать по адресу: 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-210 (РИО).

Научное издание

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2016. № 2

Научно-теоретический журнал

Редактор *М. Л. Песчаная*
Компьютерная правка и верстка *М. Л. Песчаная*
Перевод на английский язык *О. Ю. Юшко*
Компьютерный дизайн обложки *Т. М. Потокина-Курилкина*, *О. Ю. Мелешин*
Информационно-библиографическое обслуживание *Е. В. Хромова*

Подписано в печать 21.06.2016.
Формат 70 × 108/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Уч.-изд. л. 7,0. Усл. печ. л. 10,9. Тираж 500 экз. Заказ № 22

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет»
Редакционно-издательский отдел
Отпечатано в отделе оперативной полиграфии ВолгГАСУ
400074, Волгоград, ул. Академическая, 1